

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2019

№ 2 (49)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА: ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1918–1922 гг.): КУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

От редактора рубрики 5

Караман В.Н., Рыкунов Д.Э. Кинематограф в Приморье в годы революции, Гражданской войны и военной интервенции (1917–1922 гг.) 7

Позняк Т.З. Выступление японских интервентов во Владивостоке 4–6 апреля 1920 г.: насилие и стратегии поведения населения в ходе вооруженного конфликта 15

Аргудяева Ю.В. Из России в маньчжурское Трёхречье: исход русских казаков и крестьян после гражданской войны 27

Краюшкина Т.В. Песенный фольклор Гражданской войны в Приморье: безымянные герои и героизм 37

Фетисова Л.Е. Роль фольклорного наследия в сохранении и трансляции памяти о событиях 1917–1922 гг. на российском Дальнем Востоке 47

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Пчела И.В. Материальное положение учителей сельских школ Приморской области в конце XIX – начале XX века 55

Маклюков А.В. Формирование производственных кадров электроэнергетики на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг. 62

Исаев А.А. Реакция городского населения Дальнего Востока СССР на займовые кампании в 1930-е–1941 гг. 72

Круглый стол

Демьяненко А.Н., Горюнов А.П., Кондратенко Г.В., Исаев А.Г., Барбенко Я.А. Особенности регионального развития на Дальнем Востоке сегодня 81

Экономика и природопользование

Ян Линьлинь. Приоритетные направления экономического развития и сотрудничества, продвигаемые Россией в формате Восточного экономического форума 90

Социальные и демографические структуры

Филипова А.Г., Лебедева Е.В. Дружественность городской среды к детям и молодежи: от теоретических подходов к экспертным интерпретациям 101

Мартышенко Н.С. Разработка типологий по данным социологических исследований интернет-опросов **113**

**КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ**

Самойленко П.Ю. Информационный образ приморского предпринимателя как фактор развития региона и продвижения бренда территории **124**

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ

Гутенев М.Ю. Арктика во внешней политике США **133**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Винокурова А.В., Костина Е.Ю. Всероссийский научно-практический семинар "Центр и периферия: диалог или неиспользованные возможности?" (Владивосток, 18–19 апреля 2019 г.) **144**

НЕКРОЛОГ

Анатолий Александрович Щербина (1949–2019 гг.) **147**

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), Я.А. Барбенко, В.А. Бурлаков, А.В. Винокурова, С.М. Дударенок, Г. Кристофферсен, М.Г. Ганопольский, К.В. Григоричев, А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей (ответственный редактор), И.Н. Золотухин, В.Н. Караман, А.А. Киреев, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, М.М. Лебедева, Д.А. Литошенко, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, Н.П. Рыжова, С.В. Севастьянов, А.Г. Филипова, О.И. Шестак, Шин Беом-Шик, Сасаки Широ, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман
Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.
Корректор: Е.В. Абрамова

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–30578, выданное 12.12.2007 г.

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME: CIVIL WAR IN THE RUSSIAN FAR EAST (1918–1922): CULTURAL AND ETHNIC ASPECTS

From the editor of the heading	5
Karaman V.N., Rykunov D.E. Cinema in Primorye in the years of the revolution, Civil war and military intervention (1917–1922)	7
Poznyak T.Z. Actions of the Japanese interventionists in Vladivostok on April 4–6, 1920: violence and strategies of behavior of the population during an armed conflict	15
Argudyaeva Yu.V. From Russia to the Manchurian Three-Rivers: the Exodus of Russian Cossacks and Peasants after the Civil War.	27
Krayushkina T.V. Song folklore of the Civil War in Primorye: nameless heroes and heroism	37
Fetisova L.E. Folklore heritage as a keeper and broadcaster of the memory of the events of 1918–1922 in the Russian Far East	48

HISTORICAL REGIONAL STUDIES

Pchela I.V. The material position of teachers of rural schools of the Primorsky region in the end XIX – beginning of XX century	55
Maklyukov A.V. Formation of electric power industry personnel in the Far East of the USSR in 1920–1930s	62
Isaev A.A. The reaction of the urban population of the Far East of the USSR to loan campaigns in the 1930s–1941	72

ROUND TABLE

Demyanenko A.N., Goryunov A.P., Kondratenko G.V., Isaev A.G., Barbenko Y.A. Features of regional development in the Far East today	81
--	----

ECONOMY AND NATURE

Yan Lin'lin'. Priority areas of economic development and cooperation promoted by Russia in the format of the Eastern Economic Forum	91
--	----

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

Filipova A.G., Lebedeva E.V. Child and youth friendliness of the urban environment: from theoretical approaches to expert interpretations	101
Martyshenko N.S. Development of typologies according to sociological surveys in Internet	113

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

- Samojlenko P.Yu.** Information image of a Primorsky businessman as a factor of regional development and territorial brand advancement **124**

WORLD SYSTEM AND INTERNATIONAL REGIONS

- Gutenev M.Yu.** The Arctic in US Foreign Policy **133**

SCIENTIFIC LIFE

- Vinokurova A.V., Kostina E.Yu.** All-Russian scientific and practical seminar "Centre and periphery: dialogue or untapped opportunities?" (Vladivostok, 18–19 April 2019) **144**

OBITUARIES

- Anatoliy Aleksandrovich Shcherbina (1949–2019) **147**

Editorial board:

T.G. Rinskaya (Editor-in-chief), Ya.A. Barbenko, V.A. Burlakov, A.V. Vinokurova, S.M. Dudaryonok, G. Christoffersen, M.G. Ganopolskij, K.V. Grigorichev, A.N. Demyanenko, E.V. Zhurbey (Editor), I.N. Zolotukhin, V.N. Karaman, A.A. Kireev, V.V. Kozhevnikov, A.M. Kuznetsov, Yu.V. Latushko, M.M. Lebedeva, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin, Yu.A. Naumov, N.P. Ryzhova, S.V. Sevastyanov, A.G. Filipova, O.I. Shestak, Beom-Shik Shin, Shiro Sasaki, S.E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher education "Vladivostok state university of Economics and Service".

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals recommended by VAK in the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.
Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman
Graphic registration: J.A. Barbenko, V.N. Karaman, V.V. Postnikov.
Corrector E.V. Abramova

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77–30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Гражданские войны сотрясали различные государства. Сто лет назад на территории бывшей Российской империи разразилась одна из кровопролитнейших в её истории войн между соотечественниками, усугублённая предшествовавшей четырёхлетней мировой войной и последовавшей интервенцией. События 1918–1922 гг. не просто на многие годы определили дальнейшую судьбу вовлечённых в них регионов. За прошедшее столетие тень гражданской войны не раз нависала над образовавшимся на обломках Российской империи Советским Союзом, а после распада СССР и над его осколком – Российской Федерацией. Тематический номер журнала представляет подготовленные на дальневосточном материале статьи, которые посвящены относительно новым для отечественной историографии этническим и культурным аспектам Гражданской войны в России 1918–1922 гг.

В статье В.Н. Карамана и Д.Э. Рыкунова даётся картина развития кинематографа в годы Гражданской войны и военной интервенции (1917–1922 гг.) на территории Приморья. Авторы ввели в научный оборот малоизвестные источники, отражающие деятельность кинематографических студий, кинотеатров, кинопередвижек и всего, что так или иначе было связано с кинематографом. Впервые показаны и проанализированы попытки небольшевистских правительств сформировать свою индустрию кинопроката, не только как противовес, но и как естественное культурное развитие небольшевистской России.

Т.З. Позняк в своей работе анализирует стратегию поведения японских интервентов, российских военных и гражданских жителей Владивостока во время японского выступления 4–6 апреля 1920 г. В статье чётко просматривается деление не только по политическому или национальному признаку, но и по характерному больше для конца XX и начала XXI вв. делению на комбатантов и нонкомбатантов, соблюдавшемуся только при военно-политической необходимости, без оглядки на какие бы то ни было конвенции и так называемые правила ведения войны. Данное деление, кроме юридического, представляет и этнографический интерес. Т. З. Позняк рассматривает действия японских военных, отмечая их скрупулёзную подготовку и попытку представить свои атаки как ответ на провокацию со стороны русских войск. Описываются как вполне естественные при вооружённом насилии формы поведения горожан – попытки спрятаться в подвалах, подъездах домов, не оказывать сопротивления, подчиняться требованиям военных, – так и экстремальные – походы по городским улицам под обстрелом, занятия обычными повседневными делами, попытки оказать сопротивление военным, защитить свои права, и даже, пользуясь случаем, устроить погромы и грабежи. Автор также отмечает, что современники свидетельствуют о выработке у горожан привычки к переворотам (как, впрочем, у всех нонкомбатантов в аналогичных условиях), к опасности и насилию.

Ю.В. Аргудяева показывает в своей работе причины эмиграции и исхода русских казаков Забайкалья и крестьян-старообрядцев Приморья в маньчжурское Трёхречье. Автором освещается история возникновения первых русских займов и посёлков на маньчжурской земле, их религиозный состав. Рассматриваются особенности адаптации русских к хозяйственной деятельности в условиях не совсем привычной для них природной среды Трёхречья. Ю. В. Аргудяева указывает и анализирует основные причины и периоды реэмиграции русских трёхреченцев в Россию и эмиграции в страны Азиатско-Тихоокеанского региона и роль Гражданской войны в этом миграционном процессе.

Т.В. Краюшкина на материале песенного фольклора Гражданской войны, зафиксированного в Приморье в 1919–1976 гг., изучает сформированный в новых исторических условиях образ безымянного героя и трансформацию представлений о героизме. Автор выделяет значимые элементы образов ге-

роев: наименование героев, оценку оппонентов, описание телесного образа, предметные реалии, действия. Она делает выводы о различной реализации индивидуального героя и группы. Так, героизм связан с достижением общей цели – свержения классового врага. А усвоение политических идей русским народом сопряжено с активным наполнением привычных шаблонов традиционных русских представлений новыми смыслами.

Л.Е. Фетисова рассматривает устное творчество, посвящённое Гражданской войне и иностранной интервенции, как своеобразную форму народной исторической памяти. Её исследование основано на опубликованных источниках, а также на экспедиционных материалах и наблюдениях автора. Л.Е. Фетисовой приводятся примеры устных рассказов, песен, частушек, распространённых на юге российского Дальнего Востока. Подчёркивая субъективный характер подобных источников, автор напоминает, что они являются неотъемлемой частью отечественной истории и культуры, которую необходимо изучать и осмысливать.

Гражданские войны не способствуют развитию культуры, в их огне гибнут или ставятся на грань физического выживания целые народы. И даже после их окончания победители могут оказаться в ситуации, которую лучше всего иллюстрирует картина одного из художников "кубистов" "Победитель". Однако гражданская война не в силах остановить культуру и искусство. Мало того, именно культура позволяет народу (как победителям, так и побеждённым) не только выжить, но и возродиться (в демографическом, политическом, экономическом и прочих отношениях) после окончания её военной фазы. Данная рубрика только прикоснулась к необъятной теме этнических и культурных аспектов Гражданской войны. Дальнейшие исследования значительно расширят наши знания в этой области и дадут возможность избежать тех бед, которые обрушились на наших прадедов. Но то, как мы воспользуемся (и воспользуемся ли) этими знаниями, уже, как говорится, совсем другая история.

В.Н. Караман

УДК 94(1917-1922)+77

Караман В.Н., Рыкунов Д.Э.

Кинематограф в Приморье в годы революции, Гражданской войны и военной интервенции (1917–1922 гг.)

Разразившаяся на просторах бывшей Российской Империи Гражданская война, пожирая ещё не уничтоженные Первой мировой войной человеческие и материальные ресурсы, тем не менее, не остановила развитие кинематографа. Люди продолжали ходить в кинотеатры, вне зависимости от того, какая из воюющих сторон в данный момент находилась у власти. Дальний Восток и особенно Приморье заметно выделялись из прочих регионов России. Прежде всего, Приморье практически почти всю Гражданскую войну (за исключением редких перерывов) находилось под властью несоветских (небольшевистских) правительств. Это не могло не отразиться на кинематографии и только зарождающейся в эти годы киноиндустрии. Советская власть (хотя правильнее будет говорить большевистская, т.к. за годы Гражданской войны был опыт и небольшевистских советов) с момента своего возникновения утилитарно подходила ко всему, в том числе и к искусству. Кинематограф, не просто не стал исключением, а наоборот был практически поставлен, как говорится, "во главу угла". "Из всех искусств, для нас важнейшим является кино" [6, с. 579], – эта фраза Ленина точно показывает ориентир большевиков в сфере искусства. Небольшевистские и несоветские правительства в деле кинематографии не были столь категоричны к кинематографу. Однако кинохроника при всех властях использовалась в качестве инструмента идеологической обработки населения.

Не останавливаясь подробно на историографии вопроса, отметим, что в последнее время выходили работы, посвящённые истории кинематографа в годы Гражданской войны¹. Тем не менее, Приморью и Дальнему Востоку в целом в них внимание практически не уделено. В своей работе мы постараемся восполнить этот пробел.

К 1917 г. во Владивостоке кинематограф стал неотъемлемой частью культурного досуга и развлечения горожан, чему способствовало несколько факторов. Во-первых, в городе уже довольно долго функционировали три стационарных кинотеатра ("Золотой Рог", "Идиллия", иллюзион Михайлова и Ерошенкова). В 1917 г. к ним добавились ещё два: общедоступный театр братьев Малеванных и иллюзион "Художественный". В конце войны, 20 ноября 1921 г., открылся ещё один – "Новый театр" (впоследствии – "АРС"), в котором кинематограф успешно соседствовал с театром. Его открытие стало событием для Владивостока: "Владивосток обогатился новым красивым зданием, построенным из железобетона, согласно новейшим приёмам строительного-технического искусства. Зрительный зал, рассчитанный на 1600 человек, состоит из трёх ярусов и нескольких лож. Партер огибается широким променуаром по образцу европейских театров. Лепная отделка внутри и снаружи выполнена в стиле модерн с колоннами типа ампир. При светлой окраске и значительном освещении зал производит эффектное и уютное впечатление"² [8, с. 43].

¹ Назовём только ряд работ: [3; 5; 7] и др.

² Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

© Караман В.Н., Рыкунов Д.Э., 2019

КАРАМАН Вадим Николаевич, канд. ист. наук, зав. библиотекой Приморского государственного объединённого музея имени В.К. Арсеньева (г. Владивосток). **E-mail:** karaman-v.n@mail.ru

РЫКУНОВ Дмитрий Эдуардович, старший научный сотрудник Приморского государственного объединённого музея имени В.К. Арсеньева (г. Владивосток). **E-mail:** dmrykunov@yandex.ru

Помимо стационарных кинотеатров, во Владивостоке регулярно появлялись временные (летние) кинотеатры. Чуть позже, в начале 20-х годов, кино стали крутить в рабочих клубах (Союза грузчиков, почтово-телеграфных работников и др.). Взвешенная ценовая политика, проводимая владельцами кинотеатров, делала кино доступным для всех социальных групп населения. Стоимость билетов на сеансы варьировалась от 25 копеек до 1,5 рублей. Во-вторых, существовала отлаженная система проката, картины поставлялись из столичных городов через крупнейшую в Сибири прокатную контору А.М. Дон-Отелло (г. Иркутск). Первая мировая война существенно повлияла на репертуар местных кинотеатров, по понятным причинам практически исчезли с экранов немецкие фильмы (до начала войны они занимали одно из главенствующих мест в репертуаре), возникли сложности с поставкой французских, итальянских картин. Доминирующее место заняли отечественные фильмы, снятые на киностудиях А. Ханжонкова, И. Ермольева, А. Харитоновна. Частыми гостями стали американские фильмы, занимавшие до этого довольно скромное место в прокате. Интересно, что именно с этого времени владивостокская публика смогла, наконец, познакомиться с творчеством таких звезд экрана, как Роско Арбакль, Мэри Пикфорд, Чарли Чаплин и др.

После февральской революции все кинотеатры работали более или менее нормально. Имевшийся у владельцев кинотеатров запас старых картин позволял им сравнительно безболезненно преодолевать возникавшие время от времени проблемы с демонстрацией новых фильмов. Так, например, в 1917 г. демонстрировалась знаменитая итальянская историческая картина "Кабирия" 1914 г. выпуска, а в течение 1919 г. в городе с успехом шла отечественная салонная драма "Гнёт рока" с Владимиром Максимовым в главной роли, хотя фильм этот был снят ещё в 1915 г. Эта тенденция продолжилась и в 20-е гг. В 1922 г. во Владивостоке наконец-то показали шедевр Якова Протазанова "Отец Сергей", премьера которого состоялась в 1918 году. А по соседству, в другом кинозале, шёл прогремевший на весь мир антивоенный американский фильм Томаса Инса "Цивилизация", 1916 г. Американская драма "Общее право" с Кларой Кимбл Янг в главной роли, была снята в 1916 г., а вестерн "Дурман" с участием знаменитого киноковбоя Уильяма Харта – в 1917 г. Из-за нехватки свежих комедий хозяева вытаскивали из запасников и демонстрировали комедии с участием Макса Линдера, который к этому времени практически перестал сниматься в кино.

Национализация кинотеатров, осуществлявшаяся большевиками на контролируемой ими территории в центральной России и в Сибири, Владивосток практически не затронула. Объяснялся этот феномен тем, что советская власть в городе сравнительно быстро пала. Проблемы у кинотеатров возникли позже и совсем по иным причинам. В феврале 1919 г. иллюзион "Идиллия" стал принимать только солдат иностранного экспедиционного корпуса, вход обычным посетителям был запрещён, видимо из соображений безопасности. Когда дал о себе знать острый жилищный кризис, разразившийся во Владивостоке в связи с большим количеством прибывших беженцев [1], то одной из первых его жертв стал иллюзион Михайлова и Ерошенкова, отданный городскими властями под квартиры для тюремных надзирателей. В самих же иллюзиях нередко стали проводиться различные политические собрания, митинги, маёвки, причём спектр сил, здесь представленных, был весьма широк: от национал-демократов до кашпелевцев. Особенно много таких мероприятий произошло в 1921 г., а количество сеансов в эти дни существенно сократилось.

Что касается других городов и более или менее крупных населённых пунктов края, то здесь ситуация с кинематографом развивалась следующим образом. Количество стационарных кинотеатров в них было минимальным. Один, в лучшем случае, – два. Основной сегмент составляли кино-передвижки, время от времени появлявшиеся с небольшими партиями картин. Известно, что во втором по величине городе – Никольск-Уссурийске – с 1908 г. работал кинематограф Никитина. Зато здесь появилась небольшая, но своя собственная прокатная контора. Её владельцем был Сергей Васильевич Краснощёков, представитель Английского Акционерного Товарищества Биоскопов на Дальнем Востоке. Помимо прокатной конторы он по совместительству являлся и хозяином другого кинотеатра – "Фурора".

Согласно изданному каталогу, прокатная контора располагала 387 фильмами, разделёнными по жанрам: 1. "Военные" (22), 2. "Видовые – научные" (18), 3. "Видовые" (51), 4. "Драмы большие" (69), 5. "Драмы в одной части" (98), 6. "Комические" (108), 7. "Феерии и фантазии" (21). Метраж картин был от 50 метров (длительность около 2 минут) до 2000 метров (90 минут).

"Военные картины" были представлены в основном кинохроникой, в частности визитами императора Николая II в города: Ярославль, Кострому, Нижний Новгород, Владимир. Однако в списке присутствовала и знаменитая постановочная картина, снятая на студии Александра Ханжонкова, – "1812 г. Отечественная война". В "видовых – научных", причудливым образом соседствовали "Производство шляп на острове Куба", "Производство автомобилей" и "Бой быков в Риме". В "видовых" – большую часть составляли и журналы студий "Пате", "Гомон", "Эклер", специализировавшиеся на последних новостях со всего мира. "Драмы большие", чей метраж был от 750 до 2000 метров, украшали российские, датские, американские картины с участием звёзд того времени: Асты Нильсен ("Комедианты"), "Цыганская кровь", "Генеральские дети"), Жозетты Андрио ("Протеа"), Ивана Можжухина ("Пьянство и его последствия") и др. Здесь высокохудожественные фильмы вполне комфортно себя чувствовали вместе с откровенной халтурой. Раздел комических картин был составлен из короткометражек с лучшими актёрами французской комической школы: Максом Линдером, Пренсом Ригаденом, Андре Дидом (в российском прокате больше известен как Глупышкин). "Феерии фантазии" были в основном сказками, причём в большинстве своём – цветными [10].

В последнее время ведётся много споров о роли и месте кинематографа в обществе, о необходимости создания большего количества научно-познавательных и просветительных фильмов для детей и молодёжи. Проблема эта не нова, к тому же есть очень интересный опыт, накопленный в этой области нашими предшественниками в начале XX в.

В конце 1918 г. в Приморской области создаётся, а в начале 1919 г. приступает к работе передвижной Земско-кооперативный научно-просветительский кинематограф. Его совместными усилиями создали Союз Приамурских кооперативов, Приамурский Кредитный союз и Областные и уездные земства Приморской области. Помощь в формировании фильмотеки (всего в ней насчитывалось более 1000 картин) оказали представители канадского правительства в лице "Канадской комиссии для оказания экономической помощи Сибири" и "Американский Правительственный Комитет Общественно-го Осведомления".

Каждая мобильная группа передвижного Земско-кооперативного научно-просветительского кинематографа формировалась из трёх человек: завхоза, отвечающего за обустройство импровизированных залов, лектора и кино-механика.

Цели передвижного земско-кооперативного кинематографа организаторы поставили вполне прагматично и со стратегическим прицелом: "При организации Земско-Кооперативного кинематографа, в параллель взгляду Секретариата Союза Приамурских кооперативов на кинематограф как на разумное развлечение, имеющее просветительное значение (в этом направлении Союз и начинал свою работу, – Областное Земство выдвинуло мнение, что кинематограф может и должен быть использован в настоящее время, главным образом, в плоскости поднятия производительных сил страны, причём в защиту этого положения, лёгшего потом в основу Земского-Кооперативного Кинематографа, – были приняты следующие соображения.

Возрождение экономической мощи России, как государственной единицы, может быть мыслимо только при условии быстрого поднятия производительных сил страны.

В свою очередь поднятие производительных сил страны возможно только при условии поднятия во всех отраслях народно-государственного хозяйства машин и технически усовершенствованных способов производств.

Наряду с применением машин, в некоторых отраслях хозяйства России необходимо изменить системы и способы самого хозяйствования.

Разрешение этой задачи немыслимо без самодеятельности самого населения, без участия всех живых и сознательных сил государства. Поэтому Правительство, а особенно Земство, Кооперативные объединения, Просвети-

тельные организации и общественные работники обязаны теперь озаботиться о том, чтобы дать возможность самой идее необходимого экономического возрождения России проникнуть в толщу трудовой народной массы. С этой целью, одновременно с мероприятиями по поднятию общего и технического образования населения, Земство с помощью кооперации должно немедленно начать широкую, обновлённую всеми видами наглядности пропаганду разумного применения в русской жизни машин и лучших способов хозяйствования..." [9, с. 3].

В течение 93 дней (с 11 января по 13 апреля 1919 г.), Земско-кооперативный научный кинематограф посетил 22 селения и 2 города в трёх уездах Приморской Области:

1. В Ольгинском уезде – Шкотово, Романовка, Петровка, Ново-Нежино.

2. В Никольск-Уссурийском уезде – Угловое, Красный Яр, Михайловка, Осиновка, Иваново, Анучино, Ново-Никольско, Борисовка, Корсаковка, Пуциловка, Покровка, Кневичи, г. Никольск-Уссурийский.

3. В Иманском – г. Иман, Веденка, Пантелеймоновка, Лутовка, Техменево, Уссурка и Успенка. За это время дано 127 сеансов. Из них платных 100, бесплатных, детских 27. Показы посетили 27215 человек [2].

Сеансы для взрослых продолжались не менее 3,5 часов с десятиминутным перерывом. Продолжительность детских сеансов была не менее 2 часов. До 3 марта работал один аппарат. С 3 марта была организована вторая партия для Иманского уезда. Показывали картины, освещавшие разные области хозяйственной деятельности, и просто познавательные фильмы, развлекая их развлекательными. Все фильмы были разбиты на несколько партий (групп):

I группа на 1-й сеанс

1. Нью-Йорк. 2. Питтсбург. 3. Ньюпорт и Бермудские острова
4. Сан-Франциско 5. Ловля кеты. 6. Ловля губок. 7. Мировая хроника № 12.
8. Пате журнал № 15. 9. Чудак-рыбак (комическая).

II группа на 2-й сеанс

1. Производство цемента. 2. Сооружение шоссе дорог. 3. Добывание антрацита. 4. Добывание железной руды. 5–6. Съезд шахтёров. 7. Мировая хроника № 24. 8. Пате журнал № 26. 9–10. Какой милый ребёнок (комическая).

III группа на 3-й сеанс

1. Орошение. 2. Оросительная система. 3. Культура яблок. 4. Трактор Форда. 5. Применение тракторов в сельском хозяйстве. 6. Кооперативный осмотр коров в Вермонте. 7. Поощрение свиноводства в Америке. 8. Разведение кур. 9. Ледники Национального парка в Йеллстоуне.

IV группа на 4-й сеанс

1. Лесное дело. 2. Сплавка брёвен. 3. Лесной промысел. 4. Лесные продукты. 5. Причина лесных пожаров. 6. Мировая хроника № 26. Пате журнал № 42. 8. Дуралеев в роли дворецкого.

V группа на 5-й сеанс. Детский, бесплатный.

1. Нью-Йорк 2. Остров Фиджи. 3. Ловля губок. 4. Поощрение свиноводства. 5. Причины лесных пожаров [9, с. 46].

Для оценки деятельности земско-кооперативного научно-просветительского кинематографа произвели сбор отзывов как от представителей местной власти, так и от обычных зрителей. В основном отзывы были положительными:

"От Председателя Ольгинской Земской Управы от 19 февраля 1919 года. "Ознакомившись с отзывами крестьянского населения тех сел уезда, в которых демонстрировались кинематографические картины, любезно предоставленные Американским Комитетом Общественного Осведомления, и, принимая во внимание тот восторг, с коим население отнеслось к посещению их кинематографом, и те запросы и интерес, которые вызваны у населения картинами культуры американского народа, в особенности по сельскому хозяйству, Ольгинская Земская управа просит Областную управу передать главному благодарности организаторам этого весьма полезного культурного дела и Американской Комиссии Общественного Осведомления за помощь с которой он идёт на встречу культурным последствиям русского народа" [9, с. 6]. Не осталась в стороне и публика.

Фото 1. "Общедоступный театр" 1919 г. Владивосток, ул. Светланская (поворот от ДВПИ к цирку у трамвайной линии). Здание не сохранилось.
Источник: [1].

"Будучи на первом и втором сеансе передвижного кинематографа, вынес самые хорошие впечатления; желательно, чтобы и у нас люди дошли до той степени культуры, которая процветает в Америке, а потому кинематограф приносит много пользы распространением своих научных показаний в картинах и разъяснениях, которые были превосходны. 2 января 1919 года" [9, с. 10]

С особым восторгом встретили передвижной кинематограф дети, впервые познакомившиеся с кинематографом:

"1919 года 13 марта я с радостью пошла в иллюзион. Мне понравились картины, а больше всего жизнь американцев. Они хорошо одеты. Мне бы хотелось чтобы всегда здесь был иллюзион. Я бы желала, чтобы мы анучинцы, так ходили чисто. Хотя у меня голова болит от того, что картины мелькают, но сегодня опять пойду. Я вчера ходила бесплатно, а сегодня денег мне даст учительница. Ученица 1-го класса III отделения Клавдия Дегтярева" [9, с. 14].

"Сочинение. Какое впечатление на меня произвёл кинематограф прибывший в наше село. Когда кинематограф прибыл в наше село, то я не мог вообразить себе, что это за кинематограф. И вот настала минута, когда сеанс начался. Я тогда пришёл в восторг. Мне сиделось очень хорошо, и всё-таки я не могу понять как всё это происходит, что даже живые люди бегают на полотне. Ученик Федор Омельченко" [9, с. 14].

Примечательно, что, несмотря на неплохие результаты в уездах Приморской области, предложение об организации в городе Владивостоке научно-просветительского кинематографа для учащихся не сразу получило должную поддержку городских властей. Но благодаря активности и настойчивости члена Областной земской управы С.И. Афанасьева и вмешательству Союза Родительских Комитетов средних учебных заведений и районных комитетов при начальных училищах г. Владивостока дело сдвинулось с мёртвой точки, и с июня 1920 г. передвижка или, как тогда называли "кинопартия", приступила к работе. Первоначально планировали, показы во всех учебных заведениях города: от мыса Эгершельд до Седанки и от Первой Речки до Чуркина. Помимо школ научно-просветительское кино должно было показываться в Народном доме, Крепостном госпитале, Клубе Сибирской флотилии, Театре временных мастерских, столовой грузчиков и др. Условия показов были весьма приемлемые: для детей бесплатно, с взрослых бралась плата в 50 копеек. Ребёнок при повторном просмотре должен был заплатить 25 копеек.

Фото 2. Кадр из документальной хроники "Военный парад и демонстрация учащихся владивостокских гимназий, посвящённый годовщине Меркуловского правительства". 22 мая 1922 г.
Источник: (Оцифрованная копия из архива авторов).

Однако через месяц после начала работы Областная Земская управа постановила: "ввиду отсутствия населения на научный кинематограф, сеансы которого почти не посещаются, таковой закрыть". Причин, по которым научно-просветительский кинематограф не имел успеха у населения, несколько. Во-первых, традиционно более высокий интерес публики вызывает художественное жанровое кино, а не документальное (за исключением, может быть, новостной хроники). Кстати, именно в это время на владивостокский экран "прорвался" Чаплин. Во-вторых, слабая реклама, которая в газетах того периода практически отсутствовала. В-третьих, неудачно выбрано было время для демонстрации фильмов, ведь в каникулы организованный просмотр устроить было сложно.

Тем не менее, к идее просветительского кинематографа вернулись ещё раз, в июле 1922 г., на детских площадках Жариковского оврага, Гайдамакской и Голубиной пади, Первой Речки, Гнилом углу. Союз Родительских комитетов возобновил показы. Правление Союза обратилось к родителям за содействием в рекламировании этой программы, "дабы собрать большее количество учащихся и поддержать начинание Союза в дальнейшем продолжении сеансов" (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 15)³.

Особо следует отметить, что важную роль кинематографа в проведении культурно-просветительской работы признавала и такая консервативная часть общества, как военные. В ноябре 1919 г. культурно-просветительским отделением штаба командующего войсками Приамурского военного округа в иллюзионе "Художественный" два раза в неделю, по вторникам и субботам стали проводиться бесплатные сеансы для военнослужащих. Помимо обычных картин демонстрировались фильмы культурно-просветительского и на-

³ РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

учного характера (по агрономии, промышленности, географии, этнографии) с вступительными лекциями преподавателей из учебных заведений города [4, с. 4].

Если с показом фильмов в городе Владивостоке дело обстояло достаточно хорошо, то в отношении киносъёмок этого не произошло из-за отсутствия квалифицированных кадров, слабой технической базы, нестабильной политической обстановки в крае вообще и в городе в частности. Всё это в значительной степени сказалось на уровне кинопроизводства, вернее на его отсутствии.

И всё-таки, в период с 1917 по 1922 гг., во Владивостоке было предпринято несколько попыток наладить кинопроизводство. 18 марта 1917 г. в иллюзионе "Идиллия" демонстрировалась кинохроника – "Владивостокский праздник победы великой революции". Съёмки были произведены Первой кинематографической фабрикой на Дальнем Востоке Товарищества Е. Подольского и М. Зуева. К сожалению, дальнейшая судьба этой кинофабрики неизвестна. В ноябре 1919 г. в газете "Дальний Восток" появилась заметка о том, что "при участии иностранных капиталов, главным образом американских, во Владивостоке открывается кинематографическое издательство" [2, с. 3]. Была даже анонсирована постановка картины "Украденная смерть" по сценарию известного владивостокского поэта Венедикта Марта, одну из главных ролей в этом фильме должен был исполнить приглашённый из студии Московского Художественного театра актёр Я.И. Яшин. Увы, но и этому проекту не дано было осуществиться, так как вскоре последовала эвакуация американских войск и, соответственно, отток американского капитала из края.

Из сохранившегося киноматериала, несомненно, представляет интерес снятый неизвестным оператором 22 мая 1922 г. "Военный парад и демонстрация учащихся владивостокских гимназий, посвящённый годовщине Меркуловского правительства". Это последняя хроника г. Владивостока времён Гражданской войны и военной интервенции.

После прихода в октябре 1922 г. советской власти во Владивосток кинематограф в городе на некоторое время замер. Театр-иллюзион "Золотой Рог", проработав год, превратился просто в театр, "Художественный" до 1924 г. работал с перерывами, появившийся ещё в 1921 г. "Новый театр" (в последствии "АРС") тоже не баловал стабильной работой, то открывался, то закрывался на очередной ремонт. Нормальная их деятельность наладилась только с образованием в 1925 г. АО "Совкино". Дальнейшая судьба Земско-кооперативного научно-просветительского кинематографа сложилась следующим образом. В начале 1923 г. на его основе был создан кинематографический отдел губернского отдела народного образования, фильмотека была систематизирована, дополнена и использовалась кинопередвижками в крае в просветительских целях.

В заключении можно констатировать, что кинематограф на территории Приморья в годы Гражданской войны не только не "заглох", но и довольно бурно (с поправкой на военно-политическую и социально-демографическую ситуацию) развивался. Деятельность кинематографистов, кинопрокатчиков и всех, так или иначе связанных с кинематографом, создали ту базу, на которой вырос не только советский кинематограф, но и кинематограф, который пытался (но, к сожалению, в отличие от эмигрантской литературы, так и не ставший заметным явлением в мировой культуре) осуществлять свою деятельность в эмиграции. Но их дальнейшее развитие и судьба лежат уже за рамками нашего исследования.

Литература

1. Анча Д.А., Калинин В.И., Позняк Т.З. Владивосток в фотографиях Меррилла Хаскелла 11 августа 1919 – 23 февраля 1920. Хабаровск, 2009. 323 с.
2. Дальний Восток. 12.08.1919. № 205.
3. Зоркая Н. М. История советского кино. СПб.: Алетейя, 2005. 544 с.
4. Кинематограф для военных // Дальний Восток. 01.11.1919. № 298.
5. Кино в дореволюционной России (1896–1917). Становление и расцвет советской кинематографии (1918–1930). Учебное пособие. М.: ВГИК, 1992. 109 с.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М., 1970. Т. 44. 725 с.

7. Листов В.С. Россия. Революция. Кинематограф. М.: ВГИК им. С.А. Герасимова, 1995. 172 с.
8. Мизь Н.Г. Владивосток: прогулки в прошлое: краеведческие очерки. Владивосток, 2015. 380 с.
9. Передвижной земско-кооперативный научно-просветительский кинематограф. Владивосток, 1919. 50 с.
10. Продажа и прокат картин С. Краснощёкова. Никольск-Уссурийский, 1915. 16 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Ancha D.A., Kalinin V.I., Poznyak T.Z. Vladivostok v fotografiyakh Merrilla KНaskella 11 avgusta 1919 – 23 fevralya 1920. KНabarovsk, 2009. 323 s.
2. Dal'nij Vostok. 12.08.1919. № 205.
3. Zorkaya N. M. Istoriya sovetskogo kino. SPb.: Aletejya, 2005. 544 s.
4. Kinematograf dlya voennykh // Dal'nij Vostok. 01.11.1919. № 298.
5. Kino v dorevoljucionnoj Rossii (1896–1917). Stanovlenie i rastsvet sovetskoj kinematografii (1918–1930). Uchebnoe posobie. M.: VGIK, 1992. 109 s.
6. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e. M., 1970. T. 44. 725 s.
7. Listov V.S. Rossiya. Revolyutsiya. Kinematograf. M.: VGIK im. S.A. Gerasimova, 1995. 172 s.
8. Miz' N.G. Vladivostok: progulki v proshloe: kraevedcheskie ocherki. Vladivostok, 2015. 380 s.
9. Peredvizhnoj zemsko-kooperativnyj nauchno-prosvetitel'skij kinematograf. Vladivostok, 1919. 50 s.
10. Prodazha i prokat kartin S. Krasnoshhyokova. Nikol'sk-Ussurijskij, 1915. 16 s.

Караман В.Н., Рыкунов Д.Э. Кинематограф в Приморье в годы революции, Гражданской войны и военной интервенции (1917–1922 гг.).

В статье даётся картина развития кинематографа в годы Гражданской войны и военной интервенции" (1917–1922) на территории Приморья. В научный оборот вводятся малоизвестные источники, отражающие деятельность кинематографических студий, кинотеатров, кинопередвижек и всего, что так или иначе было связано с кинематографом. Впервые показаны и проанализированы попытки небольшевицких правительств сформировать свою индустрию кинопроката.

Ключевые слова: *Гражданская война в России, Приморье, кинематограф, кинопрокат, репертуар*

Karaman V.N., Rykunov D.E. Cinema in Primorye in the years of the revolution, Civil war and military intervention" (1917–1922).

The article gives a picture of the development of cinema in the years of the Civil War and military intervention(1917–1922) in the territory of Primorye. In a scientific revolution are introduced little-known sources reflecting the activities of cinematographic studios, cinemas, film shifts and everything that was somehow connected with cinema. For the first time, attempts by non-Bolshevik governments to form their film distribution industry are shown and analyzed.

Key words: *Civil war in Russia, Primorye, cinema, film distribution, repertoire*

Для цитирования: Караман В.Н., Рыкунов Д.Э. Кинематограф в Приморье в годы революции, Гражданской войны и военной интервенции (1917–1922 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 7–14. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/7-14

For citation: Karaman V.N., Rykunov D.E. Cinema in Primorye in the years of the revolution, Civil war and military intervention" (1917–1922) // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 2. P. 7–14. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/7-14

УДК 947.084.31(571.63)

Позняк Т.З.

Выступление японских интервентов во Владивостоке 4–6 апреля 1920 г.: насилие и стратегии поведения населения в ходе вооружённого конфликта

4–6 апреля 1920 г. во Владивостоке и в других городах и сёлах Приморской области произошли нападения японских войск на российские гарнизоны, в ходе которых было на некоторое время отстранено от власти Временное правительство – Приморская областная земская управа (далее ВП-ПОЗУ). Причины, ход и оценка этого вооружённого выступления проанализированы в работах советского и постсоветского времени. В монографии М. И. Светачева указывается, что правительство Японии и командование японских войск на русском Дальнем Востоке весьма негативно отнеслось ВП-ПОЗУ, которое пришло к власти в результате переворота во Владивостоке в ночь с 30 на 31 января 1920 г. Создание земского правительства вызвало негодование японцев, а в дальнейшем по мере "советизации Приморья" и усиления влияния на "земско-эсеровских деятелей" со стороны "американской агентуры" и попыток "превратить их в орудие собственной политики" это негодование усиливалось [10, с. 223]. По мере того, как все большее количество союзных войск покидало пределы русского Дальнего Востока, Япония расширяла подготовку к выступлению. "Японская военщина использовала излюбленную тактику провокаций, выискивая предлог для вооружённого выступления". Им стал "николаевский инцидент" [5; 9, с. 59–60; 10, с. 326]. Выступление японцы приурочили к моменту завершения эвакуации американских войск из Владивостока. 2 апреля в 13 часов последний американский транспорт отбыл из Владивостока, а спустя 4 часа генерал Такаянаги направил ВП-ПОЗУ ультиматум с требованием предоставить японским войскам право пользоваться транспортом, складами, казармами, признать все соглашения, заключённые Японией с белогвардейской властью, запретить деятельность всех лиц и учреждений, выступавших против Японии. Стремясь избежать конфликта, правительство предложило обсудить эти требования в согласительной комиссии. В ходе переговоров состоялась выработка соглашения, приемлемого для обеих сторон, которое предполагалось подписать 5 апреля. Однако переговоры служили только средством усыпления бдительности правительства и обмана мирового общественного мнения. 4 апреля в 10 часов вечера японские войска во Владивостоке "внезапно, без всякого повода и предупреждения, открыли артиллерийский и пулемётный огонь по важнейшим пунктам, занимали правительственные здания и воинские склады, разоружали отряды милиции, арестовывали и расстреливали коммунистов. Подобные нападения произошли в Никольске-Уссурийском, Спасске, Хабаровске, где погибли и получили ранения более 5 тыс. чел. Едва началась провокация, как МИД и военное министерство Японии заявили, что их войска якобы неожиданно подверглись нападению со стороны русских и что они были "вынуждены" принять ответные меры. Но официальные японские заявления опровергались свидетельствами очевидцев. Главной целью выступления, по мнению М.И. Светачева, наряду с "территориальной экспансией" было стремление "произвести разгром большевистских организаций в Приморье, ликвидировать правительство земской управы, создать новое, более податливое правительство [10, с. 225–226]. В обобщающей монографии по истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке глава, посвящённая периоду 1920 г., написана М.И. Светачевым совместно с Б.И. Мухачевым, в ней в общих чертах, хотя в несколь-

© Позняк Т.З., 2019

ПОЗНЯК Татьяна Зиновьевна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** tzpoznyak@mail.ru

ко смягчённом варианте, воспроизводятся изложенная выше оценка и ход японского выступления. Важными уточнениями служат указания на просчёты Военного совета ВП ПОЗУ и командования войсками области, которых предупреждали о готовящемся выступлении японцев, но они не только не подготовили войска, но и во время выступления Военный совет был растерян, от него и командующего войсками поступали разноречивые директивы. По данным этого издания, во время боев с японцами погибло до 7 тыс. бойцов революционной армии и мирных жителей [4, с. 369].

Автор не ставит перед собой задачи анализа вооружённого конфликта, цель статьи – проанализировать стратегии поведения жителей города в условиях насилия со стороны японских военных и вооружённых боев на городских улицах. Основным источником исследования выступает доклад Комиссии по выяснению обстоятельств событий 4–6 апреля 1920 г. в г. Владивостоке для ВПДВ ПОЗУ (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 204)¹. Её материалы хранятся также в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. Р-4592. Оп. 1. Д. 13)². Документ представляет собой материалы опросов очевидцев и участников событий с русской стороны, а также представителей союзнических войск и иностранных граждан, жителей города и области. Несмотря на частичную публикацию документа [1] и наличие обширной историографии, повседневная жизнь города и модели поведения горожан во время вооружённого конфликта до сих пор не были предметом исследования.

Анализ показаний очевидцев позволяет сделать вывод о выступлении японцев 4–6 апреля 1920 г. как заранее спланированном и подготовленном. Об этом свидетельствовали и наделённые высокими полномочиями лица, и командиры отдельных частей, и разведывательное отделение, и обычные жители города. Эти факты были столь многочисленными и красноречивыми, что любой горожанин мог сделать выводы о готовящемся выступлении, не говоря уже об опытных военных (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 10–15). К этим свидетельствам – поскольку все они собраны постфактум – необходимо относиться осторожно. Когда событие свершилось, кажется, что все его прозорливо предвидели, но было ли оно столь же очевидно до его свершения? Население города к этому времени пережило уже не один вооружённый конфликт, и каждый раз, несмотря на ожидание переворота, судя по воспоминаниям очевидцев постфактум, сам переворот почему-то всегда оказывался неожиданным для действующей власти.

Постфактум все приводили множество сведений "угрожающего, в смысле возможности японского выступления, значения": занятие 3-го апреля японскими военными властями радиостанции морского ведомства на Русском острове и недопущение туда русских телеграфистов, многочисленные приходы в порт в феврале и марте японских транспортов с войсками и снаряжением, отказ японцев в выдаче оружия русским войскам из русских складов, занятие японцами фактически всех высот, фортов и батарей крепости в городе и на его окраинах, сосредоточение японцев в районе тех укреплений крепости, удержание которых обеспечивало им обладание железной дорогой, укреплении японцами своих казарм, установка пулемётов и баррикад из мешков с землёй, проводка военного телефона с 6-го форта на 2-ю Речку по столбам военно-телефонной сети, ежедневные разведки вокруг фортов "цельми отрядами и по одиночке", постоянные манёвры и учебные занятия в разных частях города – на Первой и Второй речке, ст. Океанской и Седанке, возле Покровского кладбища, на Крестовой горе на мысе Эгершельд, Тигровой, Посьетской и Корейской улицах и в других местах (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 1–2, 5–6). Накануне выступления, 2–3 апреля в городе были выставлены усиленные японские патрули, на некоторые улицы русские граждане совсем не пропускались, в верхних этажах частных домов в центре города были выставлены пулемёты, имели место задержания граждан и автомобилей и обыск их (Фото 1) (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 2, 15). Все показания руководителей Военного совета свидетельствуют о полном осознании ими, что японцы готовили выступление. Однако никто из них не объяснил, почему не

¹ РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

² ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

Фото 1. Японские патрули на городских улицах были привычным явлением в годы гражданской войны. На фото японский патруль у здания железнодорожного вокзала во время посещения вокзала генералом Оои после Гайдовского мятежа. Фото М. Хаскелла, 1919 г.
Источник: [2].

было принято адекватных мер для предотвращения разгрома революционных войск, а все только выражали надежду, что работа согласительной комиссии и добровольная сдача оружия поможет избежать столкновения или спасти войска.

В условиях открытой подготовки японцев к выступлению, очевидной рядовым солдатам и офицерам, и бездействия политического и военного руководства русскими войсками психологическое состояние рядового состава было очень тяжёлым (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 5–6). Целых два месяца город находился в напряжённом ожидании, и жители города, и военные наблюдали подготовку японцев и бездействие русских властей. Японцы проводили свои манёвры и "лазали по сопкам на виду у населения", в городе распространялись многочисленные сплетни и слухи, "в народе" росло ожидание неминуемого переворота (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 8).

Начало выступления в литературе относят к позднему вечеру 4 апреля 1920 г. Однако очевидным предвестником и первым актом драмы, на который русские власти в силу несогласованности действий и позиций политического и военного руководства войск не обратили внимание, стало разъединение и запрет двигаться бронепоезду "Единение России", стоявшему на станции Владивосток, ещё в середине дня 4 апреля. "Командир бронепоезда ещё днём донёс об этом, но донёс не по команде, а Военному Совету, который, видимо, не обратил на его донесение внимание" (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 43). И даже несмотря на такие очевидные предвестники выступления, оно застало руководство российских войск врасплох. Уполномоченный Военного совета при командующем войсками П. С. Парфёнов, "один из немногих, по его словам, не веривший чистоте японских официальных заявлений", тем не менее "более или менее спокойно" после заседания согласительной комиссии вечером 4 апреля 1920 г., непосредственно накануне выступления японцев "отправился провести вечер в помещении Литературно-Художественного Общества" (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 27–28).

Материалы комиссии позволяют представить жизнь города накануне выступления и действия военных и гражданского населения во время боев на городских улицах. Горожане, несмотря на витавшие в воздухе ожидания переворота, японские патрули на улицах и выставленные в окнах домов пулемёты,

в субботу (4 апреля 1920 г.), жили обычной вечерней жизнью: одни посещали театры, рестораны, буфеты, общественные мероприятия; другие, несмотря на позднее время, работали дома или в учреждениях, третьи возвращались домой со службы. В городе работали и были полны публикой рестораны, буфет на вокзале, синематограф, в театре шёл спектакль, в Литературном-Художественном обществе – литературный вечер. Для жителей настолько привычными стали вооружённые караулы у главных входов в гражданские и военные учреждения, военные патрули на улицах, что, когда японские патрули перекрыли часть центральных улиц города и выставили пулемёты в окнах зданий на всех перекрёстках Алеутской и Светланской улиц, горожане продолжали вести обычную жизнь, только отметили неудобство – необходимость делать крюк по соседним улицам, чтобы пройти в нужное место (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 15–16).

Поздним вечером 4 апреля железнодорожный вокзал ст. Владивосток функционировал в обычном режиме. В 22 часа, когда японцы начали захват вокзала, большинство служб работали, производился осмотр поездов перед отправлением, трудились составители поездов, осмотрщики вагонов, в конторе станции находилось много служащих, включая дежурного по станции – старшего по смене. На станции работало электрическое освещение в залах ожидания и в кабинетах служащих. В буфете I-II класса находилось много публики – военные русские и иностранные, гражданские жители, это не были люди, ожидавшие отправления или прибытия поездов, многие пришли выпить чаю, поесть, пообщаться с товарищами (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 45–47). Не только во всех воинских управлениях – коменданта крепости, штаба войск, на гауптвахте, но и в гражданских – в почтово-телеграфной конторе, земской управе – находились дежурные, немногочисленная охрана и часть, видимо дежурных, служащих. Ружейные и орудийные выстрелы застали лиц, находившихся в военных и гражданских учреждениях, врасплох (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 48–51, 64–66).

Основные боевые действия начались с захвата железнодорожной станции, гауптвахты, комендантского управления, штаба крепости и конвойной команды. Центр города – Алеутская и отходящие от неё на запад улицы уже с 9–10 часов вечера были заняты японскими патрулями; таким образом, западная часть города была целиком "очищена" от русских войск ранее полудня (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 55). Действия японские военных по захвату всех значимых военных и гражданских объектов сопровождалось необоснованным насилием в отношении военных и гражданских жителей города. Кроме того, их действия явно носили характер мистификации – почти во всех захватах зданий была сделана попытка представить своё выступление как ответ на провокацию с русской стороны.

Комендантское управление было занято в 10-м часу вечера, предложением стали якобы выстрелы со стороны управления по японским войскам. При занятии вокзала также использовался некий надуманный повод: японцы позднее сообщали о "каких-то десяти выстрелах, сделанных неизвестными, оставшимися непойманными ни японскими, ни русскими властями, русскими солдатами – по японскому гаражу при первой Японской Базе Снабжения, что против вокзала". Перед началом выступления японцев в здании вокзала по своим вполне мирным делам находилось немало гражданских и военных лиц. Вокзал был занят без единого выстрела, никакого сопротивления японцам оказано не было ни служащими, ни гражданскими лицами, ни военными (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 45–48). Большинство опрошенных очевидцев событий, занятых повседневными делами и не оказывавших вооружённого сопротивления японским солдатам, свидетельствовали, что подверглись угрозам оружием, избиениям, задержаниям. Очевидец Новиков показал: "Вечером 4-го апреля мы вместе с несколькими товарищами пили чай на вокзале около 9 часов вечера. В это время вошёл милиционер, который предупредил публику о занятии вокзала японцами и просил очистить зал от публики. При выходе из зала я увидел две роты японцев с офицерами, уже занимавшими вокзал. Увидя меня, японцы схватили за руку, сняли фуражку и хотели прострелить её в том месте, где находится красная звезда, затем приставив ко мне два револьвера, к моей голове, угрожали меня застрелить, но я никакого сопротивления им не оказывал. Потом сбили меня с ног, снова

стали угрожать револьвером и затем начали бить прикладами, а затем сказали, чтобы я уходил. По дороге, когда я уходил, я снова был избит, японскими офицерами (особенно) и солдатами" (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 46–48).

Таким же образом, "без всякого вызова и сопротивления" со стороны русских войск, были заняты японцами и другие военные и гражданские объекты. Насилию подвергались все находившиеся в занимаемых японцами зданиях гражданские и военные лица, включая иностранцев. При занятии японцами здания Ольгинской земской управы во Владивостоке по Корейской ул. дом 19 в 11 часов ночи японский караул, вошедший в здание с главного входа, разоружил двух милиционеров, охранявших кассу, "при этом настойчиво требовал у милиционеров ключ от кассы несгораемого шкафа, угрожая револьвером милиционеру Кузьмук, который заявил, что ключа они не имеют... японский караул сорвал со здания Управы красный флаг и вывесил свой..". В здании был оставлен часовой, который никого из ночевавших в управе служащих не выпускал. В начале первого ночи японский караул явился вновь, арестовал четырёх служащих управы, отобрал деловые бумаги, все арестованные были оставлены на дворе под выстрелами начавшейся перестрелки, и лишь спустя часа 2–3 были препровождены на вокзал. Под утро явился ещё один японский патруль арестовал всех ночевавших в управе служащих с их семьями, женщинами и детьми, и отправил в помещение вокзала, откуда женщины с детьми были освобождены 5-го, а мужчины 6-го апреля (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 55–56).

Техник основной базы питания головных отрядов железной дороги бельгийский подданный Понсен описал, как происходил захват помещений базы, располагавшихся в доме торговой фирмы Кунст и Альберс (угол Корейской и Семеновской улиц): "Помещение было оцеплено японскими солдатами, которые в разных местах поставили несколько пулемётов и без предупреждения и объяснения причин открыли ружейный огонь. Пули попадали только в квартиры служащих фирмы "Кунст и Альберс", расположенные в том же здании. Ворвавшись в нижнее помещение, занятое крестьянами, съехавшимися из окрестных деревень на съезд, они выгнали их на улицу, связав в одну общую цепь за руки". Двух польских подданных японцы избили прикладами, выгнали на улицу и привязали к телеграфным столбам. "В другой части помещения они арестовали двенадцать человек безоружных солдат, поступив с ними также бесчеловечно, как и с остальными". Все помещения были подвергнуты полному разгрому и разграблению – взломаны двери, шкафы, денежный ящик, забраны деньги, разбросано и разграблено все казённое имущество и личные ценные вещи (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 81–82).

На явную направленность японского выступления против большевиков и революционных войск, предварительную психологическую обработку солдат указывали постоянные вопросы солдат и офицеров к арестованным лицам о принадлежности к большевикам, постоянный повтор на ломанном русском языке: "Колчак хорошо, большевик нехорошо", срыв красных флагов с захваченных зданий, их топтание, разрывание и вывешивание японских флагов. Очевидцы отмечали ненависть, которую вызвали у японцев звезды на фуражках, нарукавные нашивки в виде звёздочки и пр. (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 55–56). Подобные действия японцы совершали во время захвата помещений всех учреждений. Японские солдаты и офицеры угрожали оружием, требовали сдачи оружия, собирали делопроизводственные документы, требовали ключи от сейфов, арестовывали служащих, избивали их прикладами, руками и ногами, громили мебель, срывали замки со шкафов, стреляли внутри помещения в пол, потолок и стены. Их поведение носило бессмысленный характер – разгром мебели, бросание гранат внутри помещений, выстрелы в потолок и пол в уже захваченных помещениях. Главной целью было либо запугивание служащих, либо эти действия носили символический характер – демонстрация власти, либо переадресация накопленной агрессии на предметы обстановки. Некоторые очевидцы свидетельствовали, что японцы произвели впечатление пьяных (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 76–79).

Наиболее гротескным выглядит захват здания Областной земской управы в центре города, на углу улиц Светланской и Алеутской (Фото 2):

Фото 2. Здание Приморской областной земской управы после обстрела во время нападения японцев 4-6 апреля 1920 г. Источник: [6].

"Здание Управы, со времени принятия власти Земством, окарауливалось нарядом русских войск в числе 6–8 чел., из которых 1 стоял на улице, другой в вестибюле здания, а остальные помещались в караульной команде, находившейся на противоположном конце здания. Кроме курьеров, швейцара – с семьями, в здании Управы имеют квартиры несколько человек земских служащих. Никаких воинских сил, кроме караула, а равным образом никакого оружия в здании Управы не было. Около 1 ½ ночи к дверям парадного входа с Алеутской ул. подошла группа вооружённых японских солдат, стала стучать в двери и требовать пропуска в здание. Так как ни пароля, ни других установленных доказательств права на вход предъявлено не было, а криков на японском языке часовой не понимал, он ушёл в караульное помещение за начальником караула. В это время японские солдаты стали разбивать дверь, и послышались частные ружейные выстрелы снаружи здания. Когда караул по боковой лестнице поднялся из караульной команды во 2-й этаж на площадку лестницы, спускающейся в вестибюль, ворвался вооружённый японец. В этот момент один из караульных выстрелил и убил его. Переговорить по телефону с Командующим или Штабом оказалось невозможным, т.к. все телефоны Управы были кем-то выключены... Из окон на Алеутскую ул. было видно, что противоположный тротуар улицы был занят японскими войсками; японские солдаты держали винтовки, направив их к зданию управы. Выйти на улицу никто из караула и служащих не решался. ... Около 2 ч. ночи со стороны Центральной гостиницы и из других пунктов начался усиленный обстрел здания из пулемётов и орудий; возле здания почти не смолкали винтовочные выстрелы со стороны Алеутской и Светланской. Над виадуком стояли японские пулемёты, все время стрелявшие по направлению вокзала. Один орудийный выстрел, судя по направлению, был сделан с бухты, с места, где стоял японский крейсер "Хизен". Обстрел здания, почти без перерыва продолжался до 6 часов утра. Все служащие, их семьи, а также караул собрались в нижнем подвальном помещении, окна которого выходили во двор здания; в этой стороны пулемётного обстрела не было. Около 3 часов ночи караул, оставив в здании Управы винтовки и патроны, ушёл задним ходом через дверь в сторону железной дороги". Только около 6 часов утра, войдя во двор управы, японцы замети-

ли через окна подвального этажа скрывавшихся там служащих и приказали всем выходить во двор и закончили бессмысленный обстрел здания. Арестованные служащие земства с семьями и детьми были обысканы, допрошены и отправлены в штаб японского командования. Служащие и их семьи были днём отпущены на свободу (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 57–59).

Наибольшую жестокость японцы проявили в Корейской слободке. Утром в 4 часа 5 апреля слободку оцепили японские войска с пулемётами. Японские военные при полном отсутствии сопротивления со стороны корейцев проявляли необоснованное насилие: "Все время производилась стрельба из ружей в здания и убегающих людей. Сначала японцы подошли к помещению училища, где помещалась редакция корейской газеты "Ха-Нин-Шинг-Го", лютеранская молельня, 28-ое Городское училище, женская школа и воскресная школа. В школе находилась команда комендантской роты в числе около 50 человек, несущая охрану Корейской слободы. Их обезоружили и, связав руки, арестовали. ... При аресте солдат большей частью избивали прикладами. Когда их связанных вывели из школы, то заставили лечь на землю в грязь. К школе сводили арестованных в Слободке корейцев, а затем как солдат, так и арестованных в помещении районного комитета. При уходе школу подожгли. По словам корейцев, следивших издали, во время пожара неслись отчаянные человеческие крики. Всех арестованных, в числе 67 человек, корейцев и нескольких русских, увели в город по направлению к японскому штабу. Во время пожара школы там раздавались взрывы, и к месту пожара никого японцы не подпускали. Все имущество в здании школы сгорело. Обыскивая, японцы задерживали корейскую молодёжь, не предъявляя никаких требований, связывая и массажи уводили неизвестно куда. При обысках компрометирующего абсолютно ничего не находили. Без всякого повода со стороны граждан Слободки, японскими войсками был открыт ружейный огонь, во время которого погибло около 20 человек корейцев. Японские солдаты ограбили 2 корейские лавочки. Обыск продолжался до 8 час. утра. При допросе избивали незащищенных женщин, детей, стариков, стараясь этим путём узнать, где организаторы корейского движения...". Японцы возвращались в корейскую слободку ещё вечером 5 и днём 6 апреля, продолжая обыски и избиения (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 84–86).

Фактически единственной зоной небольшого сопротивления русских войск были казармы Сибирского флотского экипажа и части гарнизона в районе ст. Океанской, кроме того, была попытка организовать вывод войск, расквартированных на Чуркине и в районе Гнилого угла, из города. Однако во время отступления по дороге с ипподрома на Шкотово японцы обстреляли русские войска из артиллерии с занятых ими предварительно фортов на высотах. Несмотря на отсутствие сопротивления, раненые и убитые со стороны русских военных и гражданских лиц были везде, особенно много пострадало при захвате японцами областной тюрьмы, зданий Сибирского флотского экипажа, морского штаба флотского экипажа (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 67–73, 89–90).

Поскольку многие горожане с началом вооружённого выступления находились на городских улицах, они оказались в зоне обстрела, подвергались насилию, опасности быть ограбленными, убитыми. Солдаты "арестовывали людей, обыскивали, грабили, избивали, топили и убивали на улице без всякого повода и причины", врывались не только в военные, правительственные и общественные учреждения, но и в частные дома и квартиры. "Грабили, громили и уничтожали имущество, в каком-то диком остервенении" (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 101).

Свидетельства очевидцев говорят о том, что большинство горожан в таких условиях вели себя адекватно – они стремились спастись, укрыться в подъездах домов, спрятаться в подвалах зданий, не оказывали сопротивления, подчинялись приказам, закрывались в своих домах и квартирах. Однако далеко не все вели себя осмотрительно, многие, несмотря на стрельбу на улицах города, пытались по обстреливаемым улицам пробраться домой, а утром на следующий день пошли на работу или по другим повседневным делам. Несмотря на высокий уровень преступности в городе, горожане не прекращали поздно возвращаться домой из развлекательных заведений или со службы, хотя походы по ночным улицам и в мирное время могли закончиться ограбле-

нием или убийством, а под обстрелом исход такого поведения мог быть ещё трагичнее.

Материалы комиссии содержат огромное количество свидетельств насильий японцев над мирными гражданами, приведём лишь некоторые. Врач В.А. Текферд возвращался около 1 часу ночи домой по Светланской улице и, "спасаясь от стрельбы, зашёл в подъезд дома Горват-Божечко, причём стоявший японский караул пропустил его. Он стал выжидать прекращения стрельбы, когда появились на выходящей на это крыльцо лестнице группа японских офицеров и солдат, человек 8–10. Попытка доктора объяснить своё присутствие здесь была прервана ударом в грудь прикладом ружья, произведённого одним из солдат, который затем нанёс ещё несколько ударов прикладом по ногам, по-видимому, с целью свалить". Затем доктор был отпущен и благополучно добрался домой, но несколько раз по дороге его останавливали японские патрули (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 101–102).

Ф.С. Морозов и С.А. Андреева рассказали, что в 12 ½ часа ночи, или немного позднее, они вышли из ресторана "Золотой Рог" и, направляясь домой и обходя места обстрела, пошли по Светланской улице в направлении Морского штаба, поднялись по Содомскому переулку, мимо Коммерческого училища, вышли на Нагорную улицу и пытались спуститься по Успенской, но сильный обстрел от японского гаража на Пушкинской, заставил пройти по Ботанической и спуститься по Ключевой, на квартиру своего знакомого, подвергшись ещё раз обстрелу с Алексеевской улицы (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 109).

И.И. Сердюков утром 5 апреля в начале шестого часа с товарищем пошёл на работу, и поскольку не было шлюпок, они двинулись пешком по направлению к Гнилому углу. На городских улицах японские солдаты стреляли по убегающим и проходившим русским; открыли огонь и по Сердюкову, он был ранен в спину. Сначала он упал, но затем поднявшись побежал по направлению к дому. Дома он лёг на постель; скоро пришли с обыском три японских солдата. Обыски были произведены не только в его доме, но и во всех других домах на м. Чуркина.

Слесарь Бурдовский, проживавший на 2-й Речке, утром 5 апреля с товарищем пошёл в ближайший лес набрать дров. Он показал комиссии: "...С дровами часам к 10 утра мы возвращались обратно. Не доходя примерно 200 саж. до казармы, мы увидели японского солдата, который появился позади нас, начал кричать "русские, русские" и махнул нам рукой, как бы требуя, чтобы мы остановились. Мы остановились, он снял винтовку с плеча и стал брать на прицел. Увидя это, мы бросили дрова и побежали по направлению к казарме. В это время японец начал стрелять, ранив меня в ногу. Японцы арестовали нас и повели к своему штабу, там нам стали угрожать штыками, били по щёкам. В 8 часов вечера всем нам завязали глаза и заявили, что в два часа ночи нас расстреляют. В 11 часов ночи нам дали чаю, сахару и хлеба, а когда мы пошли, то опять завязали глаза. В таком положении держали нас до утра. Утром нас допрашивали о наших занятиях, после чего отпустили домой" (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 103).

Японцы среди ночи вламывались в квартиры горожан, проводили обыски, угрожали оружием не только мужчинам, но и женщинам и малолетним детям. Гражданин М. В. Степанюк рассказал комиссии: "В мою квартиру, находящуюся против Областного Земства, по Алеутской ул. № 27, вошли 6 человек японских офицеров и солдат, все с револьверами в руках. В квартире в это время были только моя жена и 5-летний ребёнок. Все из вошедших сразу направили револьверы к голове жены в упор (никто из японцев по-русски не говорил), жена, потеряв сознание, стала полумёртвой у стены, а ребёнок бросился с криком к матери. В это время третий японец револьвер направил и на 5-летнего ребёнка, а остальные три японца вошли в спальню и кладовку. Что они там сделали и долго ли там шарили – ничего не известно. Известно лишь то, что они стреляли из револьвера" (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 111–112).

На избиения и угрозы расстрелом большинство военных и гражданских лиц не отвечали, никакого сопротивления японским солдатам не оказывали. Однако так действовали далеко не все, часть подвергшихся насилию граждан, и, в первую очередь, иностранцев, заявляли о необоснованности насилия,

задавали вопросы, требовали освобождения, прекращения насилия. Часть горожан "под шумок" воспользовалась тем, что отряды красноармейцев и рабочих ушли из зданий временных железнодорожных мастерских на мысе Чуркин, и разграбила оставшееся без надзора оборудование, вещи, материалы, продовольствие: "...во время отсутствия командного и рядового состава и за неимением вооружения у оставшихся 6–8 солдат, жителями Чуркина, живущими вблизи расположения мастерской были разграблены вагон-цейхауз, вагон с провиантом, а также унесены из вагонов-теплушек стеллажи и прочая арматура, составляющая собственность железной дороги. На следующий день, утром 6-го апреля, были приняты меры к розыску разграбленного. Часть провианта и стеллажей найдены у жителей Чуркина" (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 389. Л. 92).

Случай японского выступления не является уникальным в истории вооружённых боев на улицах Владивостока. Если перевороты случались с утра или в дневное время, бои приводили к приостановке работы магазинов, учреждений и развлекательных заведений. Во время восстания Гайды (16, 17 и 18 ноября 1919 г.) остановился трамвай, закрылись магазины, учащиеся отпустили по домам, но, несмотря на панику из-за начавшейся стрельбы, по улицам "шталось много любопытных, а также любителей лёгкой наживы, рассчитывавших на возможность погрома", были случайные раненые прохожие, время обстрелов из орудий и пулемётов были случайные попадания пуль в гостиницу "Париж", Русско-азиатский банк, таможню и русское бюро печати [3].

Перевороты вносили в жизнь города экстремальную деструкцию – оружейная и ружейная стрельба, кровопролитие, человеческие жертвы и угроза жизни как военным, так и гражданскому населению, однако множество фактов свидетельствует, что в годы гражданской войны у населения в условиях почти ежегодных и даже несколько раз в год переворотов и "недоворотов" образовалась привычка к ним. Полковник К.Н. Хартлинг, описывая восстание Особого батальона егерей, составившего личный конвой генерала С.Н. Розанова, и его подавление 1-м батальоном Учебной инструкторской школы в январе 1920 г., запечатлел примеры различного отношения гражданских лиц к боевым действиям. Одни выходили к военным и требовали дать гарантии, что их дома не пострадают во время стрельбы, другие продолжали спокойно передвигаться по городским улицам, несмотря на явные приготовления к оружейной стрельбе. Описанное им событие происходило во Владивостоке утром 26 января 1920 г. на Суйфунской горе, откуда военные собирались вести стрельбу. Он пишет: "Как только орудие было втянуто на Комаровскую улицу, я приказал портупей-юнкеру Михаилу Балышеву встать на перекрёстке Суйфунской и Комаровской улиц и никого из прохожих не пропускать вниз по Суйфунской, так как через несколько минут над этой улицей должны были пролетать снаряды, и она могла оказаться под пулемётным огнём Розановских Егерей. Балышев остановил двух старушек, заявив, что сейчас начнётся стрельба. Старушек это как-то совсем не удивило, и одна только спросила: "Как, опять "переворачиваетесь"?". А другая добавила: "Ну, ну, переворачивайтесь!", и обе своротили на Комаровскую улицу. Подобное безразлично-беспечное отношение к переворотам жителей Владивостока объясняется тем, что из-за присутствия интервентов Владивосток не знал особенно кровавых переворотов, а обыватель привык к тому, что время от времени нужно было "переворачиваться" [2, с. 268–270: 11, с. 111–112].

Подобные стратегии поведения горожан в ходе боевых действий на городских улицах отчасти можно объяснить привычкой к переворотам, отчасти, вероятно, безразличием к смерти. Б. Иситт приводит воспоминания одного из военнослужащих канадского экспедиционного корпуса: "... Элкингтон вспоминал, как однажды гуляя по Светланской, увидел, что среди бела дня грабят банк. Бандит выбежал на улицу, и его тут же застрелил жандарм. "Его тело свалили вместе с другими трупами в огромной комнате, заполненной смёрзшимися трупами. Хоронить их было негде. Сотни мёртвых тел". Иногда канадские солдаты проявляли болезненный интерес и ходили в так называемый "морг", устроенный в полуразрушенном сарае на сопке, где "мёртвые валялись прямо на полу" [7, с. 252].

Фото 3. Военные и гражданские жители около тел убитых во время Гайдовского выступления.
 Фото М. Хаскелла, 1919 г.
 Источник: [2].

Фотографии гражданской войны, сделанные на фоне мёртвых тел, также можно трактовать и как привычку населения к смерти, и как символическое выражение победы над поверженными врагами (*Фото 3*). После восстания Гайды журналисты писали о трансформации психического состояния современников: "Нужно было видеть до болезненности острое любопытство толпы к жутким картинам недавней перестрелки, чтобы понять охватившую её психологию страха и непреодолимого влечения к крови". Никого не трогало падение Омска, положение на фронте, в городе господствовали только слухи о выступлении прошедшем и грядущем. "Передаются из уст в уста версии, объясняются цели и причины, фантазия рисует самые смелые и подчас совершенно нелепые государственные перспективы. Но откуда эти нервные слухи? Это отголоски негодования тех, кто был легковерно обманут и потерпел поражение, с другой – "трусный психоз обывательского любопытства, ибо нет ничего сладостно-мучительнее, как смотреть в открытое лицо смерти" [8]. О равнодушном отношении к смерти, вероятно, может свидетельствовать и тон показаний очевидцев японского выступления. Несмотря на угрозу жизни, леденящие душу зверства японцев и ужас пережитого, их показания звучат довольно буднично. Насилие стало рядовым явлением в годы войны не только во время переворотов. Высочайший уровень преступности, насилие военных и гражданских властей в решении "квартирного вопроса", реквизиции, уплотнения, угроза голода превратили повседневную жизнь горожан в непрерывную борьбу за существование.

Таким образом, действия японских интервентов во время нападения на российский гарнизон 4–6 апреля 1920 г. отличали подготовка, попытка представить своё выступление как ответ на провокацию со стороны русских войск, необоснованное насилие. Действия японских интервентов: обстрелы зданий снаружи и внутри, стрельба по стенам, потолкам и окнам, разрушение мебели – представляют собой безумный акт вандализма, бессмысленный с рациональной точки зрения. Они носили, видимо, символический

смысл – демонстрацию своей власти и своих возможностей, уничтожение всего "большевистского". Стратегии поведения горожан включали как вполне естественные при вооружённом насилии действия – попытки спрятаться в подвалах, подъездах домов, не оказывать сопротивление, подчиняться требованиям военных, так и экстремальные – походы по городским улицам под обстрелом и при угрозе насилия, попытки оказать сопротивление военным, защитить свои права. Отдельные факты свидетельствуют о выработке у горожан привычки к переворотам, к опасности, болезненный интерес к смерти. Насилие в годы гражданской войны стало привычным явлением, во время вооружённых боев на городских улицах многие горожане вопреки здравому смыслу и инстинкту самосохранения, продолжали жить обычной жизнью, выходили из домов по своим делам или вовсе оказывались на улице из любопытства или желания поучаствовать в погромах.

Литература

1. 4-5 апреля 1920 года. Сборник документов. Хабаровск: Дальгиз, 1937. 87 с.
2. Анча Д.А., Калинин В.И., Позняк Т.З. Владивосток в фотографиях Меррилла Хаскелла. 11 августа 1919 – 23 февраля 1920. Хабаровск, 2009. 324 с.
3. Восстание Гайды // Дальний Восток. 1919. 20 ноября.
4. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 2003. 632 с.
5. Емельянов К.А. Люди в аду. (К 20-летию гибели Николаевска-на-Амуре с предисловием Я.Ловича). Пер. с англ. Э.М. Люри-Визвелл. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2004. 338 с.
6. Здания, которые мы потеряли: земская управа Владивостока. [Электронный ресурс]. URL: <https://yaromirr.livejournal.com/3198.html> (дата обращения: 4.11.2018)
7. Иситт Б. Из Виктории во Владивосток: Канадская Сибирская экспедиция: 1917–1919 гг. Пер. с англ. С.Панич. Владивосток: Дальнаука, 2013. 392 с.
8. Карамазов И. О чем говорят // Дальний Восток. 1919. 27 ноября.
9. Наумов И.В. Гражданская война на Дальнем Востоке в советской историографии середины 1950 – середины 1980-х годов. Иркутск, 1991. 144 с.
10. Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск, 1983. 334 с.
11. Хартлинг К.Н. На страже Родины. События во Владивостоке. Конец 1919 – начало 1920 г. Шанхай, 1935. 159 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. 4-5 aprelyaya 1920 goda. Sbornik dokumentov. Khabarovsk: Dal'giz, 1937. 87 s.
2. Ancha D.A., Kalinin V.I., Poznyak T.Z. Vladivostok v fotografiyakh Merrilla KHaskella. 11 avgusta 1919 – 23 fevralya 1920. Khabarovsk, 2009. 324 s.
3. Vosstanie Gajdy // Dal'nij Vostok. 1919. 20 noyabrya.
4. Dal'nij Vostok Rossii v period revolyutsij 1917 goda i grazhdanskoj vojny. Vladivostok, 2003. 632 s.
5. Emel'yanov K.A. Lyudi v adu. (K 20-letiyu gibeli Nikolaevska-na-Amure s predisloviem YA.Lovicha). Per. s angl. EH.M. Lyuri-Vizvell. Vladivostok: Izd-vo VGUEHS, 2004. 338 s.
6. Zdaniya, kotorye my poteryali: zemskaya uprava Vladivostoka. [EHlektronnyj resurs]. URL: [khttps://yaromirr.livejournal.com/3198.khtml](https://yaromirr.livejournal.com/3198.khtml) (data obrashheniya: 4.11.2018)
7. Isitt B. Iz Viktorii vo Vladivostok: Kanadskaya Sibirskaya ehkspeditsiya: 1917–1919 gg. Per. s angl. S.Panich. Vladivostok: Dal'nauka, 2013. 392 s.
8. Karamazov I. O chem govoryat // Dal'nij Vostok. 1919. 27 noyabrya.
9. Naumov I.V. Grazhdanskaya vojna na Dal'nem Vostoke v sovetskoj istoriografii serediny 1950 – serediny 1980-kh godov. Irkutsk, 1991. 144 s.
10. Svetachev M.I. Imperialisticheskaya interventsiya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1918–1922 gg.). Novosibirsk, 1983. 334 s.
11. KHartling K.N. Na strazhe Rodiny. Sobytiya vo Vladivostoke. Konets 1919 – nachalo 1920 g. SHankhaj, 1935. 159 s.

Позняк Т.З. Выступление японских интервентов во Владивостоке 4–6 апреля 1920 г.: насилие и стратегии поведения населения в ходе вооружённого конфликта.

В статье анализируются стратегии поведения японских интервентов, российских военных и гражданских жителей Владивостока во время вооружённого конфликта – японского выступления 4–6 апреля 1920 г. Действия японских военных характеризовали скрупулёзная подготовка, попытка представить свои атаки как ответ на провокацию со стороны русских войск, необоснованное и бессмысленное насилие. Стратегии поведения горожан включали действия как вполне естественные при вооружённом насилии – попытки спрятаться в подвалах, подъездах домов, не оказывать сопротивление, подчиняться требованиям военных, так и экстремальные – походы по городским улицам под обстрелом, занятие обычными повседневными делами, попытки оказать сопротивление военным, защитить свои права, устроить погромы и грабежи. Современники свидетельствуют о выработке у горожан привычки к переворотам, к опасности, к насилию, болезненный интерес к смерти.

Ключевые слова: *Гражданская война в России, Владивосток, повседневная жизнь, насилие, японская интервенция, вооружённый конфликт*

Poznyak T.Z. Actions of the Japanese interventionists in Vladivostok on April 4-6, 1920: violence and strategies of behavior of the population during an armed conflict.

The article is devoted to strategies of behavior of the Japanese invaders, the Russian military and civilian residents of Vladivostok during the armed conflict – Japanese riots 4-6 April 1920. The Japanese military action is characterized by the planning, preparation, attempt to present their attacks as a response to provocation by Russian troops, unreasonable and senseless violence. Strategies of behavior of citizens included as fully natural at the armed violence of action attempts to be hidden in basements, entrances of houses, not offer resistance, submit to the requirements of soldiery, so extreme hikes on municipal streets under a fire and at the threat of violence, engaging in everyday affairs, attempts to offer resistance military, to protect the rights, arrange massacres and robberies.

Key words: *Civil War in Russia, Vladivostok, history of everyday life, violence, Japanese intervention, armed conflict*

Для цитирования: Позняк Т.З. Выступление японских интервентов во Владивостоке 4–6 апреля 1920 г.: насилие и стратегии поведения населения в ходе вооружённого конфликта // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 15–26. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/15-26

For citation: Poznyak T.Z. Actions of the Japanese interventionists in Vladivostok on April 4-6, 1920: violence and strategies of behavior of the population during an armed conflict // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 2. P. 15–26. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/15-26

УДК 947.084+951.09(518)"192"

Аргудяева Ю.В.

Из России в маньчжурское Трёхречье: исход русских казаков и крестьян после Гражданской войны

Трёхречье¹ – район бассейнов правобережных притоков р. Аргунь, рек: Ган, Дербул и Хаул, расположенных недалеко от границы российского Забайкалья с Китаем, проходящей по р. Аргунь. Он находится в северо-западной части автономного китайского района Внутренняя Монголия, в пределах Хулунбуирского нагорья [2, с. 121]. Русские забайкальские казаки, в основном из приаргуньских станиц, посещали практически незаселённое Трёхречье с давних пор, перегоняя сюда свои стада и табуны на пастьбу. В летний период они косили здесь сено, иногда производили распашки плодородных целинных земель; зимой жили на заимках со своим скотом, в лесной зоне охотились на копытных и пушных животных. Отдельные русские хутора появились в Трёхречье ещё в конце XIX в. Позднее, в 1920-е гг., Трёхречье стало местом расселения преимущественно тех русских казаков, которые пришли сюда в основном из забайкальского региона вместе с остатками разбитых белых армий после окончания в России Гражданской войны. Переселялись сюда забайкальские казаки и некоторые русские крестьянские семьи из Приморья и после начала в СССР коллективизации. Прибыла в этот регион часть русских из других районов Маньчжурии, в частности, из пристанционной полосы КВЖД. В итоге в Трёхречье возникли русские поселения, сохранявшие, в практически сходных с Забайкальем природных условиях, традиционный, присущий только русскому населению жизненный уклад. Сюда забайкальским казачеством была транслирована традиционная русская культура, проявившаяся в хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуре, семейно-брачных отношениях, обрядах жизненного цикла [2, с. 121–134; 3, с. 98–105; 5, с. 66–70].

К первой половине XX в. подавляющее число населения Трёхречья состояло из русских. По разным данным, в 1945 г. русское население Трёхречья составляло более 10 тыс. чел., располагаясь в 16 посёлках и 3 выселках [13, с. 141; 16, с. 35]. Небольшую часть жителей составляли китайцы, японцы и коренные малочисленные народы – эвенки и орочены [13, с. 141, 142].

Первые сведения о времени появления в Трёхречье русских, их жизнедеятельности и об их уходе в середине XX в. в СССР (преимущественно на освоение целины) и в некоторые зарубежные страны получены из различных материалов, посвящённых русской эмиграции в Маньчжурии – монографий, статей, газетных заметок, отчётов, некоторых архивных материалов и воспоминаний бывших жителей Трёхречья, переводной литературы и др. [1; 2, с. 121–134; 3, с. 98–104; 5, с. 66–70; 4, с. 152–166; 6; 7; 8; 9; 10; 11, с. 81–93; 13, с. 140–149; 15; 16, с. 34–37; 18; 19, с. 144–149; 20, с. 107–113; 21, с. 136–143; 22, с. 62–76; 23, с. 86–92; 24; 25]; (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3.; ГАПК. Ф. 1588. Оп. III.)².

¹ В разные периоды истории термин "Трёхречье" в публикациях российских и зарубежных авторов пишется как с буквой "ё" (Трёхречье), так и с буквой "е" (Трехречье), что и нашло своё отражение так же в списке литературы.

² ГАХК – Государственный архив Хабаровского края; ГАПК – Государственный архив Приморского края.

Сведения о появлении в Трёхречье русских и возникновении здесь их первых поселений, по свидетельству уроженца этого региона А.М. Кайгородова, основываются на некоторых предположениях, воспоминаниях местных русских и эвенкийских старожилов. По его данным, заселение и освоение Трёхречья практически началось в конце XIX в. с момента появления там первых охотничьих избышек и заимок, созданных забайкальскими казаками, жившими за р. Аргунью. Первые русские заимки возникли по Хаулу – реке, самой близкой к р. Аргунь. В 1870 г. две из них объединились в хутор Ивановку (четыре двора с небольшими огородами). В 1875 г. на месте заимки, основанной Парамоновым, появился хутор Ернишная (из четырёх дворов с огородом и баней). В 1885 г. заимка, построенная Т. И. Лопатиным, переросла в пос. Черноусиха – шесть дворов с огородами и впервые с пашней, на которой рожь давала очень хорошие урожаи. В 1890 г. самая нижняя по Хаулу заимка С.Л. Шестопалова разрослась в богатую деревню Манерка с тысячными отарами овец, стадами крупного рогатого скота и табунами лошадей [15, с. 4–5].

Хозяева хуторов и заимок, пережив первую мировую войну, перестали возвращаться к себе на родину в левобережные приаргуньские казачьи посёлки и станицы, вывезли из Забайкалья свои семьи и стали постоянно проживать по р. Хаул.

В годы революции и Гражданской войны в России, в Трёхречье устремился поток беженцев, отходили разгромленные красными части атамана Семёнова и других вожаков белого движения. В этот период казаки, не принявшие советскую власть, с семьями, скотом и имуществом активно переправлялись через р. Аргунь на китайскую сторону. В прибрежных районах реки Хаулрыли землянки, строили дома, сеяли хлеб, косили сено. В итоге, население бассейна р. Хаул выросло за счёт беженцев из Сибири, Забайкалья и Приморья в несколько десятков раз. Значительный приток беженцев-казаков из Забайкалья в Китай был и в период коллективизации в России.

Советским властям не нравилось такое переселение, и они организовывали карательные походы. Особенно жестокими действиями отличились отряды забайкальских партизан во главе с С. И. Толстокулаковым, которые в 1929 г. совершили несколько рейдов на правобережье р. Аргунь и р. Хаул. После их набегов горели избы, погибло немало людей, в том числе стариков и детей. Слабо вооружённые казаки не могли дать отпор карателям. Уцелевшие поселенцы, побросав всё имущество, бежали на р. Дербул и р. Ган. На реке Хаул остались несколько заимок и две небольшие деревни – Ерничная и Караванная, где многие китайцы имели русских жён [5, с. 122; 15, с. 4–5].

1920–1930-е гг. были годами массового расселения русских в Трёхречье, преимущественно по р. Дербулу и р. Гану. Китайские власти не препятствовали русской колонизации этого практически не заселённого к тому времени региона. Географически он делился на таёжную, лесостепную и степную части, что и определило основу хозяйственной направленности в населённых пунктах той или иной зоны. Однако это не мешало развитию традиционного хозяйственного уклада русских в Трёхречье. Ориентация только на определённые виды деятельности, в связи с природно-экологическими условиями, тем не менее позволяла, путём торгово-обменных операций, иметь все необходимые для обеспечения традиционной жизнедеятельности продукты питания.

По данным, собранным А. М. Кайгородовым, удалось выявить как время основания первых заимок и более крупных населённых пунктов в Трёхречье, так и годы, когда они были, по согласованию китайских и советских властей, покинуты русскими преимущественно на освоение в СССР целины, а часть из них отправилась в Австралию и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Основные населённые пункты, возникшие по р. Дербул: посёлки Дубовая, Ключевая, Тулунтуй, Попирай, Караганы и Щучья [5, с. 68].

Дубовая. Первые заимки на месте будущего посёлка были основаны Егором Пешковым и Вениамином Волгиным в 1880 г. Первые подворья с рублеными избами, амбарами и огородами появились здесь в 1925–1926 гг. В них поселились братья Иван и Игнатий Золотовские, Георгий, Макар и Пётр Кайгородовы и В. П. Катков [15, с. 7].

Основная часть русских покинула Дубовую в 1955–1956 гг., три семьи оставались до 1975 г. [13, с. 144–145].

Ключевая. Посёлок Ключевая располагался в 6 км от пос. Дубовая, недалеко от слияния р. Дербула с его притоком Дербуканом. Первые заимки на этом месте были основаны в 1885 г. А.А. Волгиным, К.Л. Зверевым и Г. Полуэктовым. В 1913 г. посёлок насчитывал уже около двух десятков дворов; была выстроена церковь [2, с. 123].

Большинство казаков уехало в СССР на целину в 1955–1956 гг., две семьи оставались до 1970 г.; некоторые отправились в Австралию [5, с. 68; 15, с. 8].

Тулунтуй. Первые заимки на месте будущего посёлка были основаны Жигалиным, Каюковым и братьями Александром и Тимофеем Фомиными в 1882–1885 гг. К 1945 г. посёлок состоял из двух, разделённых небольшой речкой частей, – Верхнего Тулунтуя и Нижнего Тулунтуя; в центре посёлка – церковь и начальная школа. Основные занятия населения – скотоводство и земледелие. Часть русских покинула Тулунтуй в 1955–1956 гг.; три семьи оставались до 1965 г.; некоторые отправились в Австралию [5, с. 68; 15, с. 8].

Попирай. Заимка, основанная здесь Козулиным в 1895 г. на берегу р. Дербул, впоследствии разрослась в посёлок, считавшийся по количеству скота самым богатым в Трёхречье. Русские оставили этот населённый пункт в 1955–1957 гг. [5, с. 68; 15, с. 8].

Караганы. Основанная здесь примерно в 1890 г. Фёдором Широких заимка, впоследствии разрослась в небольшой, в тридцать пять дворов, посёлок. Сказывалась близость советской границы и боязнь нападения советских карательных отрядов. Основное занятие населения – скотоводство, земледелие, таёжные промыслы [24, с. 82].

Русские этого посёлка жители уехали в СССР, на целину, в 1956 г. [5, с. 68; 15, с. 8].

Щучья. Первые заимки были основаны здесь И. Пешковым и Д. А. Деревниным в 1880 г. Вскоре здесь вырос небольшой, в 25–30 домов, но довольно богатый посёлок. Именно через него, в 1920-х гг., в Трёхречье и дальше вглубь Маньчжурии, отходили разгромленные части семеновцев, колчаковцев, кашпелевцев и несколько тысяч беженцев, преимущественно из числа зажиточных забайкальских казачьих семей [15, с. 8]. По данным П. Шахматова, к 1945 г. в пос. Щучье проживало около двухсот жителей [22, с. 63]. Русские покинули Щучью в 1956 г. [15, с. 8].

Населённые пункты по бассейну р. Ган включали посёлки Покровку, Усть-Кули, Лабдарин, Челотуй и Светлоколуй [5, с. 68; 15, с. 8].

Покровка. Расположенная в отрогах Большого Хинган, на берегу р. Илгачи–левого притока р. Ган, Покровка, как и многие другие населённые пункты Трёхречья, начиналась с первых заимок, основанных Пятковым и Вырышевым в 1925 г. [2, с. 124; 15, с. 9].

В Покровке, помимо забайкальских казаков, поселились также беженцы других сословий, в частности крестьяне-старообрядцы, которые в 1930-е гг. переселились отсюда на Большой Хинган. После второй мировой войны, в 1950-е гг., старообрядцы, не захотев возвращаться в СССР, эмигрировали в Южную Америку, а затем в штат Орегон (США), откуда – на Аляску, где основали с. Никольское (пос. Николаевск) [15, с. 9]. Поселились здесь и представители интеллигенции, бывшие рабочие воткинских и ижевских оружейных заводов. Многие из них нашли достойное применение своим знаниям, основав кузнечную, гончарную мастерские, овчинно-шубный завод, пасаку и др. Но основным занятием большинства жителей Покровки было земледелие.

В Покровке функционировали две церкви: старообрядческая во имя Покрова Пресвятой Богородицы во главе со священником Иоанном Старосадчевым, и новообрядческая (православная) в честь иконы Казанской Божией Матери. Дети обучались в начальной школе, молодое поколение организовало молодёжный клуб, функционировал и третейский суд [24, с. 107].

Основная часть русских покинула Покровку в 1955–1956 гг. Несколько семей оставались до 1962 г. [2, с. 124; 15, с. 9].

Усть-Кули (в настоящее время – Ся-Кули). Посёлок расположен на берегу р. Ган, в двенадцати километрах от пос. Верх-Кули. Первые заимки

на месте будущего посёлка были основаны Е.В. Волгиным и Парамоновым в 1907 г. [2, с. 124; 15, с. 10].

По данным П. Шахматова, Усть-Кули – это небольшой, в тридцать дворов, посёлок, в котором имелись начальная школа и две церкви: старообрядческая во имя Успения Божьей Матери и новообрядческая во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Жители Усть-Кулей занимались земледелием, разведением домашней птицы, огородничеством, рыболовным и охотничьим промыслами [2, с. 124; 24, с. 106].

Основная часть русских покинула посёлок в 1955–1957 гг.; несколько семей оставались до 1960 г. [15, с. 10].

Лабдарин (в настоящее время – г. Аргунь, насчитывающий несколько десятков тысяч жителей). На месте первых заимок, основанных Каргиным, Косяковым, братьями Кустовыми в 1895–1900-х гг., постепенно вырос посёлок. Основное занятие жителей – сельскохозяйственная деятельность, огородничество и промыслы. Несколько семейств китайцев держали две торговые лавки, выращивали овощи. В посёлке функционировала начальная школа; продолжали учёбу дети в Верх-Кулях или Драгоценке (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3 Д. 13655); [2, с. 124; 24, с. 91].

Русских из этих мест выселили в 1955–1956 гг. На их место стали приезжать большие партии китайцев из центральных районов Маньчжурии и Китая [5, с. 68; 15, с. 10].

Челотуй. Заимка на месте будущей деревни в нижнем течении р. Ган была основана А. П. Морозовым в 1914 г. Впоследствии заимка выросла в небольшой, но один из самых богатых (по количеству овец) небольших посёлков. Русские покинули посёлок в 1955–1956 гг. [2, с. 124; 15, с. 10].

Светлоколуй (Светлый Колуй). Заимка, на месте будущего посёлка, насчитывавшего к 1945 г. 50–60 дворов, была основана в 1910 г. И. Е. Бизьяновым. Жители Светлого Колуя имели большое количество скота – до 500–1000 голов овец на семью, а сын основателя первой заимки имел их более 6 000 голов [5, с. 68]. Русские покинули посёлок в 1956 г. [2, с. 125; 15, с. 11].

Несколько русских населённых пунктов находились в междуречье Дербула и Гана [5, с. 68]:

Баржакон. Первые заимки на месте будущего посёлка были основаны П.Д. Банщикковым и Т.И. Лопатиным в 1922 г. Основное занятие населения – земледелие и скотоводство. Русские ушли из посёлка в 1955 г. [2, с. 125; 5, с. 68; 15, с. 15].

Лапцагор. Заимка на месте будущего посёлка была основана в 1905 г. П. Былковым. К 1945 г. посёлок насчитывал не более 20 дворов, однако на каждый двор приходилось не менее 1000 голов скота, который жители успешно разводили на окрестных обширных степных лугах. Русские покинули посёлок в 1955–1956 гг. [5, с. 68; 15, с. 15].

Верх-Урга (в настоящее время – Шан-Урга). Посёлок был основан в 1920 г. Ермолиным и Мартемьяновым. Основная часть русских покинула посёлок в 1955–1957 гг.; некоторые семьи оставались до 1970 г. [5, с. 68; 15, с. 15].

Усть-Урга (в настоящее время – Ся-Урга). Посёлок основан одновременно с Верх-Ургой Качиковым, Соколовым и Фоминым. Население занималось хлебопашеством, рыболовным и охотничьим промыслами [5, с. 68; 15, с. 16].

В 20 км от Усть-Урги, вверх по течению р. Ган, находился монастырь. Основная масса русского населения выехала в СССР в 1955–1957 гг.; отдельные семьи оставались до 1972 г. [15, с. 16].

Ширфовая (Усть-Ширфовая). По данным А. М. Кайгородова и Х. Сакамото, посёлок вырос в верховьях р. Ган в 1940-е годы в основном из переселенцев китайской приграничной деревни Цицян (Цигань). Посёлок считался одним из самых бедных в Трёхречье. Многие жители занимались рыболовством, зимой возили по посёлкам рыбу, обменивая её на пшеницу и овёс. Определённый доход приносила меновая торговля с эвенками [2, с. 125; 15, с. 17; 20, с. 107–113].

По архивным данным посёлок основали в начале 1930-х гг. старообрядцы-охотники, выходцы с Восточной линии железной дороги, где они какое-то время жили после перехода границы из СССР. На Восточной линии оставаться

было небезопасно, так как там орудовали банды хунхузов. По архивным и нашим полевым материалам, это были старообрядцы-беспоповцы, действительно какое-то время, в первой половине 1930-х гг., обитавшие на станциях Эхо, Хулин, Муданьцзян и других по Восточной линии железной дороги, а потом попавшие в Трёхречье. Это были семьи Ануфриева Константина Тарасовича (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 1484–1491), Бодунова Ксенофонта Петровича (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 4901–4906), Гостевского (Гостевских) Дмитрия Ивановича (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 10711–10714), Гуськова Мартемьяна Корнильевича (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 12082, 12086), Калугина Савелия Федотовича (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 18905, 18917, 18919, 18920), Калугина Ивана Зиновьевича (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 18904, 18910, 1818920), Калугина Анисима Ивановича (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 18917; ГАПК. Ф. 1588. Оп. III. Д. ПУ–6945), Конева Полиэкта Севостьяновича, Малахова Луки Тимофеевича (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 28858 – 2860), Мартюшева Андрея Лазаревича (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 29530, 29536, 29539, 29544, 29545), Поздеева Игнатия Ивановича (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 37695, 37698), Слободчикова Василия Афанасьевича (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 43792, 43794), Фефелова Сазона Мокеевича (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 49496, 49497, 49499, 49502, 49504), Поносова Павла Филатовича (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 38232, 38234) и др.

Как и в Верх-Кулях, в Ширфовой (Усть-Ширфовой) они жили недолго. Как только недалеко от Харбина сформировалось несколько деревень, основанных старообрядцами-беспоповцами: Селинхэ, Медяны, Колумбэ, Романовка – они перебрались туда в свои беспоповщинские общины.

В трёх километрах от Ширфовой находился Свято-Троицкий мужской монастырь.

Русские покинули деревню в 1956 г. [15, с. 17].

Верх-Кули (в настоящее время – Шан-Кули). Первые заимки на месте будущего посёлка были основаны примерно к 1890 г. казаками-забайкальцами Аксёновым, К. И. Чегодаевым, братьями Чипизубовыми [15, с. 144]. Средства существования первоначально добывали охотой. Сельским хозяйством начали заниматься только с 1925 года. Посёлок стоял на пересечении путей, поэтому здесь всегда останавливались люди из соседних посёлков.

В 1930-е гг. в Верх-Кулях имелся постоялый двор, две китайские харчевни и три лавки; русскими было налажено небольшое маслодельное, сыроваренное и пимокатное производство; были отделения японских торговых фирм "Хаясиканэ" и "Томобоеки коси". По сведениям А. М. Кайгородова, в 1911–1912 гг. в Верх-Кулях построили старообрядческую церковь [13, с. 144]. По данным П. Шахматова, её освятили в честь Успения Пресвятой Богородицы. Православная церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы появилась в Верх-Кулях несколько позднее [24, с. 70].

Верх-Кули считался самым богатым посёлком Трёхречья, первым по численности населения. По данным А. М. Кайгородова, к 1945 г. в посёлке было 30 китайцев и около 1500 чел. русских [13, с. 144], по сведениям П. Шахматова, 2 000 чел. русских [24, с. 69].

Русские поселенцы по своему вероисповеданию делились на старообрядцев и официально признанных православных. Среди старообрядцев были как поповцы– представители австрийского согласия, пришедшие преимущественно из станицы Доно Забайкальской области, так и старообрядцы – беспоповцы.

Старообрядцы-беспоповцы эмигрировали в Маньчжурию в конце 1920-х – начале 1930-х гг. из Приморья и поселились либо сразу в Трёхречье, либо спустя несколько лет после жизни в ряде населённых пунктов на Восточной линии железной дороги. В Верх-Кулях они жили непродолжительное время. Основная причина их дальнейшего перемещения– нежелание жить в одном населённом пункте со старообрядцами-поповцами и официально признанными православными (мирскими).

В Верх-Кулях было две церкви – старообрядческая в честь Успения Пресвятой Богородицы и православная в честь Покрова Пресвятой Богородицы [24, с. 70].

Удобные для обработки поля и хорошие сенокосные угодья, сравнительная близость рынка (г. Хайлар) позволили посёлку выйти в Трёхречье на

первое место по производству зерна и мяса. Отары овец были бессчётными; разводили здесь и верблюдов [13, с. 144].

Жителей Верх-Кули начали выселять из посёлка в 1955 г. Уезжали очень неохотно; многие уехали в Австралию [15, с. 17].

Нармакчи. Небольшой посёлок, домов в 15–20, был основан несколько позднее Верх-Кулей, казаками Первухиными из забайкальского Аргунска. Население занималось в основном овцеводством. Близость Хайларского тракта способствовала успешному сбыту скотоводческой продукции. Все русское население было депортировано в СССР в 1956 г. [15, с. 18].

Драгоценка – (по китайски – Саньхэ; при японцах – г. Найрумту) один из самых больших (после Верх-Кули) по численности жителей населённый пункт Трёхречья, его центр. Посёлок, выросший затем в станицу, был основан в 1880–1882 гг. Ф. Кокухиным, А. Куликовым и В. Деревцовым [13, с. 144]. Центральное положение Драгоценки в Трёхречье, её хорошая связь грунтовыми дорогами практически со всеми населёнными пунктами этого региона обусловили её быстрый рост как торгового, а затем и административного и культурного центра. Это была и единственная в регионе казачья станица, которой подчинялись все трёхреченские казачьи посёлки [5, с. 69].

Драгоценка была, пожалуй, единственным населённым пунктом Трёхречья, где китайцы составляли значительную прослойку населения. Здесь они держали мелкие лавки, харчевни, пошивочные мастерские, парикмахерские, постоянные дворы. Были среди них и кузнецы, и плотники; некоторые были неплохими огородниками, но традиционным землешеством, как русские, они не занимались. Были в Драгоценке и торгово-промышленный филиал русской фирмы "И.Я. Чурин и Ко", филиалы японских торговых фирм "Хаясиканэ", "Томе боеки коси", "Мансютикусан Кабусики Кайся". В них за приобретённые товары можно было платить не только деньгами, но и пушиной, и зерном, а в китайских лавках и куриными яйцами. Фирме Чурина, кроме магазина, принадлежали паровая вальцовая мельница и ремонтно-механические мастерские [1, с. 144; 5, с. 68–69]. В Драгоценке была оборудована электрическая станция, спиртовой, кожевенный, пимокатный и маслодельный заводы, несколько шорных и ремонтно-механических мастерских, автогаражи, а также пекарня, почтово-телеграфная контора, постоянный двор и отделение Народного Банка Китая. Для военных нужд японцами был построен аэродром [24, с. 63]. Здесь функционировали также две столярные, две кузнечно-слесарные, три портновские мастерские, прачечная, общественная баня, три сапожные мастерские, восемь столовых и ресторанов, два китайских постоянных двора, японская гостиница и др. [23, с. 88–89].

В 1944 г. в Драгоценке проживало около 3000 человек (без японского гарнизона примерно в 300 чел.), в том числе русских примерно 1500, китайцев 900–1000, японцев – 500. Здесь располагалось управление Южно-Аргунской губернии, в которую при японцах было преобразовано Трёхречье, полицейское и жандармское управления, казачье станичное управление, лесничество, отделение японской миссии, отделение Бюро по делам российских эмигрантов, больница с хирургическим отделением. В Драгоценке находилась китайская школа и единственная в Трёхречье русская восьмилетняя школа, преобразованная после прихода в Маньчжурию Красной Армии в среднюю школу. При школе были механические мастерские и пансионат, в котором жили дети из окрестных трёхреченских казачьих посёлков [13, с. 144; 15, с. 12]. В Драгоценке некоторое время Трёхреченским отделением Бюро российских эмигрантов издавалась еженедельная газета "Казачья жизнь", имелся и свой русский клуб. В центре Драгоценки находился большой собор в честь святых Петра и Павла.

Русских начали выселять из Драгоценки в 1955 г.

подавляющее число населения Трёхречья в первой трети XX в. состояло из русских. Оно росло не только за счёт переселенцев из-за р. Аргуни, но и из пристанционной полосы КВЖД, а также из городов Хайлар, Маньчжурия, Харбин. К концу 1944 г. оно насчитывало по 9050 чел., в том числе мужчин – 4739, женщин – 4311 (ГАХК. Ф. Р-830, оп. 1. д. 75, л. 244–250), в 1945 г. – около 11 тыс. чел., располагавшихся в 16 посёлках и 3 выселках [13, с. 141; 16, с. 35]. Это были в основном забайкальские казаки и их семьи,

бежавшие сюда либо в годы гражданской войны, либо в период коллективизации, в 1930-е годы. Таких беженцев называли "тридцатниками".

Вторую по численности группу населения составляли китайцы. Непосредственно в Трёхречье китайцы пришли в 1925 г. В большинстве это были торговцы, держатели постоянных дворов и харчевен, парикмахеры, сапожники, кузнецы и др. ремесленники, а также огородники. Из общего числа китайцев в Трёхречье (до 1945 г.) – 1000–1100 чел., их основная часть проживала в Драгоценке, занимая как бы отдельный квартал. В других населённых пунктах их было немного, за исключением Верх-Кулей (примерно 12 семей) и Караванной (30 семей) [13, с. 141; 15, с. 19].

Третью часть населения Трёхречья составляли японцы, появившиеся в крае в 1932 г., когда в Маньчжурии было провозглашено марионеточное государство Маньчжоу-Го. Основная часть японцев – военнослужащие небольшого гарнизона в Драгоценке или гражданские служащие различных учреждений, коммерсанты, советники, преподаватели [13, с. 142].

Были и представители коренных народов – эвенки, орочены, буряты, монголы. Орочены (250 чел. по китайским источникам) охотились на лошадях преимущественно по р. Ган; эвенки (164 чел. в 1989 г., по сведениям, собранным немецким учёным Г. Хаине) охотились на оленях. Монголы и буряты кочевали в степной полосе Трёхречья, работая пастухами у богатых русских скотовладельцев [13, с. 142; 15, с. 20]. Межкультурная коммуникация этих народов способствовала взаимовлиянию, в основном, в материальной культуре и, отчасти, в хозяйственной деятельности и языке.

Отметим, что первоначально жители Трёхречья занимались главным образом охотой и рыбной ловлей, потом основным занятием стало животноводство, и в небольших размерах полеводство, а с 1930-х годов на первое место выдвинулось земледелие. Наличие большого количества свободных плодородных земель и высокие урожаи привели к тому, что население Трёхречья очень быстро перешло от небольших посевов "для себя" к посевам на больших площадях, применяя первоначально, по старинке, как и в Забайкалье, лошадей и волов, используя плуги и бороны, а для уборки урожая – серпы, косы, с обмолотом зерновых при помощи конных и водяных мельниц. Впоследствии стали применять разнообразную сельскохозяйственную технику (трактора, жейки, молотилки и др.), преимущественно зарубежного производства, приобретая её в ближайшем городе Хайлар, а также в Харбине.

Завершая краткий обзор истории формирования населения Трёхречья в конце XIX – первой половине XX в., отметим, что, несмотря на сложный этнический состав этого малонаселённого региона, в нём преобладали в этот период русские – выходцы из различных регионов России, преимущественно из Забайкалья. Это были русские казаки, транслировавшие в Трёхречье традиционную русскую культуру в хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуре, семейном быту и принёсшие в этот регион многие, неизвестные здесь, сельскохозяйственные культуры и хозяйственные навыки. В процессе их взаимодействия с другими народами, преимущественно тунгусоязычными, монголоязычными, тюркоязычными, а также с китайцами и японцами, осуществлялось взаимовлияние и обогащение традиционных культур и навыков, что способствовало более успешной жизнедеятельности населения в условиях местной природно-экологической и социальной среды.

Литература

1. Анучин В.А. Географические очерки Маньчжурии. М.:Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1948. 300 с.
2. Аргудяева Ю.В. Русское население в Трёхречье // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 121–134.
3. Аргудяева Ю.В. Быт и традиционный уклад русских казаков в Трёхречье // Забайкальское казачество в историческом развитии и межкультурной коммуникации: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 160-летию создания Забайкал. казачьего войска, образования Забайкал. обл. и придания Чите статуса обл. центра. Чита: Поиск, 2011. С. 98–105.

4. Аргудяева Ю.В. Русские казаки-забайкальцы в Северо-Восточном Китае // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 11: Исторический опыт взаимодействия культур. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2015. С. 52–166.
5. Аргудяева Ю.В. Источники по историко-демографическим процессам у русских Трехречья // Историческая демография. Сыктывкар, 2016. № 1 (17). С. 66–70.
6. Балакшин П. Финал в Китае: В 2 т. Сан-Франциско – Нью-Йорк – Париж: Сириус, 1958–1959. Т. 1. 374 с.; Т. 2. 430 с.
7. Белоглазов Г.П. Русская земледельческая культура в Маньчжурии (середина XVII – первая треть XX в.) Владивосток: Дальнаука, 2007. 184 с.
8. Жернаков В.Н. Трехречье. Рукопись. (Окленд, 1975). //HILLA. Коллекция В.Н. Жернакова. 23 с.
9. Жилище и жизнь русских в Трехречье в Северной Маньчжурии. Токио: Издательство Хабукункан, Охаси Сингити, 1943. 141 с. (Перевод Е. В. Пустовойт).
10. Забяко А.П., Забяко А.А. Русские Трехречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. 340 с., ил.
11. Игауэ Нахо. Японские исследования казацких сёл в Хулун-Буйре (Трехречье) в Маньчжоу-го // Материалы XXV росс.-япон. симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония). Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 81–93.
12. Кайгородов А.М. Эвенки в Трехречье (по личным наблюдениям) // Советская этнография. 1968. № 4. С. 123–131.
13. Кайгородов А.М. Русские в Трехречье (по личным воспоминаниям) // Советская этнография. 1970. № 2. С. 140–149.
14. Кайгородов А.М. Маньчжурия: август 1945 // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 94–103.
15. Кайгородов А.М. Потерянная земля (Историко-этнографический очерк). Рукопись. М., 1990–1994 гг. 27 с.
16. Кайгородов А.М. Харбин: взгляд из Трехречья // Годы, люди, судьбы. История российской эмиграции в Китае: Материалы междунар. научн. конф., посвящ. 100-летию г. Харбина и КВЖД (Москва, 19–21 мая 1998 г.). М.: ИРИ РАН, 1998. С. 34–37.
17. Кляус В.Л. "Русское Трехречье" Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 416 с.
18. Кормазов В.А. Барга. Экономические очерки. Харбин: Типогр. КВЖД, 1928. 281 с.
19. Перминов В.В. Русское Трехречье // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: Исторический ракурс и современные оценки. Материалы междунар. науч. конф. 22–27 нояб. 2012 г. (г. Чита Забайкальского края Российской Федерации – г. Эргуна Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики). Чита: Забайкал. гос. гум-пед. ун-т, 2012. С. 144–149.
20. Сакамото Хидэаки. Старообрядческая деревня Усть-Ширфовая в Трехречье // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы V-ой междунар. науч.-практ. конф. 31 мая – 1 июня 2007 г. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. С. 107–113.
21. Сергеев О.И. Казачье Трехречье в Китае: исторический ракурс // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: Исторический ракурс и современные оценки. Материалы междунар. науч. конф. 22–27 нояб. 2012 г. (г. Чита Забайкальского края Российской Федерации – г. Эргуна Автономного района Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики). Чита: Забайкал. гос. гум-пед. ун-т, 2012. С. 136–143.
22. Хисамутдинов А.А. "Охотничайте, пашите, сейте": русские старообрядцы в Китае и их исход // Традиционная культура. 2012. № 4. С. 62–76.
23. Чапыгин И.В. Казачья эмиграция на территории Маньчжурии (1920 – 1945 гг.) // Забайкальское казачество в историческом развитии и межкультурной коммуникации: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 160-летию создания Забайкал. казачьего войска, образования Забайкал. обл. и придания Чите статуса обл. центра. Чита: Поиск, 2011. С. 86–92.
24. Шахматов П. Трехречье. Воспоминания. Томск: Изд-во "Красное знамя", 2014. 344 с.
25. Янков А.Г., Тарасов А.П. Русские Трехречья: история и идентичность. Чита: Экспресс-издательство, 2012. 72 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Anuchin V.A. Geograficheskie ocherki Man'chzhurii. M.:Gos. izd-vo geogr. lit-ry, 1948. 300 s.
2. Argudyaeva YU.V. Russkoe naselenie v Trekhrech'e // Rossiya i ATR. 2006. № 4. S. 121–134.

3. Аргудяева Ю.В. Быт и традиционный уклад русских казаков в Трёхречье // *Забайкалское казачество в историческом развитии и межкультурной коммуникации: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящённ. 160-летию создания Забайкал. казачьего воиска, образования Забайкал. обл. и придания Чите статуса обл. центра*. Чита: Поиск, 2011. С. 98–105.
4. Аргудяева Ю.В. Русские казаки-забайкальцы в Северо-Восточном Китае // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах*. Вып. 11: Исторический опыт взаимодействия культур. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2015. С. 52–166.
5. Аргудяева Ю.В. Источники по историко-демографическим процессам у русских Трёхречья // *Историческая демография*. Сыктывкар, 2016. № 1 (17). С. 66–70.
6. Balakshin P. Final in Kitae: V 2 t. San-Frantsisko – N'yu-Jork – Parizh: Sirius, 1958–1959. T. 1. 374 s.; T. 2. 430 s.
7. Beloglazov G.P. Russkaya zemledel'cheskaya kul'tura v Man'chzhurii (seredina XVII – pervaya tret' XX v.) Vladivostok: Dal'nauka, 2007. 184 s.
8. ZHernakov V.N. Tryokhrech'e. Rukopis'. (Oklend, 1975). //HILLA. Kolleksiya V.N. ZHernakova. 23 s.
9. ZHilishhe i zhizn' russkikh v Trekhrech'e v Severnoj Man'chzhurii. Tokio: Izdatvo KHabukankan, Okhasi Sin'iti, 1943. 141 s. (Perevod E. V. Pustovojt).
10. Zabyako A.P., Zabyako A.A. Russkie Tryokhrech'ya: osnovy ehnicheskoj samobytnosti. Novosibirsk: IAEHT SO RAN, 2017. 340 s., il.
11. Igaueh Nakho. Yaponskie issledovaniya kazatskikh syol v KHulun-Bujre (Trekhrech'e) v Man'chzhou-go // *Materialy XXV ross.-yapon. simpoziuma istorikov i ehkonomistov DVO RAN i rajona Kansaj (Yaponiya)*. Vladivostok: Dal'nauka, 2010. С. 81–93.
12. Kajgorodov A.M. EHvenki v Trekhrech'e (po lichnym nablyudeniyam) // *Sovetskaya ehnoGRAfiya*. 1968. № 4. С. 123–131.
13. Kajgorodov A.M. Russkie v Trekhrech'e (po lichnym vospominaniyam) // *Sovetskaya ehnoGRAfiya*. 1970. № 2. С. 140–149.
14. Kajgorodov A.M. Man'chzhuriya: avgust 1945 // *Problemy Dal'nego Vostoka*. 1991. № 6. С. 94–103.
15. Kajgorodov A.M. Poteryannaya zemlya (Istoriko-ehnoGRAficheskij ocherk). Rukopis'. M., 1990–1994 gg. 27 s.
16. Kajgorodov A.M. KHarbin: vzglyad iz Trekhrech'ya // *Gody, lyudi, sud'by. Istoriya rossijskoj ehmigratsii v Kitae: Materialy mezhdunar. nauchn. konf., posvyashh. 100-letiyu g. KHarbina i KVZHD (Moskva, 19–21 maya 1998 g.)*. M.: IRI RAN, 1998. С. 34–37.
17. Klyaus V.L. "Russkoe Trekhrech'e" Man'chzhurii. Ocherki fol'klora i traditsionnoj kul'tury. M.: IMLI RAN, 2015. 416 s.
18. Kormazov V.A. Barga. EHkonomicheskie ocherki. KHarbin: Tipogr. KVZHD, 1928. 281 s.
19. Perminov V.V. Russkoe Trekhrech'e // *Prigranichnoe sotrudnichestvo i vneshneehkonomicheskaya deyatel'nost': Istoricheskij rakurs i sovremennye otsenki. Materialy mezhdunar. nauch. konf. 22–27 noyab. 2012 g. (g. CHita Zabajkal'skogo kraja Rossijskoj Federatsii – g. EHrguna Avtonomnogo rajona Vnutrennyaya Mongoliya Kitajskoj Narodnoj Respubliki)*. CHita: Zabajkal. gos. gum-ped. un-t, 2012. С. 144–149.
20. Sakamoto KHidehaki. Staroobryadcheskaya derevnya Ust'-SHirfovaya v Trekhrech'e // *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi. Materialy V-oj mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 31 maya – 1 iyunya 2007 g. Ulan-Udeh: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2007. С. 107–113.*
21. Sergeev O.I. Kazach'e Trekhrech'e v Kitae: istoricheskij rakurs // *Prigranichnoe sotrudnichestvo i vneshneehkonomicheskaya deyatel'nost': Istoricheskij rakurs i sovremennye otsenki. Materialy mezhdunar. nauch. konf. 22–27 noyab. 2012 g. (g. CHita Zabajkal'skogo kraja Rossijskoj Federatsii – g. EHrguna Avtonomnogo rajona Vnutrennyaya Mongoliya Kitajskoj Narodnoj Respubliki)*. CHita: Zabajkal. gos. gum-ped. un-t, 2012. С. 136–143.
22. KHisamutdinov A.A. "Okhotnichajte, pashite, sejte": russkie staroobryadtsy v Kitae i ikh iskhod // *Traditsionnaya kul'tura*. 2012. № 4. С. 62–76.
23. CHapygin I.V. Kazach'ya ehmigratsiya na territorii Man'chzhurii (1920 – 1945 gg.) // *Zabajkal'skoe kazachestvo v istoricheskom razvitii i mezhkul'turnoj kommunikatsii: materialy mezhhregion. nauch.-prakt. konf., posvyashh. 160-letiyu sozdaniya Zabajkal. kazach'ego vojska, obrazovaniya Zabajkal. обл. i pridaniya CHite statusa обл. tsentra*. CHita: Poisk, 2011. С. 86–92.
24. SHakhmatov P. Tryokhrech'e. Vospominaniya. Tomsk: Izd-vo "Krasnoe znamya", 2014. 344 s.
25. YAnkov A.G., Tarasov A.P. Russkie Tryokhrech'ya: istoriya i identichnost'. CHita: EHkspress-izdatel'stvo, 2012. 72 s.

Аргудяева Ю.В. Из России в маньчжурское Трёхречье: исход русских казаков и крестьян после Гражданской войны.

Показаны причины эмиграции и исход русских казаков Забайкалья и крестьян-старообрядцев Приморья в маньчжурское Трёхречье. Освещается история возникновения первых русских заимок и посёлков на маньчжурской земле, их религиозный состав. Характеризуются особенности адаптации русских к хозяйственной деятельности в условиях природной среды Трёхречья. Указаны основные причины и периоды реэмиграции русских трёхреченцев в Россию и эмиграцию в страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова: *русские, казаки, крестьяне, православные, старообрядцы, эмиграция, реэмиграция, Забайкалье, Приморье, Маньчжурия, Трёхречье*

Argudiaeva Yu.V. From Russia to the Manchurian Three-Rivers: the Exodus of Russian Cossacks and Peasants after the Civil War.

The reasons for emigration and the exodus of the Russian Cossacks of Transbaikalia and the Old Believers' peasants of Primorye to the Manchurian Three-Rivers are shown. The history of the emergence of the first Russian zaimok and settlements on the Manchurian land, their religious composition is covered. The characteristics of the adaptation of Russians to economic activities in the natural environment of the Three-Rivers are characterized. The main reasons for and periods of re-emigration of Russian inhabitants of the Three-Rivers to Russia and emigration to the countries of the Asia-Pacific region are indicated.

Key words: *the Russians, Cossacks, peasants, Orthodoxy, old-Believers, emigration, remigration, Transbaikalye, Primorye, Manchuria, Three-Rivers*

Для цитирования: Аргудяева Ю.В. Из России в маньчжурское Трёхречье: исход русских казаков и крестьян после Гражданской войны // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 27–36. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/27-36

For citation: Argudiaeva Yu.V. From Russia to the Manchurian Three-Rivers: the Exodus of Russian Cossacks and Peasants after the Civil War // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 2. P. 27–36. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/27-36

УДК 398.8

Краюшкина Т.В.

Песенный фольклор Гражданской войны в Приморье: безымянные герои и героизм

Народное творчество – сложное явление, выполняющее эстетическую, дидактическую функции и функцию сохранения исторической памяти. Оно содержит и уникальную традиционную систему представлений конкретного народа о человеке и окружающем мире. Традиционная система представлений, на первый взгляд, воспринимаемая как неизблемое, неизменяемое целое, на самом деле претерпевает изменения под воздействием ряда факторов, в число которых входят и значимые для истории народа события. Одним из них по праву можно считать Гражданскую войну. В её период был сформирован особый пласт песенного фольклора, обнаруживающий и сходства с предшествовавшими по времени возникновения песенными фондами, и отличия от них. Каждый новый этап в развитии народа создаёт своего героя, это находит отражение в устном народном творчестве. Ряд трансформаций коснулся не только образной системы, но и одной из граней традиционных представлений. Речь идёт об изменении представлений о героизме.

Цель данной статьи – выявление специфики системы образов безымянных героев песенного фольклора Гражданской войны, т.е. тех, чьи имена не обозначены, и особенностей изображения героизма, трансформации представлений о нём. В качестве материала послужили 28 песен указанного периода, зафиксированные в Приморском крае в период с 1919 (3 текста – непосредственно в партизанских отрядах в Сучанской долине) по 1976 гг. Песни записывались в гг. Дальнереченске, Партизанске и Спасске-Дальнем, Анучинском, Дальнереченском, Партизанском, Спасском, Шкотовском, Яковлевском районах Приморья. Рассматриваются только тексты, популярные среди представителей Красного движения и их окружения.

Наполнение фонда песенного фольклора Гражданской войны шло несколькими путями. Во-первых, под сильным влиянием сложившейся исторической ситуации переделывались известные ранее народные песни. В анализируемый материал вошли следующие переделки: старых солдатских песен "Кругом леса обошли" (одноимённая народная песня периода Гражданской войны) [2, с. 266] и "Ночки тёмны, тучи грозны" ("Ночи тёмны, тучи грозны") [2, с. 269], старинной казацкой песни "Эх, да вспомним, братцы, мы, кубанцы" ("Эх, да вспомним, хлопцы...") [2, с. 271], песни рекрута "Последний нонешний денёчек" (одноимённая песня), народной песни периода I Мировой войны "Между гор, между Карпатских" ("Вот вдали, в горах Алтая") [2, с. 300] и песни о герое I Мировой войны Василии Рябове ("Красноармеец был герой") [10, с. 169–170].

Во-вторых, яркой чертой позднетрадиционного устного народного творчества является активное вхождение в фольклорный фонд авторских произведений, которые утрачивали авторство, подвергались многократной переработке. Это касается и песенного фольклора Гражданской войны. Некоторые стихотворения, послужившие основами для создания народных произведений, и их авторы известны: стихотворение Георгия Шестакова "Перед наступлением" опубликовано в журнале "Забайкальский железнодорожник" 10 августа 1918 г. (народная песня периода Гражданской войны "На бой за свободу") [2, с. 250], стихотворения Г.Е. Отрепьева "Красный Ермак" ("Гремели пушки, бой кипел") и "Новая колыбельная песня" ("Колыбельная") в книге

© Краюшкина Т.В., 2019

КРАЮШКИНА Татьяна Владимировна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник, заведующая центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** kvtpb@yandex.ru

"Лучи красных дум" (1920 г.) [2, с. 280, 306]. Авторство не всех стихотворений известно, но сохранились сведения о первых публикациях (в газете "Красное знамя" (г. Владивосток) 12 февраля 1920 г. ("Дуют холодные ветры")) [2, с. 275]).

Не только вновь написанные стихотворения, в которых отражены события Гражданской войны, становились источниками для народных песен этого периода. В их числе есть и произведения, созданные в двадцатые годы XIX в. Например, стихотворение Д. В. Веневитинова "Песня грека" (1825 г.) послужило источником для народной песни "Отец мой был природный пахарь", она была привезена на Дальний Восток и в годы Гражданской войны переделана под влиянием новых исторических событий (одноимённая песня). Передким для этого периода явлением можно считать вхождение в песенный фольклорный фонд переводных произведений или отсылку к ним. Такой в приморском устном народном творчестве стала переделка перевода стихотворения Г. Гейне "Гренадеры" (1820 г.) (одноимённая песня) [2, с. 281], в 1846 г. переведённого на русский язык М.Л. Михайловым.

В-третьих, у нескольких песен пока не выявлены источники их возникновения. Можно только предполагать, опираясь на стилистику, не свойственную народной песне, что, например, песня периода I Мировой войны "Ох, лунные ночи, зеркальные воды" (её одноимённая переделка вошла в приморский фольклорный фонд) [2, с. 297] также имеет источником авторское произведение. Неизвестен источник и песни "Партизан Докука", но она была сложена непосредственно в Гражданскую войну. Л.Е. Элиасов писал: "Песня отражает подлинный факт, имевший место в самом конце 1919 г. Партизан Докука вместе со своей женой погиб около дёр. Духовское, входящей в Спасск-Дальний р-н Приморского края. Командир небольшого партизанского отряда Докука отличался храбростью и отвагой, о нем ходили разные легенды" [2, с. 295] (нам в этой песне интересны образы безымянных партизан).

Следует оговориться: в статье будет идти речь не о традиционной системе представлений о героях и героизме на примере обозначенного фольклора, а о совокупной, воспринятой, переработанной и усвоенной (из известного ранее народного песенного фонда, вошедшего из авторского творчества под влиянием сложнейшей исторической ситуации) народом системе представлений. Несмотря на то, что ранее ряд исследователей обращался к анализу песенного творчества периода Гражданской войны ([5, с. 69–72], [7, с. 820], [8, с. 108–111]), но в заявленном аспекте фольклорный материал ещё не изучался. В этом заключается новизна исследования.

Внимания заслуживает статья Л.Е. Фетисовой, рассматривающей особенности исторического периода 1920–1930-х гг. Л.Е. Фетисова говорит о "пантеоне" героев Октябрьской революции и Гражданской войны" [9, с. 250], куда входят Сергей Лазо, Петров-Тетерин, Шевчук. Упоминает исследовательница и о популярной в 1930-е гг. балладе, повествующей о красном и белом родных братьях: "Новая версия сюжета "Авель и Каин" сделала героем старшего брата, сторонника советской власти" [9, с. 253], погибшего от штыка младшего брата-белогвардейца. Привлекает внимание и упоминание о причитании по сыну-партизану (1925 г.): "Сожгли вороги нас, всё разграбили / И тебя, молодого, со свету сгубили..." [9, с. 248]. Эти мотивы – уничтожение родного села и гибели близкого члена семьи – активно реализуются и в исследованном нами песенном фольклоре Приморья.

Обращаясь к песенному и прозаическому фольклору Гражданской войны на Дальнем Востоке, И.А. Дябкин исследует "отражения образов легендарных личностей в народном сознании в ситуации дальневосточного фронта" [4, с. 200]: Колчака, Деникина, генерала Мамонтова, барона Унгерна, Чапаева, но не ставит перед собой цели изучить и образы безымянных героев Гражданской войны.

А.Г. Игумнов, анализируя песни Гражданской войны, записанные в Сибири, отмечает: они "часто определяют время и место действия и придают особое сюжетно-композиционное значение фигурам непосредственных вершителей истории: самому царю, царскому полковнику, майору и проч., с одной стороны, и партизанскому командиру, с другой; показательна в этом плане распространённость среди песен гражданской войны песен, специально по-

свящённых её героям" [5, с. 71]. Таким образом, и этот исследователь обходит вниманием безымянных героев.

Итак, обратимся к непосредственному анализу интересующих нас образов. Прежде всего следует обозначить тех, кто включён в это число, и как именно они характеризуются. Особенностью образного ряда является преобладание группового наименования, стремление к массовости. Всё это яркий признак героя песен Гражданской войны (для сравнения, в казацких и солдатских песнях Приморья преобладает индивидуальный герой, группа встречается редко). Среди них представители третьего сословия (за исключением буржуазии): *рабочие; крестьяне*, ставшие партизанами; *комсомольцы; группа партизан; храбрые партизаны; группа смелых партизан; бойцы народных партизан; ребята-партизаны; наш партизанский отряд; партизанов дружный строй; боевые друзья; хлопцы приморцы; красных роты; наш народ; три товарища, три разведчика*; в их описании превалирует социальная принадлежность, делается акцент на группу, изредка упоминаются личностные характеристики или принадлежность к сильной половине человечества. Реже речь идёт о парных образах (*крестьянин и батрак, русские два гренадера*).

Индивидуальные образы получают не только описание, связанное с социальным статусом (*командир, партизан, солдат, бедняк*), делается акцент на их возрасте, семейном статусе или других положительных характеристиках (*молодой партизан, рабочий богатырь, рабочий сын*), что находится в рамках традиционных представлений об идеальном мужчине (принадлежность к младшему поколению семьи, молодость, физическая сила). Даже сын (упоминаний о дочерях в песнях этого периода не выявлено), именуемый *дитя, крошка*, расценивается матерью как будущий борец за народное дело. В песнях Гражданской войны формируется культ командира, сильной личности, лидера, способного руководить большими группами единомышленников (*командир с красными войсками*). Героизация смерти за народное дело становится идеалом, к которому должен стремиться каждый партизан. Нередки в песнях обращения к врагам, понуждающие их на убийство красных:

Убей же, подлый ты мучитель,
Замучь народного борца,
Изрежь в куски...
Бороться будем до конца [2, с. 242].

Значимой характеристикой исследуемых образов является оценка оппонентов. В наименовании преобладает экспрессия. Очевидно чёткое и однозначное восприятие их как противников, которым нет прощения (*злые люди, злодей, враги, враг, полки подлецов, подлый ты мучитель, палачи, палачи-наглецы, мирские палачи, воры*). В традиционной культуре врагом именовали нечистую силу, иноплеменников, напавших на родную землю, или потенциальных противников, а также недругов, появившихся в результате испорченных межличностных отношений. Лишь единственный пример в фонде русских пословиц и поговорок, собранных В.И. Далем, говорит о возможной вражде между представителями разных социальных классов ("*Сколько рабов, столько врагов*" [3, с. 454]). В песнях периода Гражданской войны очевидно изменение семантической наполненности наименования *враг*. Это не только иноплеменник или представитель господствующих классов. Присутствует указание на принадлежность к другой социальной группе с негативной оценкой (*буржуи-враги, злодей-толстосум, вампир кровавый – атаман*). Значимо, что принадлежность к противоположному военному лагерю (*белые, белогвардейцы, белые бандиты, беляки, проклятые белые, колчаки-наглецы*) или указание на принадлежность к другим нациям (*интервенты, самураи, распроклятые японцы, япошка*) могут быть как негативно окрашенными, так и нейтральными.

Ещё одним средством характеристики безымянных героев является описание их внешнего облика. Чаще всего речь идёт о телесном образе: в песнях изображаются части их тел, органы и те действия, которые производятся ими или направлены на них. Как правило, всё это связано с военными действиями. Если речь идёт о груди, то это грудь убитого красноармейца, из неё торчит штык, в груди командира зияет *большая рана*. Показательно, что ра-

нение груди не сопровождается болью. Грудь не только связана со смертью, но выполняет и функцию щита: ею *отважно встречают врага*.

Для песен этого периода характерно и описание испытываемой партизанами физической боли: *шумит голова* у смертельно раненого молодого партизана, его *нога свихивается*, в его *плечи* бьют пули, которые он воспринимает как *что-то горячее*. Ещё одним проявлением героизма можно считать следующее: физические мучения, уход из жизни смертельно раненного борца не ассоциируется в песнях с тяжёлыми страданиями – всё это этапы обыденного существования партизан.

Но иначе трактуется полученная во время военных действий увечность. В песнях Гражданской войны оплакивается инвалидность именно молодого бойца. Это горе, которое способны разделить с ним только его родители, именно на них ляжет ответственность за содержание покалеченного сына. Показательно, что в этом случае о товарищах партизанах не говорится (им приписывается лишь функция похорон и быстрого прощания с павшими). Поэтому и важно для сына, который теперь станет обузой, уведомить родителей о своём изменившемся физическом состоянии:

Пусть папа услышит, пусть мама узнает,
Что у сына нет правой ноги [2, с. 191].

Физическая боль известна и здоровому борцу. У партизана, находящегося в окопах, *болят руки и ноги*. При этом *рабочая рука* стирает полки врагов, *за плечами* – ружья. Т.е. в песнях Гражданской войны прослеживается чёткое разграничение: индивидуальный герой и группа как герой получают различное толкование и наполнение образов. Если речь идёт о телесном как индивидуальном проявлении, то части тела связаны преимущественно с ранениями и болью. Когда же говорится об обобщённых частях тела группы, то части тела стабильно ассоциируются с проявлением мощи и физической силы.

Голова и сердце традиционно связаны в русской культуре с эмоциональными переживаниями. *Голову* запрещается *вешать*. Сердцу же приписывается большее разнообразие эмоциональных проявлений: *сердцем* партизан, попавший к интервентам, чувствует, что их пленница, *на позор взята*, его сердце *закипает*, после чего он убивает врагов и спасает девушку; сердце *русского гренадера*, возвращающегося с проигранной войны, *скорбно*, предчувствует скорую смерть, а после сердце умершего становится местом, куда необходимо положить *орден на ленточке красной*. Именно сердце, а не голова, связано с принятием новой идеологии, так акцентируется внимание на эмоциональном, а не рациональном восприятии партизанами происходящего:

Мечты свободы не забыты,
Октябрь горит в сердцах огнём [10, с. 172].

Кроме перечисленных выше, средствами характеристики героев выступают предметные реалии, которыми они пользуются или которые направлены на них. Преимущественно они связаны с военными событиями. Партизанам и их родным от врагов предназначаются *пули; горячие пули; пуля свинцовая; штыки; гранаты; пушки; трещащие пулемёты; вражьи пулемёты; пулемёт; рвущиеся снаряды*:

А на этом же вокзале
Всегда ужас, жуть и стон,
Звон цепей и свист нагаек,
Шомполов и шапек звон [2, с. 242].

Как видно, перечисленные предметные реалии почти лишены эпитетов, а имеющиеся из эпитетов принадлежат, скорее, к сфере реальной жизни, чем традиционной картины мира.

В противовес этому, эпитеты, которые описывают оружие или другие предметные реалии партизан, в большей мере связаны с традиционной картиной мира (прежде всего имеются в виду два традиционных цвета – крас-

ный и золотой). Оружие партизан называется с обозначением цвета, причём традиционная символика красного цвета, связанного у восточных славян с жизнью, Солнцем, плодородием, здоровьем, в песнях Гражданской войны получает уже иное – политическое – наполнение. *Красные штыки* – метонимия воинства, ценность которого заключается именно в наличии оружия. Происходит разделение единой прежде России на части. Показательно, что находящееся за спиной (в традиционной культуре так обозначаются сторонники, принадлежность к единому лагерю, а также то, что необходимо защищать) – красного цвета:

За нами красная Россия,
За нами красные штыки,
И уже в белое Приморье
Вошли советские полки [10, с. 172].

Орден на ленточке красной становится желанной посмертной наградой, о ней мечтает умирающий. *Красное знамя* – награда за спасение жизни раненого командира, её он обещает своим сторонникам. На *красное знамя* все время покушаются белые, его нужно сохранить даже ценой собственной жизни. Вот как выглядит прощание из уст героя, которого вскоре расстреляют:

– Прощайте! Ведут. Моя жизнь молодая
Погибла за счастье, за волю, народ.
Я дрался с врагами, и красное знамя
Не отдал врагу надругаться над ним [2, с. 157].

Реже упоминается золотой цвет: *отточенные сабли золотые, позолоченная трубка* (кстати и она, как и знамя, подарок командира). Впрочем, в песнях Гражданской войны встречаются и описания, связанные с современностью (*боевое ружье, ружья с острыми штыками*), а также лишь перечисление предметных реалий, без их характеристик (винтовки, пулемёты, шпаги, ружье).

Одежда практически не упоминается в песнях, она не является такой ценностью для партизан, как оружие. Ветхая одежда служит своего рода ещё одним отличием от белых, маркёром социальной принадлежности:

Нет на нас серых мундиров,
Кто в чем попало одет,
Без погон не узнать командиров,
Но грозен врагу наш ответ [10, с. 171].

Меньшее количество предметных реалий связано с мирной жизнью, с членами семьи партизана: это *лодочка, стакан вина, накрытый стол, чернила, перо, лист бумаги, письмоце*.

Действия героев в песнях Приморья подразделяются на три категории: что они делают сейчас, что им приказывают делать и что они собираются делать – всё это яркая характеристика образов. В совокупности действия воплощают представления о героизме, присущем безымянным героям песенного фольклора Гражданской войны.

Самым значимым мотивом является сохранение жизней своих сторонников, информации о них или символа (знамени) своей группы ценой собственной жизни. В этом случае изображается, как герой попадает в трагическую ситуацию, проявляет стойкость и бесстрашно гибнет. Героя ставят перед выбором: сберечь жизнь и получить привилегии (например, *офицерский чин*) или же сохранить жизни своих сотоварищей и погибнуть самому:

А не скажешь – не падим,
Смертной казни предадим.
Красноармеец промолчал –
Штык стальной в груди торчал [10, с. 169].

Так православная идея жертвенной любви ("Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя" (Ин. 15: 13), усвоенная русским народом, изменяется, лишаясь религиозной и наполняясь политической семантикой.

В одной из песен страдания описываются совершенно определённым образом. Очевидна попытка вписать в новые условия известные традиционной культуре модели поведения. Подобно православному мученику, герой не чувствует боли, продолжая отстаивать собственные идеалы:

Борец за правду умирал,
Не слышал он ни пыток, мести,
Он нас бороться призывал [2, с. 242].

Представлена в песне и смерть трёх замученных разведчиков, изрубленные тела которых нашёл их эскадрон. Впрочем, пленение партизана может заканчиваться смертью врагов. Отправляясь в разведку, герой попадает к интервентам и спасает из плена девушку. Этот мотив – спасения девушки из плена – знаком русскому фольклору с давних времён. Например, в балладе "Брат спасает сестру" [6, с. 87–89] говорится о пленении девушки *тремя татарчёнками*, один из них хотел надругаться над девушкой, но она закричала, призывая на помощь брата. Брат убивает трёх татарчёнков, а сестру спасает. Схожая ситуация описывается и в песне периода Гражданской войны:

Закипело ретивое,
Я винтовку крепко сжал, –
Их убито было двое,
Третий раненым лежал [2, с. 195].

В количестве разведчиков в одной песне и врагов в другой очевидно и сохранение элементов традиционной культуры (т.е. сакрального отношения к числу три), и преемственность русской народной песенной традиции.

Если в балладах спаситель всегда возвращает девушку в её семью, то в этой песне девушка сама делает выбор в пользу партизана – просит взять её с собой. Так происходит трансформация сознания: безусловная значимость семьи отходит на задний план, уступая место новым ценностям (борьбе за свободу, праву незамужней женщины самой распоряжаться своей судьбой).

Любопытно чёткое разграничение сфер деятельности. Если в традиционном сознании все мужчины позиционировались защитниками, то в песнях Гражданской войны искажается и эта идея. Чётко прослеживается замена родового доминирующего признака классовым: партизаны – защитники крестьян, рабочие – лишь *проводят* партизан на войну, но сами в боевых действиях не участвуют [10, с. 170]. *Рабочие и крестьяне* не должны бояться, потому что *партизаны избавят от врага* [10, с. 171]. Даже смерть партизан позиционируется прежде всего за представителей классов (*за крестьян, рабочих право*) и только после – за ценности (*за свободу и любовь* [2, с. 242]). Т.е. символически в песнях партизанам приписывается маскулинная функция, а крестьянам и рабочим – феминная.

Обращает на себя внимание такой факт: о защите членов семьи вообще не идёт речи. В анализируемом песенном фольклоре большее внимание уделяется убитым членам семьи, чем живым: о семье вспоминается (и довольно часто) тогда, когда партизану необходимо отомстить за их смерть врагам. Именно старшее поколение семьи несёт ответственность за содержание покалеченного партизана. В песнях этого периода общественные интересы политической группы однозначно ставятся выше личных, в полной мере подменяя собой и интересы Родины.

Другие бытовые действия также становятся сюжетами песен. Среди них описание передвижения партизанских войск, тяжёлая транспортировка раненых, уход за ними, уничтожение врагов совершается *за волю, за свободу*. Показательно, что в паремийном фонде, собранном В.И. Далем, нет ни одной (!) пословицы или поговорки о свободе. Для традиционной культуры характерно представление о воле как об отсутствии зависимости от чего бы то ни было, при этом доля ставится выше воли, неволя же оценивается неоднозначно.

но ("Не в воле счастье, а в доле", "Воля портит, а неволя учит", "Воля губит, а неволя изводит" [3, с. 556]). В песнях Гражданской войны появляется нехарактерное для русской традиционной культуры, заимствованное из Франции, представление о свободе от господствующих классов.

Бой описывается позитивно, победа в целом стоит индивидуальных смертей. Умиравшим обещается вечная память (попытка вписать ещё один элемент православной – чуждой большевикам – культуры в новые условия):

Тебя не забудут народы,
Как ты разгонял бледнолицый туман,
Боролся за дело свободы [2, с. 125].

Меньшее количество сюжетов связано с тем, что партизанам приказывают делать. Это призыв к боевым действиям (*Бейте, бейте, не робейте* [2, с. 87]), команда собраться в определённом месте (*Собирайтесь на сопках, борцы, / Зажигайте вы ночью костры* [2, с. 83]), приказ держать строй, уничтожить *вражьи заслоны*. Наряду с холодным или огнестрельным оружием специфическим средством борьбы выступает традиционная жестикация: партизанам советуется приготовить *палачам кукиши* (это не только знак издёвки и насмешки, в культуре восточных славян кукиш считался средством защиты от нечистой силы). Умиравший вправе просить товарищей отомстить за его гибель [2, с. 201].

В фольклор Гражданской войны вошла и песня, традиционно имеющая отношение к детскому фольклору ("Колыбельная"). Однако в ней изображается ситуация, имеющая отношение к войне: молодая вдова, убаюкивая маленького сына, повествует о трагической гибели его отца и односельчан. Она настолько поддерживает выбор мужа, что не думает о тяжёлой судьбе, которая теперь ждёт её и сына. И.Е. Васильев, анализируя авторскую поэзию Гражданской войны, отмечает: "В условиях этого перехода происходила многомерная трансформация жизненного уклада, ментальных и культурных систем<...>" [1, с. 66]. Это высказывание в полной мере может быть отнесено и к песенному фольклору периода Гражданской войны в Приморье. Борьба за общее дело нивелирует личную трагедию:

Вёл отец большое дело
С белыми в бою,
Дрался он за правду смело,
За судьбу свою.
Да замучил за свободу
Калмыков-палач [2, с. 223-224].

Нова в этой песне установка, которую даёт мать ещё маленькому сыну, на продолжение борьбы, отстаивание интересов народа ценой собственной жизни. Мать заботится не о благополучии сына, оберегании его от опасностей, а о подготовке из него борца за правое дело. Сладкая пора детства, воспеваемая в традиционных народных колыбельных, состоящая их узкого домашнего мирка (кошки в сапожках, курицы в серёжках, дедушки и бабушки) и опасностей, подстерегающих дитя (волчка, стремящегося укусить за бочок) абсолютно чужда "Колыбельной" периода Гражданской войны. Любопытно, что в песне происходит замена образа одного врага (Калмыкова) другим:

"Вырастешь большой ты, крошка,
Бейся до конца,
Если вздумает япошка мучить,
Как отца" [2, с. 224].

Действия, которые партизаны хотят совершить, также связаны с предстоящими боевыми событиями (при этом желанным является полное уничтожение врага):

В бой смертоносный мы дружно пойдём.
 Смелой рабочей рукою своєю
 Полки подлецов с земли мы сотрём [2, с. 32].

Воспеваются отстаивание своих идей (свободы, победы, мести *за крестьянску обиду и честь*, честного выполнения задания) и сохранение локальных позиций (*мы из сопок не уйдём*). Ряд песен повествует о членах семьи во время Гражданской войны. Популярна была на Дальнем Востоке песня "Отец мой был природный пахарь". В ней повествуется о пути в партизаны героя, лишившегося отца (его застрелили) и матери (её сожгли), а затем и сестры (герой спасает её из плена, но во время бегства девушку убивают). При этом акцентируется внимание не на тяжёлом горе героя как члена семьи, а на горе героя как гражданина. Не утрата семьи, а разорение его села становится причиной изменения в мировосприятии героя:

Горит-горит село родное,
 Горит вся родина моя.
 Пойду я в сопки к партизанам,
 Пускай возьмут с собой меня [10, с. 172].

Итак, песенный фольклор Гражданской войны, зафиксированный в Приморье, – явление неоднозначное. В зависимости от способов формирования фонда в текстах выявлен порой противоречивый тип безымянного героя. В его образе сочетаются элементы на первый взгляд, казалось бы, взаимоисключающие друг друга: системы представлений традиционной культуры, предшествующих этапов развития традиционного восточнославянского песенного творчества, авторской русской и западноевропейской поэзии. Индивидуальному герою хотя и приписываются права на человеческие чувства, но им чётко усвоена идея превалирования общественного над частным (в чём можно рассмотреть искажённую идею соборности). Группа безымянных героев представлена иначе: это воплощение силы, непререкаемой победы над классовым врагом. Если индивидуальный герой может быть убит, но не сломлен, то группа героев всегда изображается победителем, ей не свойственны человеческие слабости. Героизм в совокупности находится в зависимости от достижения общей цели – свержения классового врага (в том числе и путём жертвенности). Усвоение политических идей русским народом связано, видимо, с активным наполнением новыми смыслами привычных шаблонов традиционных русских представлений. Новое приживалось не вопреки старому, а благодаря ему.

Литература

1. Васильев И.В. "Коллективные представления" в поэзии Урала периода революции и Гражданской войны (к мифопоэтике сюжета и жанра) // Уральский исторический вестник. 2009. № 1 (22). С. 66–76.
2. Героическая поэзия гражданской войны в Сибири / сост. Л. Е. Элиасов. Новосибирск: Наука, 1982. 337 с.
3. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 608 с.
4. Дябкин И.А. Фольклорный образ героев Гражданской войны как источник литературной мифологизации (на материале дальневосточного фольклора 20–30-х гг. XX в.) // Лосевские чтения – 2011: мат-лы регион. научно-практ. конф. / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ун-т, 2011. С. 189–200.
5. Игумнов А.Г. Мимесис песен Гражданской войны на фоне предшествующей традиции // Мир Центральной Азии: мат-лы междунар. науч. конф. / отв. ред. Б.В. Базаров. Т. IV. Ч. 2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. С. 69–72.
6. Исторические песни. Баллады / сост., подгот. текстов, вступ. ст., коммент. С.Н. Азбелева. М.: Худож. лит., 1965 с.
7. Карапетян Е.А. Песенное творчество в годы Гражданской войны // Научный журнал КубГАУ. 2016. №120(06). С. 813–822.
8. Орлянский Е.А. Влияние белогвардейской песенной культуры на идейных противников // "Эхо русского народа": отражение истории России XX века в поэтическом и песенном творчестве: материалы IV Междунар. молодёж. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.В. Гермизеева. Омск: ОмГТУ, 2017. С. 108–111.

9. Фетисова Л.Е. Фольклорная культура юга Дальнего Востока СССР 1920–1930-х гг.: традиции и новации // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. ст. / отв. ред. Е.Н. Чернолуцкая. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 247–255.

10. Фольклор Дальнеречья / сост. Л.М. Свиридова. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1986. 288 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vasil'ev I.V. "Kollektivnye predstavleniya" v poezii Urala perioda revolyutsii i Grazhdanskoj vojny (k mifopoehtike syuzheta i zhanra) // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2009. № 1 (22). S. 66–76.

2. Geroicheskaya poezhiya grazhdanskoj vojny v Sibiri / sost. L. E. EHliasov. Novosibirsk: Nauka, 1982. 337 s.

3. Dal' V.I. Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda. M.: Izd-vo EHKSМО-Press, 2000. 608 s.

4. Dyabkin I.A. Fol'klornyj obraz geroev Grazhdanskoj vojny kak istochnik literaturnoj mifologizatsii (na materiale dal'nevostochnogo fol'klora 20–30-kh gg. KHKH v.) // Losevskie chteniya – 2011: mat-ly region. nauchno-prakt. konf. / pod red. A.V. Urmanova. Blagoveshhensk: Blagoveshhenskij gos. ped. un-t, 2011. S. 189–200.

5. Igumnov A.G. Mimesis pesen Grazhdanskoj vojny na fone predshestvuyushhej traditsii // Mir TSENtral'noj Azii: mat-lymezhdunar. nauch. konf. / отв. ред. B.V. Bazarov. T. IV. CH. 2. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2002. S. 69–72.

6. Istoricheskie pesni. Ballady / sost., podgot. tekstov, vstup. st., komment. S.N. Azbeleva. M.: KHudozh. lit., 765 s.

7. Karapetyan E.A. Pesennoe tvorchestvo v gody Grazhdanskoj vojny // Nauchnyj zhurnal KubGAU. 2016. №120(06). S. 813–822.

8. Orlyanskij E.A. Vliyanie belogvardejskoj pesennoj kul'tury na idejnykh protivnikov // "EHkho russkogo naroda": otrazhenie istorii Rossii KHKH veka v poehticheskom i pesennom tvorchestve: materialy IVMezhdunar. molodyozh. nauch.-prakt. konf. / отв. ред. V.V. Germizeeva. Omsk: OmGTU, 2017. S. 108–111.

9. Fetisova L.E. Fol'klornaya kul'tura yuga Dal'nego Vostoka SSSR 1920–1930-kh gg.: traditsii i novatsii // Sovetskij Dal'nij Vostok v stalinskuyu i poststalinskuyu ehpokhi: sb. nauch. st. / отв. ред. E.N. CHernolutskaya. Vladivostok: IIAEH DVO RAN, 2014. S. 247–255.

10. Fol'klor Dal'nerech'ya / sost. L.M. Sviridova. Vladivostok: Izd-vo DVGU, 1986. 288 s.

Краюшкина Т.В. Песенный фольклор Гражданской войны в Приморье: безымянные герои и героизм.

В статье на материале песенного фольклора Гражданской войны, зафиксированного в Приморье в 1919–1976 гг, рассматривается сформированный в новых исторических условиях образ безымянного героя и трансформация представлений о героизме. Выделяются значимые элементы образов героев: наименование героев, оценка оппонентов, описание телесного образа, предметные реалии, действия. Делаются выводы о различной реализации индивидуального героя и группы. Героизм связан с достижением общей цели – свержения классового врага. Усвоение политических идей русским народом сопряжено с активным наполнением привычных шаблонов традиционных русских представлений новыми смыслами.

Ключевые слова: *безымянные герои, героизм, региональный фольклор, восточнославянский фольклор, песенный фольклор, Гражданская война на Дальнем Востоке*

Krayushkina T.V. Song folklore of the Civil War in Primorye: nameless heroes and heroism.

In the article on the material of the song folklore of the Civil War, recorded in Primorye in 1919–1976, the image of the nameless hero formed in the new historical conditions and the transformation of ideas about heroism are considered. The significant elements of the characters' images are distinguished: the name of the characters, the evaluation of opponents, the description of the body image, the subject realities, actions. Conclusions are drawn about the different implementation of the individual hero and group. Heroism is associated with the achievement of a common goal – the overthrow of the class enemy. The assimilation of political ideas by the Russian people is accompanied by the active filling of the usual patterns of traditional Russian ideas with new meanings.

Key words: *nameless heroes, heroism, regional folklore, East Slavic folklore, song folklore, Civil War in the Far East*

Для цитирования: Краюшкина Т.В. Песенный фольклор Гражданской войны в Приморье: безымянные герои и героизм // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 37–46. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/37-46

For citation: Krayushkina T.V. Song folklore of the Civil War in Primorye: nameless heroes and heroism // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 2. P. 37–46. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/37-46

УДК 390 (571.6) "1918–1922"

Фетисова Л.Е.

Роль фольклорного наследия в сохранении и трансляции памяти о событиях 1917–1922 гг. на российском Дальнем Востоке

В современном российском социуме наблюдается возрастание интереса к прошлому, который реализуется посредством исторической памяти – своеобразной формы коллективной памяти, обладающей способностью "сохранять представления о прошлом, актуализируя их в настоящем и будущем", т.е. "это способ сохранения и трансляции прошлого в современность". Одним из носителей исторической памяти является устное творчество, поскольку оно осуществляет особую, "художественно-образную интерпретацию исторических событий, является источником информации о "бытийственных" переживаниях событий и т.д." [4, с. 90]. Принимая во внимание специфику художественного мышления, использовать фольклорное наследие (включая жанр предания) в качестве абсолютно достоверного исторического источника следует с большой осторожностью. По мнению учёных, для фольклорного сознания принцип достоверности и достоверность сообщаемого – "понятия не тождественные" [12, с. 9].

Данное положение справедливо не только для устного творчества, но и для воспоминаний, получивших письменную фиксацию. Более того, современные исследователи отмечают в мемуаристике 1950-х – начала 1980-х гг. ряд характерных особенностей: "идеологические клише, самовозвеличивание и самооправдания, попытки свалить вину на недругов и т.д." [15, с. 17]. Фольклоризация реальных фактов и в наши дни сопровождается "искусством памяти", не лишая его, однако, исторической значимости. Именно художественное осмысление прошлого, даже основанное на вымысле, позволяет воссоздать колорит конкретной эпохи, понять, какие эмоции испытывали свидетели и участники масштабных исторических событий.

Полевые исследования показали, что фольклор, посвящённый Гражданской войне и иностранной интервенции, имел повсеместное хождение на Дальнем Востоке. О наличии живой традиции свидетельствует большое число вариантов и версий, фиксированных на протяжении XX в. учёными и краеведами, в том числе автором данной статьи. Не исключено, что определённую роль сыграл "идеологический заказ", когда к каждому юбилею Октября проводилась кампания по записи воспоминаний участников и очевидцев событий.

Период 1918–1922 гг. является особым этапом в истории российского Дальнего Востока, получившим неоднозначную оценку в общественном сознании, что отмечено разными источниками. Естественно, в советском Приморье господствовала большевистская точка зрения на итоги Гражданской войны, поскольку обладание властью означало контроль над коллективной памятью. Вместе с тем надо иметь в виду, что белое движение, которое отнюдь не являлось однородным, скомпрометировало себя в глазах дальневосточников обращением за помощью к иностранным державам, прежде всего к Японии: местное население, в отличие от жителей западных областей, ещё помнило о Русско-японской войне 1904–1905 гг. Не удивительно, что присутствие подданных Страны восходящего солнца на российской земле встречало активное неприятие.

Воспоминания о японской интервенции передавались от старшего поколения младшему. Например, А.А. Подобрей (1953 г. рожд.), уроженец с. Лазаревка Яковлевского района Приморского края, неоднократно рассказывал,

© Фетисова Л.Е., 2019

ФЕТИСОВА Лидия Евгеньевна, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: lefet@yandex.ru.

что в его родном селе жил некий "дядя Коля", Н. Марков, который ещё будучи подростком, помогал партизанам. Японцы закопали его в землю живым. После их ухода односельчане откопали и откачали подростка, но с тех пор он слегка "повредился умом" (**Личный архив автора**).

А.С. Зырянов, 1898 г. рожд., вспоминал о налёте японцев нас. Полтавка в 1920 г.: *"В пятнадцать минут, вихрем налетев, окружили Полтавку, расставив посты в каждом выходе и переулке. С пулемётом. Есть конница, есть и пехота. Четверо ходили с обыском, прошли ряд домов от Кочевых до Фёдоровых, но к нам не зашли. У убежавшего Ивана Козырева отобрали винтовку, отрубив ему шашкой руку"* (**Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 136. Л. 33**). Японцы искали командиров партизанского отряда братьев Владимира и Петра Кочевых.

Однако имеются и свидетельства, в том числе фольклорные, что отношение к сложившейся ситуации было далеким от единодушия:

Во саду ли, в огороде	Эх, яблочко,
Картошка растёт.	Из Италии.
Убирайтесь, партизаны,	Надоело воевать,
Япошка идёт	Пролетарии
[2, с. 107].	[2, с. 106].

Эти тексты, записанные в 1920-х гг. на юге российского Дальнего Востока, подтверждают существование идеологического противостояния и на территории победившего социализма.

О том же свидетельствуют наши полевые материалы. В 1967, юбилейном году участники экспедиции встретились со старожилом с. Покровка Октябрьского района А.Д. Иващенко, 1892 г. рождения. По его словам, японцы расправлялись только с "непокорными" жителями края, лояльных же не трогали. Сам информант в Первую мировую войну был ранен под Варшавой, пришёл домой "по чистой", привёз винтовку. *"А тут приказ от Колчака – сдать оружие! Жители на всякий случай оружие припрятали"*. Андрей Давыдович свою винтовку закопал, а мешок с патронами ребятишки затащили на сеновал. Этого никто не знал, пока не явились японцы покупать сено и не обнаружили патроны. Хозяин (отец А.Д. Иващенко) на все вопросы отвечал, как научил его староста: *"Ничего не знаю. Я отвечаю только за то, что есть в моём доме. Если бы я знал, что там патроны, зачем бы я продавал сено?" Так и ушли японцы"* (**Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 136. Л. 48**). Однако другая жительница Покровки, М.Т. Степлевич, рассказала, что в 1920 г., накануне Пасхи, японцы убили её брата, который был поваром и считал, что человека такой мирной профессии не тронут, но в тот день было много жертв. Убитых японцы складывали в несколько рядов и ставили рядом охрану. Отец Марии Трофимовны поехал забрать тело сына, которого признал только по домотканой рубашке, так было изуродовано его лицо (**Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 136. Л. 47**).

Жителям региона были известны все группы белогвардейского сопротивления, что засвидетельствовано устной традицией. Представителей белого движения, как правило, называли по фамилиям руководителей: "кашпелевцы", "семёновцы", "бочкарёвцы", "ширяевцы", "калмыковцы", "колчаковцы" (иногда – "колчаки": *"Убирайтесь, колчаки, / Едут партизаны"*). По воспоминаниям П.Т. Шевченко, 1895 г. рождения, жителя с. Струговка (Октябрьский район Приморского края), в его родном селе бывали и кашпелевцы, и семёновцы, и японцы. Б.А. Гнеченко, также старожил Струговки (1905 г. рождения), заметил, что *"кашпелевцы почти в каждом дому стояли"* (**Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 136. Л. 126–128**). Кашпелевцы упоминались чаще всего, возможно, из-за большой численности и дисциплинированности. Многие из тех, кто знал генерал-лейтенанта Владимира Оскаровича Кашпеля (1883–1920), говорили о его высоком профессионализме и личной отваге. Он погиб, выводя своих людей из окружения [5].

Житель приморского села Владимиро-Александровское П.П. Аксарин рассказывал фольклористу из Благовещенска П.Г. Крекотеню: "Как-то по улице нашей деревни шли кашпелевцы, я тогда был мальчишкой; и вот, чтобы их подразнить, я запел частушку:

В огороде лебеда,
Бегают фазаны,
Убирайтесь, кашпелевцы,
Едут партизаны.

За эту частушку мне попало прикладом, и я её никогда не забуду" [8, с. 27].

Согласно официальной истории советского периода победа в борьбе с белогвардейцами была одержана благодаря таким военачальникам, как С.Г. Лазо, П.П. Постышев, С.М. Серышев и др., которые осуществляли руководство боевыми действиями партизанских отрядов и частей Народно-Революционной армии. Однако в памяти рядовых участников движения остались прежде всего имена непосредственных командиров отрядов. Среди тех, кто запомнился благодаря несомненному воинскому таланту, был А.Ф. Петров-Тетерин (1896–1938), применивший знаменитые "клепцы" в сражении при ст. Ин. Этот бой историки считают переломным в ходе военных действий. Когда 28 декабря 1921 г. группа противника пыталась окружить части НРА, положение спасла команда бронепоезда № 8. По приказу А.Ф. Петрова-Тетерина бронепоезд был разделён на две части; по коннице генерала Сахарова был открыт орудийный и пулемётный огонь. Белые были отброшены к ст. Ольгохта [3, с. 530]:

Хитрый наш Петров-Тетерин,
В этом точно будь уверен,
Окружит, возьмёт в клепцы,
Знай – пощады не ищи [14, с.193].

Столь же популярен был И.П. Шевчук (1892–1942), возглавлявший партизанские отряды в Приамурье и Приморье с 1919 г. [3, с. 322–323]: *"Страху вам нагнал уж столько / Партизан лихой Шевчук"* [14, с. 193]. Его воинский талант и высокие моральные качества признавали даже враги. Среди документов архива Еврейской Автономной области имеется письмо, отправленное Ивану Павловичу "белым" генералом Молчановым накануне штурма Волочаевки: *"Почему Вы, такой умный, мужественный и храбрый полководец, оказались на другой стороне... Мы боремся за одно общее дело, за русский народ, и этим хотим спасти своё государство, поэтому прошу прекратить между нашими армиями военные действия. Обещаю Вам командование почётным корпусом"* (ГАЕАО. Ф. П–851. Оп. 1. Д. 128. Л. 335)¹. Как известно, Волочаевка была взята "красными". В отличие от А.Ф. Петрова-Тетерина, "лихой партизан" Шевчук не только уцелел в 1930-е гг., но и сделал успешную военную карьеру. Генерал-майор И.П. Шевчук, участник Великой Отечественной войны, погиб в бою в 1942 г. [16].

Достоверность многих рассказов не вызывает сомнений. Таковы, например, воспоминания бывшего партизана В.И. Бабенко, родившегося в с. Прилуки Хорольского района в 1900 г. Информант был достаточно откровенен. Так, он сообщил, что иногда приходилось добывать провиант силой. Как-то, например, воспользовались складами миллионера Скидельского, в другой раз увезли пять подвод рыбы с рыбалки "местного богача". Таким же образом добывали оружие: *"А винтовки – где отобьёшь, там и винтовка есть. И одевались так. Каждый же оборвался. Я тут близко. Как сюда попаду, дома переоденусь. А тут же люди со всего света были. В таможенный пост заберёмся (в Занадворовке был пост), мануфактуру заберём, отдаём шить. Как-то отдали шить в деревню рядом с Занадворовкой. А тут появились японцы, забрали всё это и ещё плётки всыпали тем, кто шил. А в тайгу идти они не решались. Мы уходили в тайгу. Один пулемёт станковый, один ручной. С этим оружием против японцев воевать не будешь"* (Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 136. Л. 71).

¹ ГАЕАО – Государственный архив Еврейской Автономной области

Со временем процесс фольклоризации коснулся как событий, так и действующих лиц. Реальные воспоминания о грабительских набегах могли "вписываться" в канву старых преданий о разбойниках. Таков, в частности, рассказ "Степанида и бандит", записанный от Е.И. Иваненко, 1915 г. рождения, жительницы с. Новотроицкое Дальнереченского района. *"Было это в 1924 г., когда по сопкам пробирались то хунхузы, то ширяевцы... Я была ещё молодая, детей не было, а старшая невестка, Степанида, была женщиной здоровая, крупного роста, сильная, любила петь и плясать. Бывало, как начнёт плясать – чуть пол не провалит"*. В отсутствие мужчин в дом пришёл грабитель (*"мокрый от дождя, чёрный, грязный, с ружьём"*) и потребовал денег. Степанида сказала, что деньги в сундуке под рушниками, а когда бандит полез в сундук, она изо всех сил опустила на его шею окованную железом крышку. Пришедшие мужчины узнали в покойнике члена *"ширяевской разбитой банды"*: *"Это ширяевец, первый душегуб во всём его отряде. Ну что же! Собаке собачья смерть"* [14, с. 77–78]. По-видимому, речь идёт об остатках иманской сотни А.И. Ширяева.

С окончательной победой советской власти появились новые культовые фигуры, в числе которых следует назвать С.Г. Лазо. В связи с этим получили распространение "воспоминания" о том, как местные жители спасали большевика: *"Не помню, рассказывали, белые или японцы были. А Лазо – в деревне"*. Его переодели в женское платье и проводили за околицу, к речке, к мосткам, где стирали бельё: *"Он высокий такой, в юбке ему так это хорошо..."* [14, с. 77].

Трагическая гибель С.Г. Лазо, несомненно, способствовала увековечению образа:

В жаркой топке под Иманом
Большевик погиб в огне... [14, с. 172–173].

Принято считать, что в гибели С.Г. Лазо, А.Н. Луцкого, Вс.М. Сибирцева повинны японцы, однако в коллективной монографии 2003 г. читаем: *"От рук бочкарёвцев, как гласит народная молва [подчёркнуто мною – Л.Ф.], в мае 1920 г. в паровозной топке погибли С. Лазо, А. Луцкий и В. Сибирцев"* [3, с. 517]. Одного из пленников свидетели описывали как рослого, сильного человека, что соответствовало физическим данным С.Г. Лазо. Казалось бы, информация опирается на показания очевидцев, в частности, машиниста, ездившего с бочкарёвцами [13], но уже в наши дни появились сомнения в возможности такого использования паровозной топки. Тем не менее, отвлекаясь от технических деталей, можно утверждать, что устная традиция связывает гибель большевистских руководителей с деятельностью есаула В. Бочкарёва, одного из предводителей калмыковских казачьих отрядов, известного своей крайней жестокостью.

О самом Калмыкове шла дурная слава даже в белом движении. Рассказывали не только о его чрезвычайной жестокости, но и о том, что под видом борьбы с большевиками он занимался откровенным грабежом. Среди воспоминаний о набегах калмыковцев безусловного доверия заслуживает текст, присланный рабфакской М. Ходасевич профессору Дальневосточного университета А.П. Георгиевскому: *"В д. Бичевой был штаб партизан. В июне месяце 1919 г. нагрянула разведка отряда Калмыкова, которая поймала нескольких партизан и зверски расправилась. В конце июня нагрянул сам атаман Калмыков, который поступил ещё более жестоко. Он замучил несколько крестьян, совершенно не причастных к отряду, убил 5 китайцев, предварительно поиздевавшись над ними (им выкручивали руки, били плетями, отрезали уши и носы)"* [2, с. 88].

Неудивительно, что народные поэты также оставили память о подобных событиях:

Укажи мне в Приморье деревню,
Где бы зверь-Калмыков не бывал,
Где невинная кровь не лилася,
Где крестьянин от зла не стонал... [2, с. 89].

Такие "поэмы-однодневки" не стали достоянием общего фольклорного фонда, но в 1920-х гг. они ещё входили в локальный репертуар из близкого окружения автора, откуда и попали в архив А.П. Георгиевского.

Любопытно, как описывали Калмыкова современники. Майор Белл из Канады с удивлением узнал о деяниях атамана: *"Человек ростом пять футов и два дюйма, с затянутой по-женски талией, маленькими и тонкими кистями рук... Его манеры были столь аристократичны, почти элегантны, что, вспоминая его впоследствии, казалось невозможным связать это внешне нежное создание с теми кровожадными эксцессами, которые он совершил..."*.

По словам А.К. Арсеньевой, Владимир Клавдиевич "люто возмущался Калмыковым: *"Слава богу, – говорил он, – что китайцы убили Калмыкова в 1920 году. Хвала им! Калмыков был маленький, плюгавенький, светлые тупые глазки; на коне хорошо сидел, казак"*. Однако потомственные казаки пренебрежительно называли атамана "сыном лавочника" (что, кстати, соответствовало действительности) [7].

Самая распространённая версия о гибели Калмыкова – что он был застрелен китайским солдатом. Вместе с тем, и эта информация имеет варианты, полученные из разных источников, многие из которых якобы опираются на свидетельства очевидцев. Все, однако, сходятся в том, что атаман был убит при попытке к бегству. По данным газеты North China Daily News ("Новости Северного Китая"), его везли в открытом фургоне с офицером и двумя солдатами под охраной отряда пехоты. Воспользовавшись тем, что он не был связан, Калмыков выхватил у офицера карабин, ранил его и бросился бежать, отстреливаясь на ходу. По одним сведениям, его убили солдаты (именно эта версия дошла до В.К. Арсеньева), по другим – Калмыкова застрелил офицер [11].

Атаман Г.М. Семёнов в глазах большевиков был "кровавым палачом", тогда как участники белого движения видели в нём спасителя России от "красной заразы". Среди документов Государственного архива Хабаровского края имеется текст под названием "Слава атаману Семёнову":

Мир немало удивился –
Нам с востока луч блеснул,
В Забайкалье объявился
То Семёнов есаул.
[6, с.199].

И на страх всем лиходеям
Рать казачью собирал,
А изменникам-злодеям
Он пощады не давал...

С именем атамана связано мистическое пророчество, исходившее от главы монгольской ламаистской церкви, который якобы сказал ещё в 1913 г., когда Г.М. Семёнов состоял в казачьей сотне, охранявшей русское посольство в Монголии: *"Ты, Гриша, не умрёшь обычной смертью. Тебя минует пуля, не коснётся сабля, стрела и копьё пролетят мимо. Ты сам позовёшь себе смерть"*. Атаман был захвачен при освобождении Северо-Восточного Китая в 1945 г. и приговорён к смертной казни в 1946 г. [1].

Устное творчество сторонников новой власти изучено достаточно хорошо, но творчество её противников на долгое время было выведено за пределы научного знания. Между тем, в художественно-типологическом плане, оно обнаруживает поразительное сходство с поэзией красных партизан, т.к. народная культура представляет собой общее достояние, независимо от политических пристрастий. Многие "белые" и "красные" песни исполнялись на один мотив, в их основе лежал общий художественный прототип. Гимн дальневосточных партизан "По долинам, по загорьям" и марш белой Дроздовской дивизии восходят к "Песне сибирских стрелков" времён Первой мировой войны. На мотив "Варшавянки" исполнялась боевая песня рабочих-ижевцев:

Сброшены цепи кровавого гнёта,
Дружно врага уничтожил народ... [10].

Анализ показывает, что идеологическая риторика обеих сторон была основана на таких понятиях, как интересы народа и необходимость борьбы за свободу, однако воспринимались они с полярных точек зрения.

Для создания новых песенных версий активно использовались художественные клише популярных романсов. В белой армии предпочтение отдавалось "Чайке" и "Белой акации", но и партизанские поэты нередко обращались к тем же источникам. В частности, текст, посвящённый гибели под Сретенском командира 7-го кавалерийского полка Ф.А. Погодаева (1893–1920), начинался строкой *"Вот вспыхнуло утро / Мы Сретенск заняли"*. Правда, не исключено, что прототипом этой песни послужил не сам романс, а вариант, созданный в годы Первой мировой войны, *"Вот вспыхнуло утро, и выстрел раздался"* – о гибели юного прапорщика, старавшегося отстоять полковое знамя [9].

Заметную пропагандистскую роль в партизанской среде играло творчество поэтов-политработников – К. Рослого, Г. Отрепьева, В. Кручины, П. Парфёнова (П. Алтайского), которым были хорошо известны эстетические предпочтения простых партизан. Особой известностью пользовались песни на слова уроженца Сучанской долины Константина Рослого, который брал за основу популярные в народе произведения, например, "Плещут холодные волны" о гибели "Варяга": *"Дуют холодные ветры, / С веток сметая листья, / Носится коршун над сопкой, / Крик его полон тоской..."* (Ср. с первоисточником: *"Плещут холодные волны, / Бьются о берег морской, / Носятся чайки над морем, / Крики их полны тоской"*). Песня бытовала в различных вариантах и записывалась фольклористами неоднократно. В частности, в Иманской долине имел хождение свой вариант, авторами которого называют партизанских командиров Дубова и Вильсона: *"Дуют холодные ветры, / Вьются над думой мирской, / Носится коршун над сопкой, / Крик его полный тоской"* [2, с. 93].

Варьировалось, как правило, место действия. Благодаря этому произведение приобретало локальную закреплённость, что придавало ему дополнительную достоверность. Так, событие, которому посвящена популярная баллада "Знаю, ворон, твой обычай", исполнители относят, по меньшей мере, к трём географическим объектам: *"На Сучане есть то место, / Где кипел кровавый бой"* [2, с. 91], а также *"На Имане есть то место..."* и *"Есть под Шкотовом там место..."* (**Личный архив автора**). Таким образом, не только устная проза, но и песенные тексты служат носителями исторической информации, каковой являются событийная канва, имена реальных действующих лиц, названия географических объектов.

Как видим, формирование исторической памяти – непрерывный процесс. В наши дни значительно расширились информационные возможности исследователей как профессионалов, так и любителей, однако, думается, время беспристрастных оценок ещё не пришло. Тем не менее, устная традиция по-прежнему остаётся реальным хранителем и транслятором коллективной памяти о важнейших событиях российской истории, в том числе о Гражданской войне и иностранной интервенции.

Литература

1. Атаман Семёнов. Воспоминания // Semenov Grigorii Ataman Semenov. *Vospominaniya* // [Электронный ресурс]. URL: http://www/Litmir_net_106689.Fb2 (дата обращения: 15.12.2018).
2. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке: фольклорно-диалектологический очерк. Вып. 4: Фольклор Приморья. Владивосток: Дальневост. гос. университет, 1929. 114 с.
3. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1: Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.
4. Каминская Е.А. Контексты исторической памяти и традиционный фольклор // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 2 (42). С. 90–97.
5. Капель, Владимир Оскарович // [Электронный ресурс]. URL: http://wiki2.red/Капель,_Владимир_Оскарович (дата обращения: 17.12.2018).
6. Коваленко А.И. Культура казачества восточных окраин России (XVII – начало XX вв.). Благовещенск: Производственно-коммерческое изд-во "Зоря", 2008. 208 с.

7. Колёсников А. Атаман Калмыков: характеристика современников // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.naslednik-dv.livejournal.com/23161/html> (дата обращения: 22.10.2018).
8. Крекотень П.Г. Песни дальневосточных партизан // Учёные записки Благовещенского гос. пед. и учит.института им. М.И. Калинина. Благовещенск, 1941. Т. 2. С. 25–62.
9. Прапорщик юный (Вот вспыхнуло утро) // [Электронный ресурс]. URL: <http://A-pesni.org/www1/praporjun.php> (дата обращения: 27.12.2018).
10. Русский Восток. Владивосток. Ноябрь 1993. № 16.
11. Савченко С.Н. Калмыков Иван Павлович: штрихи к портрету // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.net/preview/3015181/> (дата обращения: 15.12.2018).
12. Тихонова Е.Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов Байкальского региона: Автореф. дис. ... д-ра филологич. наук. Улан-Удэ, 2018. 61 с.
13. Трифонов-Репин Ю. Неадмиральский сквер, или кого помним, а кого запомним // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arsvest.ru/rubr/3/31929> (дата обращения: 17.12.2018).
14. Фольклор Дальнеречья, собранный Е.Н. Сыстеровой и Е.А. Ляховой. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. 288 с.
15. Хитрый В.Г. Партизанское движение в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке России (1918–1920): современный взгляд: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2015. 26 с.
16. Шевчук, Иван Павлович // [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.1914.info.php> (дата обращения: 27.12.2018).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Ataman Semyonov. Vospominaniya // Semenov Grigorii_Ataman_Semenov. Vospominaniya // [Электронный ресурс]. URL: http://www/Litmir_net_106689.Fb2 (дата обращения: 15.12.2018).
2. Georgievskij A.P. Russkie na Dal'nem Vostoke: fol'klorno-dialektologicheskij ocherk. Vyp. 4: Fol'klor Primor'ya. Vladivostok: Dal'nevost. gos. universitet, 1929. 114 s.
3. Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 1: Dal'nij Vostok Rossii v period revolyutsij 1917 goda i Grazhdanskoj vojny. Vladivostok: Dal'nauka, 2003. 632 s.
4. Kaminskaya E.A. Konteksty istoricheskoy pamyati i traditsionnyj fol'klor // Vestnik CHelyabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv. 2015. № 2 (42). S. 90–97.
5. Kappel', Vladimir Oskarovich // [Электронный ресурс]. URL: http://wiki2.red/Kappel',_Vladimir_Oskarovich (дата обращения: 17.12.2018).
6. Kovalenko A.I. Kul'tura kazachestva vostochnykh okrain Rossii (XVII – nachalo XX vv.). Blagoveshhensk: Proizvodstvenno-kommercheskoe izd-vo "Zeya", 2008. 208 s.
7. Kolyosnikov A. Атаман Калмыков: характеристика современников // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.naslednik-dv.livejournal.com/23161/html> (дата обращения: 22.10.2018).
8. Krekoten' P.G. Pesni dal'nevostochnykh partizan // Uchyonye zapiski Blagoveshhenskogo gos. ped. i učit.institutu im. M.I. Kalinina. Blagoveshhensk, 1941. Т. 2. С. 25–62.
9. Praporshhik yunyj (Vot vspykhnulo utro) // [Электронный ресурс]. URL: <http://A-pesni.org/www1/praporjun.php> (дата обращения: 27.12.2018).
10. Russkij Vostok. Vladivostok. Noyabr' 1993. № 16.
11. Savchenko S.N. Kalmykov Ivan Pavlovich: shtrikhi k portretu // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.net/preview/3015181/> (дата обращения: 15.12.2018).
12. Tikhonova E.L. Semantika i pragmatika fol'klornoj istoricheskoy prozy russkikh starozhilov Bajkal'skogo regiona: Avtoref. dis. ... d-ra filologich. nauk. Ulan-Udeh, 2018. 61 s.
13. Trifonov-Repin YU. Neadmiral'skij skver, ili kogo pamyatuem, a kogo zapamyatovali // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arsvest.ru/rubr/3/31929> (дата обращения: 17.12.2018).
14. Fol'klor Dal'nerech'ya, sobrannyj E.N. Systerovoj i E.A. Lyakhovoj. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1986. 288 s.
15. KHitryj V.G. Partizanskoje dvizhenie v gody Grazhdanskoj vojny na Dal'nem Vostoke Rossii (1918–1920): sovremennyj vzglyad: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Vladivostok, 2015. 26 s.
16. Shevchuk, Ivan Pavlovich // [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.1914.info.php> (дата обращения: 27.12.2018).

Фетисова Л.Е. Роль фольклорного наследия в сохранении и трансляции памяти о событиях 1917–1922 гг. на российском Дальнем Востоке.

Устное творчество, посвящённое Гражданской войне и иностранной интервенции, рассматривается как своеобразная форма народной исторической памяти. Исследование основано на опубликованных источниках, а также на экспедиционных материалах и наблюдениях автора. Приводятся примеры устных рассказов, песен, частушек, распространённых на юге российского Дальнего Востока. Подчёркивая субъективный характер подобных источников, автор напоминает, что они являются неотъемлемой частью отечественной истории и культуры, которую необходимо изучать и осмысливать.

Ключевые слова: *российский Дальний Восток, Гражданская война, иностранная интервенция, фольклор, историческая память*

Fetisova L.E. Folklore heritage as a keeper and broadcaster of the memory of the events of 1918–1922 in the Russian Far East.

Folklore heritage devoted to the Civil war and foreign interventions in the Russian Far East is considered as peculiar form of historical memory. The study is based on published sources and the author's expedition materials. The examples of oral narratives and songs are given. Emphasizing the subjective nature of such sources the author recalls they are an integral part of national history and culture, which we could study and comprehend.

Key words: *Russian Far East, Civil war, foreign intervention, folklore, historical memory*

Для цитирования: Фетисова Л.Е. Роль фольклорного наследия в сохранении и трансляции памяти о событиях 1917–1922 гг. на российском Дальнем Востоке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 47–54. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/47-54

For citation: Fetisova L.E. Folklore heritage as a keeper and broadcaster of the memory of the events of 1918–1922 in the Russian Far East // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 2. P. 47–54. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/47-54

Материальное положение учителей сельских школ Приморской области в конце XIX – начале XX века

В последние годы неподдельный интерес исследователей вызывает жизнь и повседневное существование разных групп населения. Свободный доступ к дореволюционным изданиям и расширение возможностей работы с архивными документами привели к росту количества публикаций, посвящённых сюжетам, которым ранее не придавали особого значения, например, размер зарплаты или пенсий, продолжительность и качество жизни разных профессиональных групп и сословий Российской империи. Такие аспекты оказывали, если не решающее, то весьма существенное влияние на исторические события.

В настоящий момент опубликован целый ряд работ, анализирующих материальное положение учителей конца XIX – начала XX в. [5, 13, 19, 26]. К этой же теме обращались исследователи Н.А. Белова [1], О.М. Казакова [20], Н.Н. Черкасова [27], изучающие жизнь и деятельность учителей, проживающих в провинциальных городах Российской империи. Авторы, в подавляющем большинстве случаев, сосредоточили своё внимание на земских школах, расположенных в европейской части России. За пределами таких исследований остаются регионы Сибири и Дальнего Востока, где в силу разных причин не было земств. Газета "Владивосток" (1898 г.) писала: "Забота о народном образовании в нашей стране возложена целиком на земства, а в Сибири и на Дальнем Востоке, где названные учреждения ещё не привиты, общий надзор и ведение этого дела сосредоточилось в руках административных властей" [10, с. 11]. Дальневосточные исследователи С.В. Литвинова [21], О.Б. Лыньша [22], Т.З. Позняк [24], Д.А. Ткаченко [25] и др. хорошо изучили материальное положение городских учителей, не обращаясь к повседневной жизни сельских педагогов.

Эта статья нацелена на описание материального положения учителей, работавших в сельских школах Приморской области в конце XIX – начале XX вв. Чтобы объяснить причины недовольства сельских педагогов качеством своей жизни, необходимо установить размер заработной платы и определить источники дополнительных выплат, проследить порядок выплаты учительского жалования, сравнить размер зарплаты в школах разного типа.

В первые годы заселения и освоения Тихоокеанского побережья России во второй половине XIX в. чиновники хорошо понимали, что "наше укрепление на берегах Тихого океана, проведение рельсового пути, заселение пустынного края стоило и будет стоить нашему государству столько усилий и жертв, что мы должны закрепить все это самым высшим и прочным цементом, какое существует для зданий социальных – цементом просвещения" [13, с. 2]. В условиях ограниченных финансовых, кадровых и иных ресурсов количество низших учебных заведений расширялась медленно. Так, в 1900 г. в крае насчитывалось 118 крестьянских селений, в них функционировало 26 сельских школ [23, с. 13]. К 1909 г. в крае функционировало 155 начальных школ трёх типов: 95 церковно-приходских, 43 министерских и 17 казачьих – в 146 селениях (в крупных сёлах работало по две школы разных ведомств) [18, с. 463]. Подавляющее большинство крестьянских селений ещё только планировали открыть школу. По словам Д.Я. Бондарева, "школы здесь, словно редкие оазисы в непроходимой и непролазной тайге. В России школы редки и бедны, а здесь ещё реже и беднее" [4, с. 302].

Финансов на школьное строительство не хватало, поэтому "все первые школы в сёлах Южно-Уссурийского края строились иждивением местных обществ" [6, с. 4]. Они же обеспечивали оплату труда приглашённого учителя. Зачастую сельских сход нанимал "крестьянскую хату", едва приспособив её под занятия, приглашал "учителя". В этой роли выступали не квалифицированные педагоги (они не соглашались работать за "крестьянские гроши"), а грамотный односельчанин, отставной солдат, "случайный грамотей". Как только оговорили условия оплаты, так и начинались занятия. В таких условиях сельская школа обрекалась на нищенское прозябание. К примеру, "к церковноприходской школе д. Даниловка пригласили учащего – крестьянина М. за вознаграждение 120 рублей и по 1 рублю с ученика – всего 37 учеников; для школы грамоты с. Борисовка – учащий (фельдшер Р.) согласился учить 22-х детей за плату 1 рубль в месяц с ученика" [3, с. 130]. Другой пример, "в д. Благовещенка (в 1909 г.) государственной школы нет, наняли учителя с платой по 1 рублю 30 копеек в месяц с ученика. Учитель отбыл четыре месяца, но затем ему отказали за недостатком средств у общества" (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 5. Д. 206–б. Л. 1–1об).

Такие примеры характерны для педагогов, которые получали жалование от сельских обществ. Встречались примеры, когда плату учителю передавали родители учеников по принципу "из рук в руки". Газета "Владивосток" (1890 г.) рассказала о сельской школе, "где училось 9 ребятишек, за каждого родители платили по одному рублю в месяц. По мере того, как убывал ученик – гонорар учителю уменьшался на 1 рубль в месяц. Учитель зароптал и спросил:

– А что, если ученик будет ходить не месяц, а дней пять?

– Ну, что-шь? Значит, по расчёту, как следовало, за пять дней и получишь.

– Это около пятиалтынный – то?

– А что-ж, пятиалтынный – не деньги рази по-твоему? Таков взгляд крестьян в некоторых сёлах на учительский труд" [6, с. 5].

Такой порядок выплаты жалования был чреват для учителя остаться в середине учебного года без работы и без средств существования. В этом крылась причина, по которой малокомплектные школы в бедных новосельческих деревнях долго не могли пригласить на работу "хорошего учителя".

Соглашаясь на работу, педагог требовал от сельского общества гарантий аккуратной выплаты жалования и дополнительных (денежных и натуральных) приплат. Однако, если в малороссийских крестьянских селениях общества могло оплатить труд учителя продуктами, привычными для потребления (молоко, яйца, хлеб, масло и т.п.), то в корейских селениях учителю приходилось осваивать блюда восточной кухни. Так, "жители корейской деревни Андреевка обязались платить учителю от себя 150 рублей в год и 40 пудов чумизы. Чем богаты, тем и рады. Как учитель распорядился чумизой – неизвестно" [12, с. 8]. Таким образом, в подавляющем большинстве селений в 1880–1890-х гг. порядок и сумма выплат учительского жалования были всецело на усмотрении сельского общества.

По разным источникам, в 1880–1890-е гг. размер среднегодового жалования сельских учителей составлял от 25 рублей разовых пособий до 120–150 рублей (т.е. по 12–15 рублей за каждые 10 месяцев учебного года) [2, с. 89].

Первые точные сведения о среднем размере учительского жалования относятся к 1890–1900-м гг. В эти годы "среднее годовое жалование сельских учителей составлял в среднем 260 рублей, колебания составляли от 180 до 480 рублей (т.е. от 18 до 48 рублей в месяц), но по здешним меркам сумма ничтожна" [14, с. 2]. По самым скромным расчётам, "минимум учительского вознаграждения следует считать сумму в 480–600 рублей в год. Конечно, и этих средств будет хватать в обрез" [17, с. 417].

Учитывая это, 9 января 1902 г. Начальник Южно-Уссурийского округа И. Вологдин сделал сельским обществам следующее предложение: "практика многих лет показала, что учителя, прослужившие много лет, оставляют свои должности, т.к. получаемое ими жалование положительно недостаточно, легко находя себе более обеспеченное материальное положение на другого рода службах. В виду этого, крайне необеспеченного положения учителя предлагаю сельским обществам вверенного мне округа, где существуют школы, ныне

же к отпускаемому казной содержанию добавить учителям до 200 рублей в год. Приговоры предоставить мне в самом непродолжительном времени с таким расчётом, чтобы за январь сего 1902 г. учителя получили бы увеличенное жалованье. За скорое исполнение придти на помощь учителям материально, я останусь обществу благодарен. Надеюсь, что волостные старшины и сельские старосты не оставят этот насущный вопрос без должного внимания и разъясят обществу, что увеличение жалованья учителям далеко важнее, чем прибавка волостным писарям" [Цит. по: 15, с. 6].

Но сельские общества не спешили исполнять предписание начальника, размышляя так: "сперва посмотрим, понравится ли нам учитель или нет", громко сетуя на "бедность", "недород", "недоимки" и т.д. Документы 1880–1890-х гг. подтверждают, что крестьяне-переселенцы, водворившиеся на новом месте, в течение 5–10 лет укрепляли своё хозяйство, поэтому не могли исправно исполнять финансовые обязательства в отношении учителей. Сельские общества обязались ежегодно уплачивать казённые сборы и повинности, а также сборы по самообложению.

Так, по донесению сельского старосты с. Черниговка, "в 1888 г. с черниговских крестьян было взыскано: 5 рублей 82 копейки в год (на содержание общественного правления), 99 копеек в год (на содержание парома через реку Мо-Мельгуновка). Итого: общественных повинностей – 6 рублей 81 копейка с каждого домохозяина. Кроме того, ещё 52 копейки на разные сборы (без учёта на церковное строительство). Итого: взыскивалась повинность по 7 рублей 33 копейки в год с каждого работника" (РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 5. Д. 579. Л. 18об)¹. Бремя повинностей и общественных расходов по самообложению в других волостях доходила до 11 рублей [16, с. 358] или 12 рублей в год [9, с. 10] на каждого домохозяина. Суммы значительные для неокрепших хозяйств.

В первую очередь крестьяне стремились уплатить казённые сборы, а затем выполнить обязательства по самообложению. Газета "Владивосток" (1896 г.) объясняет: "крестьяне боятся казённых долгов, а в этом крае, где человек может неожиданно потерять весь свой скот, где неурожаи часты, иметь на своей шее долг хуже, чем в тюрьме сидеть. Поэтому значительная часть крестьян спешат распродать как можно больше скота и расплатиться с казной. Так на душе становится легче, а в хозяйстве пусто" [8, с. 6–7].

Аккуратность сельских обществ в отношении взятых на себя финансовых обязательств по отношению к государству подтверждает и своевременность выплат взносов срочных платежей в банк. К примеру, "зачастую церковно-школьные ссуды погашались сельскими обществами досрочно (РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 5. Д. 489. Л. 38). Но на выплаты местных сборов у местного населения денег зачастую не хватало. "Здесьние крестьяне, соображаясь с налогоспособностями, неукоснительно, чуть ли не ежегодно вытягивали средства на разные нужды, но на другие, нежели на школьные потребности" [11, с. 8]. Донесения с мест это подтверждают: "казачий посёлок Павло-Фёдоровка выплачивает помощнику учителя жалование за 1902 г. 100 рублей из общественных нужд, но оно выдаётся неисправно, задерживается иногда по 2–3 месяца, за неимением наличных сумм" (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 244. Л. 92об–93). В крестьянской деревне Федосеевка "строится здание министерского училища, до 1907 г. содержание учителя обеспечивало общество из своих средств. Их не хватало, поэтому для облегчения расходов исходатайствовали для учителя казённое содержание от Епархиального Училищного Совета" (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 5. Д. 206–а. Л. 1–1об).

Таким образом, в 1890–1890-е гг. для крестьян всякая денежная плата представляла "бремя", избавиться от которого представляло предмет особых желаний сельских обществ. Они искали способ передать школу, открытую на их средства, в ведение государства, т.е. на содержание Министерства народного просвещения или Епархиального Училищного Совета. Но государство и церковь не спешили принимать на баланс такие школы, т.к. не располагали достаточными ресурсами. К примеру, епархиальный наблюдатель школ Владивостокской епархии рассчитал, что только в 1901 г. необходимо затратить дополнительно, к уже выделенным суммам "на плату наёмных учителей при-

¹ РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

близительно 52000 рублей по такому расчёту: 30 "странствующих" ("кочующих") учителей для 59 малолюдных (до 300 человек) селений – 18000 рублей (по 600 рублей каждому), 32 учителя в малолюдных деревнях (с населением от 300 до 800 человек) – 16000 рублей (по 500 рублей каждому), на наём 36 учителей для деревень с населением от 800 до 1000 человек (по 2 учителя на каждую деревню, по 500 рублей). Всего 52000 рублей" [16, с. 360]. Епархия этими средствами не располагала.

Однако даже передача школы на "казённый счёт" не гарантировала своевременность выплаты зарплат педагогам по разным причинам. Об одной причине сообщила газета "Владивосток" (1896 г.): "смета в сумме 5000 рублей, ассигнованных на содержание школ Приморской области, в текущем году не была отпущена. Учителя остались без жалования, а начальнику Южно-Уссурийского округа оставался только один исход – закрыть все школы в своём районе. Причина долгой задержки школьного аванса заключается в том, что о получении этой суммы ходатайствует духовное ведомство. Администрация края находится в колебании, какому типу школ – общим или церковноприходских – отдать преимущество" [7, с. 3]. Значит, на рубеже XIX–XX вв. служба в школе оплачивалась весьма скромно и нерегулярно, ожидать "учительских грошей" приходилось неделями или месяцами.

В отличие от западных регионов страны, где учителя могли обратиться за получением ссуды или современных пособий в "Общество взаимопомощи" или "Вспомогательную кассу", в тот период времени в Приморской области такие общества отсутствовали. В ситуации полной безнадёжности учителя, не зная дня и часа, когда, наконец, выплатят жалование, обращались к сельским обществам за помощью, испрашивая в долг деньги или продукты. По мнению школьной администрации и самих педагогов, такой способ подрывал авторитет учителя в глазах крестьян. Кредиторами педагогов становились не только сельские общества, но и местные торговцы и лавочники, снабжавшие продуктами, родители учеников, кормившие учителя с "отсрочкой оплаты". Такая ситуация ставила педагога в униженное положение. Встречались упоминания о том, что такие "кредиторы" и "общественники" приходили в класс требовать от учителей возвращения долга.

Безденежье вынуждало многих "сеятелей нивы просвещения" выходить в поле и сеять хлеб. Помимо хлебопашества чиновники призывали сельских учителей заниматься огородничеством, садоводством, ремёслами и промыслами. "В некоторых самых глухих местностях края, богатых зверьём, дичью и рыбой, можно прожить и на скромную сумму, держать домашний скот, собирать грибы и ягоды, охотиться и рыбачить. Но таких местностей в крае немного. Но если в таких местах дешёвые продукты, то значительно дороже всё остальное" [17, с. 415–416]. В отличие от современных педагогов, проживающих в сельской местности, народные учителя дореволюционной России не могли существенно улучшить своё благосостояние сельским хозяйством или промыслами.

Труженики сельских школ 1880–1917 гг. не вели подсобное хозяйство по разным причинам. Во-первых, далеко не каждое учебное заведение имело "школьный надел"; педагоги также не имели своего надела, т.к. каждый клочок земли принадлежал сельскому обществу или частному владельцу, обрабатывать её учитель не мог даже на условиях аренды. Во-вторых, учителя не обладали сельскохозяйственными навыками, одной краткосрочной подготовки на летних сельскохозяйственных курсах было недостаточно. В-третьих, подавляющее большинство педагогов не имело инструментов и рабочего скота для обработки земли. Требовалась ссуда (около 100–200 рублей) на обзаведение хозяйственным инвентарём, но тратить такую значительную сумму на подсобное хозяйство учитель не мог, т.к. не имел гарантии, что в следующем году не получит назначение в другую школу. Наконец, педагоги после многочасовых занятий с учениками не имели ни времени, ни сил для работы на земле. Выхода не было. Поэтому "все учителя сельских и деревенских школ Южно-Уссурийского края смотрели на своё положение как на "безвыходное" или "тяжёлое" [15, с. 5–6].

Только в первые годы XX в., когда общественность начала активно обсуждать идеи введения всеобщего обучения, затронули вопрос об улучшении материального положения педагогов. В ходе съездов учителей и на страни-

цах педагогической печати озвучивались предложения изменить размер и порядок выплаты учительского жалования, в соответствии с новым типом организации начального образования. "Поскольку неудобство старого порядка участия сельских обществ в содержании народных учителей сделалось очевидным, надо чтобы: 1) отнюдь учитель получал жалование не через крестьянские общества, а от официальных лиц, причастных близко к делу воспитания; 2) это жалование обязательно проходило какие-либо официальные испытания, хотя бы через канцелярию того же Инспектора Народных Училищ; 3) жалование учителя было установлено помесечно, а не выплачивалось раз в год; 4) жалование не зависело от убыли и прибыли учеников" [6, с. 5]. Эти предложения звучали повсеместно.

Министерство народного просвещения больше не могло игнорировать мнение педагогической общественности. Но, внедряя новый порядок выплат учительской зарплаты, чиновники отказывались от пассивной роли контролёра за сферой народного образования. В период с 1900 по 1909 гг. сотрудники Министерства Народного Просвещения законодательно унифицируют порядок выплаты учительского жалования и дифференцируют зарплату в зависимости от образовательного ценза, в соответствии с принципами введения всеобщего начального обучения. Аналогичные меры будут осуществляться в учебных заведениях, находящихся в ведении других ведомств. Это позволит к 1909–1913 гг. существенно повысить благосостояние учителей всех типов школ, включая и тех, кто работал в сельской глубинке Приморской области. Однако, чтобы выявить пути и средства улучшения материального положения учителей сельских школ Приморской области в первые годы XX в., требуется провести дополнительное исследование и проанализировать новые документы. Эта проблема ещё ждёт своего исследователя.

Литература

1. Белова Н.А. Повседневная жизнь учителей. М.: ИЭА РАН, 2015. 228 с.
2. Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. 15–31 июля.
3. Благовещенские епархиальные ведомости. 1900. 31 августа.
4. Бондарев Д.Я. Далёкая окраина. (Мои воспоминания) // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: материалы научной конференции. Выпуск 3. / Отв. ред. О.Б. Лынша, И.В. Пчела. Уссурийск: изд-во ДВФУ (филиал в г. Уссурийске), 2013. С. 292–311.
5. Вепринцев Т.А. Материальное положение учителей и врачей в Российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Серия. История. Исторические науки. Тула, 2013. С. 157–167.
6. Владивосток. 1890. 29 июля.
7. Владивосток. 1896. 18 февраля.
8. Владивосток. 1896. 3 марта.
9. Владивосток. 1896. 5 мая.
10. Владивосток. 1898. 28 ноября.
11. Владивосток. 1899. 25 июля.
12. Владивосток. 1899. 8 августа.
13. Владивосток. 1899. 17 октября.
14. Владивосток. 1902. 3 февраля.
15. Владивосток. 1902. 10 февраля.
16. Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 1 ноября.
17. Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 1 декабря.
18. Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. 1 октября.
19. Зубков И.В. Российское учительство. Повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870–1916. М.: Хронограф, 2010. 528 с.
20. Казакова О.М. Провинциальное учительство в XIX – начале XX в. Автореферат дис. канд. ист. наук: 07.00.02: Киров, 2009. 24 с.
21. Литвинова С.В. К вопросу о материальном положении Дальневосточного сельского учителя в 20-е гг. XX в. // VII Дальневосточная конференция молодых историков / Сборник материалов / Ред. М.Б. Сердюк. Владивосток: изд-во ДВГУ, 2002. С.57–60.
22. Лынша О.Б. История образования в Никольске-Уссурийском. 1882–1922 гг.: Монография. Владивосток: ДВФУ. Школа педагогики, 2018. 292 с.
23. Лынша О.Б. Начальные школы на Дальнем Востоке России во второй половине XIX в. – начале XX в. Уссурийск, 2007. 63 с.

24. Позняк Т.З. Преподавательский состав учебных заведений и уровень жизни учителей городов Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы XIV Международной научно-методической конференции. Уссурийск: ДВФУ, 2012. С. 12–18.

25. Ткаченко Д.А. Повседневное положение учителей Южно-Уссурийского края конца XIX – XX вв. // Уссурийские чтения: сборник работ участников IV Уссурийских краеведческих чтений (9–10 октября 2012). Уссурийск, 2013. С. 74–80.

26. Филоненко Т.В., Шипилов А.В. Материальное положение учителей дореволюционной России // Педагогика. 2004. № 7. С. 65–75.

27. Черкасова Н.Н. Повседневная жизнь земских учителей российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. Автореферат дис. канд. ист. наук: 07.00.02: Курск, 3006. 24 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Belova N.A. Povsednevnyaya zhizn' uchitelej. M.: IENА RAN, 2015. 228 s.
2. Blagoveshhenskie eparkhial'nye vedomosti. 1900. 15–31 iyulya.
3. Blagoveshhenskie eparkhial'nye vedomosti. 1900. 31 avgusta.
4. Bondarev D.YA. Dalyokaya okraina. (Moi vospominaniya) // Problemy istorii obrazovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii: materialy nauchnoj konferentsii. Vypusk 3. / Otv. red. O.B. Lynsha, I.V. Pchela. Ussurijsk: izd-vo DVFU (filial v g. Ussurijske), 2013. S. 292–311.
5. Veprintsev T.A. Material'noe polozhenie uchitelej i vrachej v Rossijskoj provintsii vo vtoroj polovine XIX – nachale KHKH vekov // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Seriya. Istoriya. Istoricheskie nauki. Tula, 2013. S. 157–167.
6. Vladivostok. 1890. 29 iyulya.
7. Vladivostok. 1896. 18 fevralya.
8. Vladivostok. 1896. 3 marta.
9. Vladivostok. 1896. 5 maya.
10. Vladivostok. 1898. 28 noyabrya.
11. Vladivostok. 1899. 25 iyulya.
12. Vladivostok. 1899. 8 avgusta.
13. Vladivostok. 1899. 17 oktyabrya.
14. Vladivostok. 1902. 3 fevralya.
15. Vladivostok. 1902. 10 fevralya.
16. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. 1907. 1 noyabrya.
17. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. 1907. 1 dekabrya.
18. Vladivostokskie eparkhial'nye vedomosti. 1908. 1 oktyabrya.
19. Zubkov I.V. Rossijskoe uchitel'stvo. Povsednevnyaya zhizn' prepodavatelej zemskikh shkol, gimnazij i real'nykh uchilishh. 1870–1916. M.: KХronograf, 2010. 528 s.
20. Kazakova O.M. Provintsial'noe uchitel'stvo v XIX – nachale XX v. Avtoreferat dis. kand. ist. nauk: 07.00.02: Kirov, 2009. 24 s.
21. Litvinova S.V. K voprosu o material'nom polozhenii Dal'nevostochnogo sel'skogo uchitelya v 20-e gg. XX v. // VII Dal'nevostochnaya konferentsiya molodykh istorikov/ Sbornik materialov/ Red. M.B. Serdyuk. Vladivostok: izd-vo DVGU, 2002. S.57–60.
22. Lynsha O.B. Istoriya obrazovaniya v Nikol'ske-Ussurijskom. 1882–1922 gg.: Monografiya. Vladivostok: DVFU. SHkola pedagogiki, 2018. 292 s.
23. Lynsha O.B. Nachal'nye shkoly na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroj polovine XIX v. – nachale XX v. Ussurijsk, 2007. 63 s.
24. Poznyak T.Z. Prepodavatel'skij sostav uchebnykh zavedenij i uroven' zhizni uchitelej gorodov Dal'nego Vostoka Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. // Problemy slavyanskoj kultury i tsivilizatsii: materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferentsii. Ussurijsk: DVFU, 2012. S. 12–18.
25. Tkachenko D.A. Povsednevnoe polozhenie uchitelej YUzhno-Ussurijskogo kraja kontsa XIX – XX vv. // Ussurijskie chteniya: sbornik rabot uchastnikov IV Ussurijskikh kraevedcheskikh chtenij (9–10 oktyabrya 2012). Ussurijsk, 2013. S. 74–80.
26. Filonenko T.V., SHipilov A.V. Material'noe polozhenie uchitelej dorevoljutsionnoj Rossii // Pedagogika. 2004. № 7. S. 65–75.
27. CHerkasova N.N. Povsednevnyaya zhizn' zemskikh uchitelej rossijskoj provintsii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. Avtoreferat dis. kand. ist. nauk: 07.00.02: Kursk, 3006. 24 s.

Пчела И.В. Материальное положение учителей сельских школ Приморской области в конце XIX – начале XX века.

Автор изучил материальное положение учителей, которые работали в сельских школах края в конце XIX – начале XX века. Статья написана на материалах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. В ней описаны источники и размер заработной платы, порядок её получения, сравнивается уровень жизни учителей разных типов школ. В итоге автор приходит к выводу, что уровень и качество жизни учителей оказывали существенное влияние на школьное образование в сельской глубинке Приморья.

Ключевые слова: *материальное положение, заработная плата, учительское жалование, выплаты.*

Pchela I.V. The material position of teachers of rural schools of the Primorsky region in the end XIX – beginning of XX century.

An author studied material position of teachers that worked in rural schools of edge in the end XIX – beginning of the XX century. The article is written on materials of the Russian State Historical Archive of Far East. Sources and wage rate, order of her receipt is described in her, the standard of living of teachers of different types of schools is compared. In the total an author concludes, that a level and quality of life of teachers rendered substantial influence on school education in a rural hinterland of the Primorsky region.

Key words: *financial position, salary, teacher's salary, payments.*

Для цитирования: Пчела И.В. Материальное положение учителей сельских школ Приморской области в конце XIX – начале XX века // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 55–61. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/55-61

For citation: Pchela I.V. The material position of teachers of rural schools of the Primorsky region in the end XIX - beginning of XX century // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 2. P. 55–61. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/55-61

УДК 94:621.311.1(571.6)

Маклюков А.В.

Формирование производственных кадров электроэнергетики на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг.

Развитие электроэнергетики и электрохозяйства СССР совершалось за счёт использования кадрового потенциала дореволюционной России. План ГОЭЛРО составлялся и реализовывался инженерами и специалистами отечественной электротехнической школы, сложившейся в стране в конце XIX – начале XX вв. Поставленные государством в начале 1920-х гг. задачи энергетического строительства требовали новой массовой подготовки квалифицированных кадров для монтажа, эксплуатации и ремонта энергетического оборудования и сетей, а также кадров высшей квалификации для управления энергопредприятиями. По подсчётам самих составителей плана стране только для сооружения 30 районных электроцентралей требовалось не менее 120 тыс. рабочих, не считая потребностей для электротехнической промышленности [15, с. 76].

На Дальнем Востоке до начала энергетического строительства среди кадров энергетиков не произошло количественных и структурных изменений, а строителей электростанций в регионе практически не было. По данным Всероссийской городской и промышленной переписи 1923 г., на территории края насчитывалось 674 рабочих и служащих, непосредственно занятых на предприятиях по производству и передаче электрической энергии. Наибольшее количество работников энергетической сферы концентрировалось на коммунальных электростанциях в городах: Владивостоке (107 чел.), Благовещенске (121 чел.), Никольск-Уссурийске (45 чел.) и Хабаровске – (40 чел.). На остальных промышленных станциях работало до 10–20 чел. [8, с. 18, 32]. Коллективы дальневосточных энергопредприятий в основном сформировались ещё в начале XX.

В 1920-е гг. благодаря восстановлению старых и вводу в эксплуатацию новых мелких электростанций наблюдался небольшой численный рост дальневосточных энергетиков. К 1928 г. в коммунальной электроэнергетике края насчитывалось 418 рабочих и служащих, общее количество которых по сравнению с 1923 г. увеличилось на 107 чел. [12, с. 6–11].

Численность работников транспортных и промышленных станций не подверглась изменениям. Восстановительные и строительные работы в электроэнергетике выполнялись небольшими группами рабочих, которые состояли из квалифицированных строителей, рабочих сезонников и демобилизованных военнослужащих. В 1925 г. для восстановления и ремонта предприятий была создана специальная строительная контора Дальстрой. Рабочие бригады численностью до 20 чел. проводили капитальный ремонт зданий и хозяйственных объектов электростанций (РГИА ДВ. Ф. Р-2486. Оп. 1. Д. 29. Л. 1; Д. 45. Л. 28)¹.

В начале 1930-х гг. на Дальнем Востоке стали складываться специализированные коллективы энергостроителей. Они формировались на строительстве крупных электростанций, в частности Сучанской ЦЭС, Артёмовской ГРЭС, Хабаровской коммунальной станции, Комсомольской ТЭЦ-2 и других объектах энергетики.

¹ РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

На примере строительства самого крупного дальневосточного энергетического предприятия – Артёмовской ГРЭС – можно проследить, как складывались трудовые коллективы строителей станции и затем её эксплуатационного персонала. Основным источником пополнения отрядов строителей стало местное крестьянство. Большое значение играл организованный набор рабочих в административно-территориальных образованиях Дальнего Востока и других районов страны. Из числа прибывших на стройплощадку Артём-ГРЭС-строй по месту рождения и количественному составу можно выделить 4 группы: 1-я группа – уроженцы ближайших от места строительства посёлков и селений; 2-я группа – уроженцы других районов Приморья; 3-я группа – уроженцы Сибири и Дальнего Востока; 4-я группа – уроженцы европейской части СССР. Национальный состав рабочих и строителей тоже был неоднороден. Среди 1-й и 2-й группы преобладали русские, украинцы и белорусы, 3-й группы – исключительно русские, 4-й группы – преобладали русские и встречались этнические группы приволжских земель – мордва, чуваши, татары, башкиры [1, с. 50].

В период проведения подготовительных работ (1933 г.) численность строителей Артёмовской ГРЭС не превышала 600 чел., с началом возведения главного корпуса станции (1934 г.) и производственных объектов выросла в 3 раза, а к завершению возведения объекта – ещё в 2 раза (см. рис. 1).

Коллективы строителей формировались из демобилизованных воинов и военизированных строительных батальонов Особой Краснознамённой Дальневосточной армии. В апреле 1934 г. на возведение центрального корпуса Артёмовской ГРЭС прибыли 40 опытных инженеров и военизированные строительные батальоны в составе одной тыс. человек (РГИА ДВ. Ф. Р-2456. Оп. 1. Д. 20. Л. 108).

Ещё одной формой пополнения кадров на дальневосточных стройках стали партийно-комсомольские призывы. Комсомольско-молодёжные отряды со всех концов страны отправлялись на промышленные стройки Дальнего Востока. Например, на строительстве ТЭЦ сахарного завода в г. Ворошилов такие отряды сыграли ключевую роль [2, с. 194]. Местными хозяйственными структурами также практиковалось временное перераспределение рабочих по строящимся промышленными объектами. Так, для строительства Хабаровской электростанции в 1932 г. привлекалось около 400 строителей с других строек (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 14. Д. 207. Л. 9)².

Несмотря на организованные наборы, партийно-комсомольские призывы и межотраслевое перераспределение рабочих, на Дальнем Востоке в 1930-е гг. на всём протяжении строительства объектов электроэнергетики существовал дефицит рабочей силы, особенно квалифицированной. К примеру, в первый строительный год на Артёмовской ГРЭС было задействовано только 24 % рабочих от общей потребности. В 1935 г., в третий строительный год, стройка была укомплектована специалистами на 62 %. На всём протяжении возведения ДЭСНА³ в порту Советская Гавань обеспеченность в рабочей силе не превышала 75 % от потребного количества, из-за чего работы затянулись на многие годы (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 34. Д. 337. Л. 27; ГАПК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 3. Л. 13)⁴.

Причины крылись в недостатке трудовых ресурсов на Дальнем Востоке в силу его малонаселённости, особенно в период форсированного строительства и расширения масштабов работ в годы второй пятилетки. В новых осваиваемых районах края полностью отсутствовала возможность пополнения строителей за счёт местных жителей, стройки обеспечивались исключительно заводной рабочей силой.

Профессиональный состав строителей электростанций был разнороден. Характерно, что крестьяне, которые составляли основной костяк энергостроителей, шли работать на стройки, как правило, по специальностям, близким к сельскохозяйственным, – коногонами, возчиками, шорниками. Рабочие

² ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

³ ДЭСНА – Дальневосточная электростанция специального назначения

⁴ РГАЭ – Российский Государственный архив экономики; ГАПК – Государственный архив Приморского края.

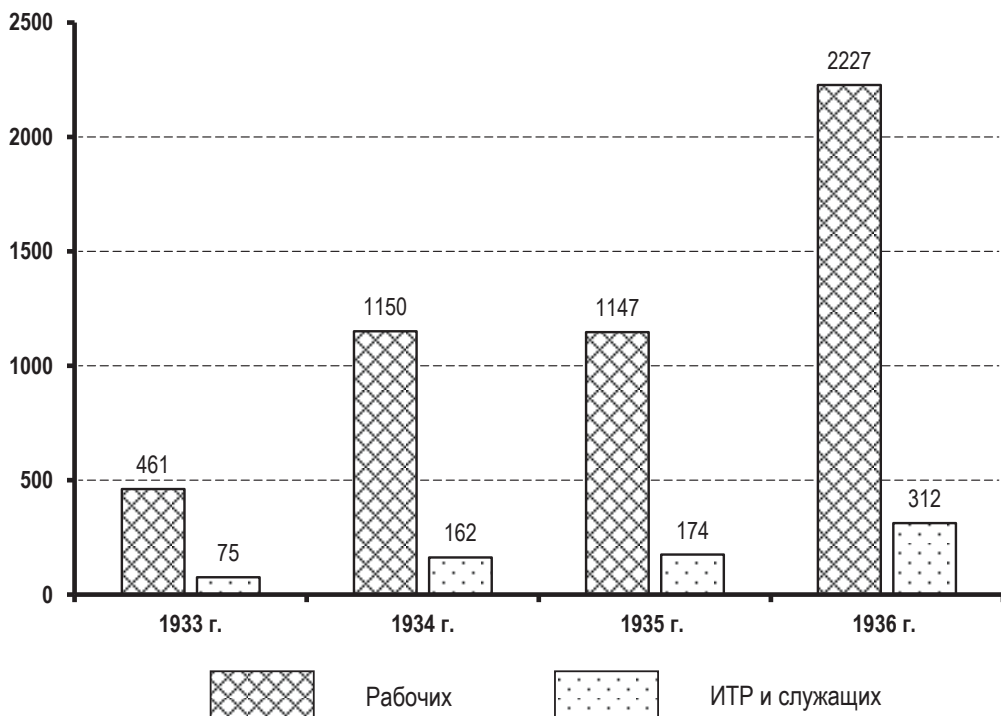

Рис. 1. Численность строителей Артём-ГРЭС-строй в 1933–1936 гг. (чел.)
 Источник: составлено на основе (РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 174. Л. 44).

строительных специальностей – плотники, каменщики, маляры, электрики и слесари – являлись выходцами из западных областей страны. Из рабочих Сибири и Дальнего Востока преобладали грузчики, землекопы, чёрнорабочие. Часть квалифицированных рабочих, особенно монтажников, приглашалась из европейских районов страны. Монтаж агрегатов и электрооборудования на станциях осуществлялся высококвалифицированными специалистами из Ленинграда и Москвы.

Прибывшие из Дальневосточного края, Сибири и других регионов строители жили в деревянных бараках, землянках, палатках, испытывая трудности и лишения. Жилищные условия рабочего посёлка Артём-ГРЭС-строй не соответствовали элементарным нормам: все деревянные помещения были заражены грибком, вентиляция отсутствовала, система отопления бараков являлась пожароопасной, в результате чего происходили частые возгорания (ГАПК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 6. Л. 29–30).

К началу 1935 г. ситуация стала меняться, развернулось строительство нового жилья для рабочих, в частности, построили 20 бараков и несколько индивидуальных домов. В 1936 г. выстроено 93 индивидуальных дома для семейных рабочих с отведением огородов и земельных участков площадью 130 га. К концу 1936 г. общая жилплощадь рабочего посёлка составляла 28300 кв. м., увеличившись по сравнению с 1933 г. в 6 раз (см. рис. 2).

Производственные и жилищно-бытовые условия труда на энергетических стройках края были крайне неудовлетворительными. Охрана и обеспечение безопасности труда находились на низком уровне, в результате чего часто происходили несчастные случаи. Например, на стройплощадке ДЭСНА только за 1937 г. произошло 32 несчастных случая, в результате было потеряно 276 человеко-дней (ГАПК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 3. Л. 15).

Плохие бытовые условия, не отвечавшие нормативным требованиям, нередко приводили к заболеваниям работников. На стройплощадке Хабаровской электростанции в бараках неоднократно фиксировались случаи забо-

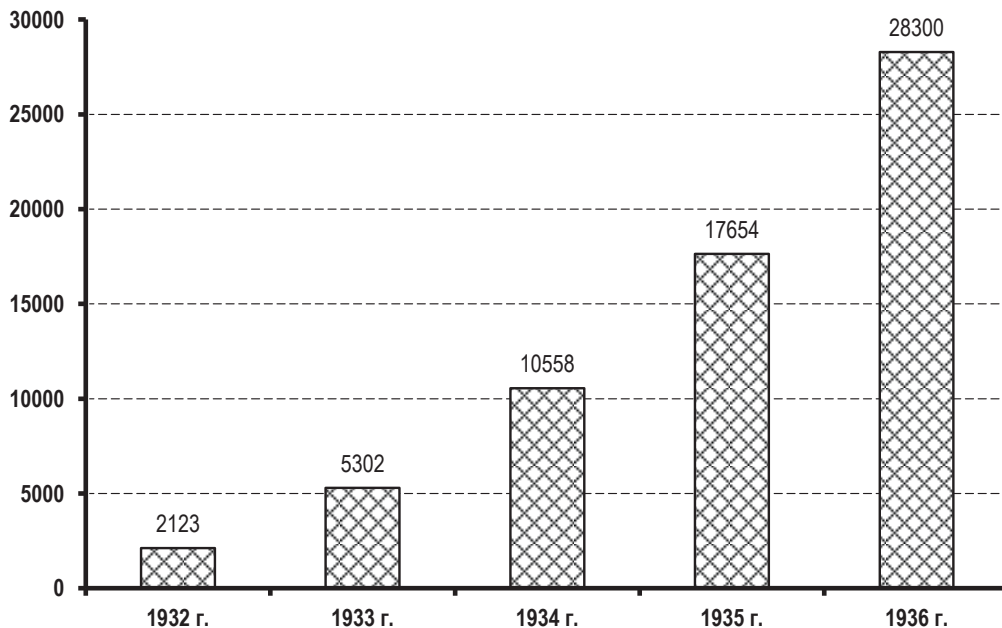

Рис. 2. Рост жилищной площади рабочего посёлка Артём-ГРЭС-строй. 1932–1936 гг. (кв. м)
 Источник: составлено на основе (РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1 Д. 174. Л. 47).

левания рабочих сыпным и возвратным тифом. Качество питания в рабочей столовой не соответствовало нормам (ГАХК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 1. Л. 14).

Вот как описывал трудовые будни начальник строительства Артём-ГРЭС-строй С.М. Яконц в мае 1935 г.: "В части культурно-бытового направления. Закончено строительство клуба, 2-х столовых. Оборудована школа 1-й ступени на 350 человек, оборудована баня на 50 человек одновременного приёма. По части общественного питания. В этом деле большая беда. На стройке отсутствует розничная торговля, в соседних деревнях всё очень дорого. Общественное питание в столовых охватывает не более 50 % коллектива. Снабжение продуктами очень плохое. Обеды низкокалорийные и дорогие. Цена обеда рабочего составляет 1 руб. 50 коп., ударника – 3 руб. 50 коп., ИТР – 6 руб. Это заставляет многих переходить на сухпайки" (ГАПК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 2. Л. 20).

Документы сохранили фамилии тех строителей, которые на Артём-ГРЭС-строй трудились по-стахановски. В 1936 г. бригадир Ищенко выдавал в среднем по 310% нормы в месяц, электросварщик Шергунова – 152%, плотник Кожевников – 196%, грузчик Шелухин – 180 % (РГИА ДВ. Ф. Р-2848. Оп. 1. Д. 164. Л. 6).

Тяжёлые условия труда, бытовая неустроенность и плохое питание приводили к текучести кадров строителей и низкой трудовой дисциплине на производстве. Текучесть кадров являлась одной из причин дефицита квалифицированной рабочей силы.

В первое время из числа прибывших на стройплощадку по организованному набору специалистов большая часть уезжала обратно. В последующие годы положение несколько улучшилось. Из вновь прибывающих работников по оргнабору на 1–3 года большинство оставалось. В последующем кадры энергетиков складывались главным образом из строителей. Основной персонал Артёмовской ГРЭС сложился практически полностью из строителей-монтажников. Это произошло и на Сучанской ЦЭС, Хабаровской электростанции, Комсомольской ТЭЦ-2 и других предприятиях.

За 1932–1937 гг. численность занятых в электроэнергетике работников увеличилось более чем в 2 раза, что было связано с вводом в эксплуатацию новых электростанций и электрических сетей (см. табл. 1).

Таблица 1. Численность дальневосточных энергетиков в 1932–1937 гг. (чел.)

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Общая численность рабочих в крае	468 500	509 500	523 000	573 300	611 300	647 300
В том числе энергетиков	707	804	815	870	900	1800

Источник: составлено на основе [4, с. 82–83; 3, с. 57].

Если общий прирост рабочих и служащих в народном хозяйстве Дальнего Востока составил 38 %, то в электроэнергетике – 254%. Такой же высокий рост наблюдался в металлургии и машиностроении (350%), угольной промышленности (240%) и других отраслях тяжёлой промышленности. Удельный вес энергетиков в общей численности рабочих региона в 1932 г. составлял 0,15 %, в 1937 г. – 0,27% [3, с. 57].

На таких предприятиях, как Владивостокская государственная электростанция (ВГЭС), Артёмовская ГРЭС и Хабаровская коммунальная электростанция (ХЭС) общее количество работников превышало 300–400 чел. По мере развития региональной электроэнергетики, технического прогресса и совершенствования её кадров рос удельный вес инженерно-технического персонала в общей численности работников энергетических предприятий. Если в 1928 г. инженерные работники в среднем по электростанциям края составляли 1–2 % от численности персонала, то по данным 1939 г. этот показатель поднялся до 10% (см. табл. 2).

Однако средний уровень концентрации рабочих электростанций региона не претерпел существенных изменений в связи с возникновением мелких промышленных электростанций, где рабочие исчислялись десятками и единицами. Если на одной из старейших станций региона ВГЭС почти 50 % персонала состояло из постоянного кадрового состава работников, имеющего стаж работы от 3 до 10 лет, то коллективы Артёмовской ГРЭС и Хабаровской коммунальной станции состояли преимущественно из молодых рабочих и специалистов, недавно пришедших работать в отрасль (ГАПК. Ф. 34. Оп. 3. Д. 2. Л. 3–об. Д. 47. Л. 5; ГАХК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 4. Л. 51–57)⁵.

Небольшой стаж работы по специальности объяснялся в значительной степени быстрым развитием электроэнергетики и ростом потребностей в специалистах и рабочих. Поэтому производственный стаж работников данной специальности не мог быть высоким.

В процессе формирования состава дальневосточных энергетиков одной из проблем стала их профессиональная подготовка. Она в значительной степени осложнялась малограмотностью и неграмотностью крестьян, которые являлись основным источником пополнения рабочих строителей и эксплуатационников. Строительство же новых электростанций и особенно их эксплуатация требовали подготовленных квалифицированных специалистов.

В электроэнергетике подготовка специалистов осуществлялось за счёт обучения непосредственно на самих предприятиях. Большую роль в подготовке кадров играли школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), которые организовывались при электростанциях. В частности, в 1926 г. на Хабаровской городской станции открылась первая в крае электропрофшкола, которая готовила электромехаников [4, с. 89]. С момента запуска первой очереди Сучанской ЦЭС в 1931 г. на предприятии открылись годовичные курсы подготовки электромонтёров, электрослесарей и электриков (ГАПК. Ф. 495. Оп. 2. Д. 83. Л. 103). На новой Хабаровской коммунальной электростанции проводились трёхмесячные курсы, на которых обучались рабочие основных профессий: машинисты котлов, турбин, электрики и слесари. В июне 1933 г. ВЛКСМ направил на курсы подготовки кадров ХЭС 30 комсомольцев. На Владивостокской электростанции за 1936 г. на курсах по различным рабочим

⁵ ГАХК – Государственный архив Хабаровского края

Таблица 2. Численность работников крупных электростанций Дальнего Востока на 1 января 1939 г. (чел.)

Электростанции	Рабочие	Служащие	ИТР	Всего
Артёмовская	401	38	50	489
Владивостокская	278	65	38	381
Хабаровская	295	102	40	437

Источник: составлено на основе (ГАХК. Ф. 719. Оп. 23. Д. 1. Л. 21 об; ГАПК. Ф. 34. Оп. 3. Д. 47. Л. 5).

профессиям обучилось 147 чел. (ГАХК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 1. Л. 34; ГАПК. Ф. 34. Оп. 3. Д. 2. Л. 4).

Курсовая система подготовки специалистов непосредственно на электропредприятиях дала значительный контингент рабочих-энергетиков. При этом курсовая подготовка велась не только на крупных электростанциях, но и на промышленных, принадлежавших разным ведомствам.

Основную массу специалистов со среднетехническим образованием для Дальневосточного края готовили Владивостокский индустриальный техникум, в котором открылось электромеханическое отделение, и Иркутский энергетический техникум. К 1929 г. на Дальнем Востоке было подготовлено 106 среднетехнических специалистов по электрификации [9, с. 214]. Специального энерготехникума в регионе создано не было. Техники-энергетики готовились в различных среднетехнических заведениях, которых в начале 1930-х гг. на Дальнем Востоке насчитывалось уже 20 [6, с. 93].

Документы по кадрам Хабаровской коммунальной станции за 1935 г. (второй год работы станции) свидетельствуют, что на предприятии коллектив со среднетехническим образованием состоял в основном из лиц, окончивших Владивостокский, Хабаровский и Благовещенский техникумы, но значительную часть составляли лица, получившие образование в отраслевых энергетических техникумах Сибири (ГАХК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–57). Следовательно, местные среднетехнические учебные заведения не удовлетворяли потребность края в квалифицированных кадрах, хотя нужно учитывать, что практиковалось и распределение специалистов после окончания учебного заведения.

Важнейшим являлся вопрос подготовки на Дальнем Востоке инженерных кадров для электроэнергетической отрасли. Потребность в специалистах высшей квалификации росла из года в год, а с началом индустриализации и строительства новых электростанций увеличилась в разы. Формирование инженерного образования представляло собой длительный, затратный и сложный процесс, который требовал государственного финансирования.

В 1926 г. при механическом отделении Государственного Дальневосточного университета, помимо электромеханической специальности, открылась ещё одна – энергетическая. Выпуск инженеров непосредственно для электроэнергетики в 1923–1928 гг. был скромным. За это время дипломы получили всего три специалиста: два инженера-энергетика и один инженер-теплотехник (ГАПК Ф. Р-52. Оп. 10. Д. 234. Л. 33).

Острая необходимость в более широкой подготовке собственных инженерных кадров для электроэнергетики обусловила преобразование 1 октября 1929 г. технического факультета ГДУ в Дальневосточный политехнический институт. Крупнейшим факультетом ДВПИ стал механический, который готовил инженеров по 7 специальностям, в том числе по электротехнической, энергетической и теплотехнической [5, с. 22].

Едиственный дальневосточный технический вуз не мог справиться с задачей по обеспечению отраслей местной промышленности инженерно-техническими специалистами. В электроэнергетике в 1930-е гг., как и в дореволюционный период, потребность в инженерных кадрах удовлетворялась в основном за счёт выпускников центральных вузов и прикомандирования из

других регионов, а на многих ведомственных станциях инженерно-технические специалисты и вовсе отсутствовали. Крупные предприятия укомплектовывали инженерный персонал, привлекая только специалистов из других районов страны. К примеру, на Хабаровской коммунальной электростанции в 1938 г. из 40 инженеров практически все имели дипломы Томского индустриального института, Московского энергетического института и других центральных высших технических учебных заведений страны (ГАХК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–57).

За 1928–1939 гг. в ГДУ и ДВПИ выпустили 10 инженеров-электротехников и 89 инженеров-теплотехников (см. табл. 3).

Вуз не обеспечивал и пятую часть от потребностей энергетического хозяйства Дальнего Востока в специалистах высшей квалификации. Набор студентов на энергетические специальности в эти годы исходил не из реального количества инженеров, требующихся для электростанций и отраслей промышленности, а производился хаотично и субъективно [10, с. 84].

Одной из проблем в формировании коллективов дальневосточных энергетиков являлось их сохранение и закрепление вследствие движения кадров, особенно рабочей силы. Материалы кадровых отчётов электростанций свидетельствуют о том, что больше половины рабочих уходило с предприятий по собственному желанию, почти четверть увольнялась за нарушение трудовой дисциплины и по сокращению штатов, незначительная часть покидала предприятия в связи с уходом в армию. Согласно годовому отчёту ВГЭС за 1936 г., на предприятие было принято 186 чел., а уволено – 189 чел. Кадровая нестабильность отмечалась и на ХЭС: за 1938 г. приняли 372 чел. и уволили столько же. Она порождалась целым комплексом причин. Одной из основных была нехватка или отсутствие жилья. Если, например, сотрудников ВГЭС частично обеспечивали квартирами, то для персонала ХЭС жильё не предоставлялось вовсе. В постановлении Бюро Далькрайкома ВКП (б) от 10 августа 1936 г. "О ходе индивидуального жилищного строительства в тяжёлой промышленности" отмечалось, что выполнение плана по строительству жилья по всем предприятиям Наркомтяжпрома сорвано, особенно сложная ситуация наблюдалась по электростанциям в Комсомольске-на-Амуре, Хабаровске и Владивостоке. Из 10 млн. руб., выделенных на жилищное строительство, использовали только 300 тыс., или 3% от суммы (ГАПК. Ф. 34. Оп. 3. Д. 2. Л. 3–об; Д. 23. Л. 3; Ф. 434. Оп. 1. Д. 11. Л. 7; ГАХК. Ф. 719. Оп. 23. Д. 1. Л. 3–об, 9).

Другая причина – неудовлетворительные условия труда рабочих-энергетиков и техников. Например, на ХЭС в котельном цехе отсутствовала вентиляция, люди задыхались от копоти и дыма, имелись случаи сильного отравления работников. Нередко условия труда усугублялись недостатком спецодежды (ГАХК. Ф. 719. Оп. 23. Д. 1. Л. 9). Наиболее высокая текучесть наблюдалась среди кочегаров котельных и грузчиков угольных складов, а также других категорий рабочих профессий.

Кадровая нестабильность на дальневосточных электростанциях была характерна для рабочих энергетиков основных профессий и для инженерно-технического и управленческого состава предприятий. Аварии на станциях, срывы производственных планов, перебои в подаче электроэнергии приводили к отстранениям от занимаемых должностей и арестам директоров, главных инженеров, начальников отделов. Так, регулярные перебои в работе Хабаровской электростанции приводили к частой смене её руководителей, главных инженеров, ответственных лиц. В январе 1937 г. "за безобразную работу электростанции" был снят очередной директор станции Коробкин, долго не продержавшийся на своей должности [13].

В годы репрессий пострадал управленческий коллектив Артёмовской ГРЭС. В 1936 г. на электростанции произошло 63 аварии в системе подачи воды. В сентябре 1937 г. предприятие полностью остановилось из-за того, что в котельную прорвалась вода и затопила котлы (ГАПК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 6. Л. 25). Эти и другие факты послужили основанием для обвинения следственными органами руководства строительства и эксплуатации станции в саботаже, "шпионской деятельности и создании троцкистской организации, готовившей террористические акты". В результате 17 человек, большинство из которых были руководителями и инженерно-техническими работниками предприятия, оказались приговорёнными к высшей мере наказания – рас-

Таблица 3. Выпуск специалистов с инженерным образованием на Дальнем Востоке в 1918–1939 гг. (чел.)

Специальности	1918–1922 гг.	1923–1927 гг.	1928–1939 гг.
Электротехническая	1	1	10
Теплотехническая	–	1	89
Всего:	1	2	99

Источник: составлено на основе (ГАПК. Ф. Р-52. Оп. 10. Д. 234. Л. 33).

стрелу. В этот список попали начальник строительства Артёмовской ГРЭС С.М. Яконц, главный инженер Э. М. Меерович, главный экономист С.Г. Андреев, начальник технического отдела И. И. Воздвиженский, начальник турбинного цеха И.А. Глазков, старший мастер котельно-механической мастерской К.И. Котов. В 1956 г. все они были реабилитированы за отсутствием состава преступления [16, с. 47].

Необходимо отметить, что пуск Артёмовской ГРЭС произвели согласно строгому указанию сверху тогда, когда строительные работы ещё не были завершены. В результате станцию приняли во временную эксплуатацию с грубыми нарушениями и без подготовки основных вспомогательных построек: водоснабжения во всех его частях, углеподачи и разгрузочной эстакады, склада под хранение угля, канализации и пожарной части, материального склада и механических мастерских. В некоторых случаях оборудование станции оказалось с дефектами. Серьёзные проблемы наблюдались в системе подачи воды с морской примесью, для чего потребовалось проведение в последующем целевых научно-исследовательских работ для обеспечения эксплуатационной надёжности станции (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 34. Д. 337. Л. 27).

Власти и следственные органы не учитывали сложностей в строительстве и эксплуатации крупных электростанций в дальневосточных условиях, выискивая причины неудовлетворительной работы предприятий непосредственно в людях, героическим трудом их строивших. Эта была одна из самых трагичных станиц в истории дальневосточной электроэнергетики, как и всей страны.

В закреплении кадров важным оставался вопрос уровня заработной платы. В 1920-е гг. средняя заработная плата работников коммунальных электростанций не превышала среднюю заработную плату по краю [14, с. 82; 11, с. 14]. С началом энергетического строительства заработная плата работников коммунальных станций оказалась ниже аналогичных на станциях промышленных предприятий, что также приводило к оттоку рабочей силы. Постановлением СНК РСФСР от 8 декабря 1933 г. "О мероприятиях по улучшению эксплуатации коммунальных электростанций" заработная плата работников станций ДВК была повышена до уровня аналогичных профессий ведущих отраслей местной промышленности (ГАХК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 1. Л. 63).

Рядом постановлений СНК РСФСР с 1 января 1934 г. повышалась заработная плата в основных отраслях народного хозяйства Дальнего Востока на 20 %, в результате чего в 1934 г. среднемесячная зарплата рабочей силы в регионе составляла 249 руб., в то время как в среднем по стране – 207 руб. [4, с. 100]. По данным годового отчёта ВГЭС за 1936 г., работники основных профессий предприятия получали в среднем по 280 руб. в месяц (ГАПК. Ф. 34. Оп. 3. Д. 5. Л. 20–22).

Таким образом, в 1920–1930-е гг. сформировались коллективы дальневосточных энергетиков. Складывание трудовых коллективов проходило в непростых трудовых, социально-бытовых и политических условиях, характерных для страны в этот период в целом и для региона в частности. Тем не менее, несмотря на все сложности, были подготовлены и сформированы основные производственные кадры крупных электростанций края.

Благодаря упорному и самоотверженному труду строителей и энергетиков на дальневосточной окраине страны появились первые крупные фабрики производства электроэнергии. Созданная их руками электроэнергетическая инфраструктура стала основой для модернизации Дальнего Востока.

Литература

1. Аргудяева Ю.В. История формирования рабочего коллектива Артём ГРЭС им. С.М. Кирова Приморского края // История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции национальных регионов Сибири. Улан-Удэ, 1971. С. 49–52.
2. Большух А.В. Трудовые подвиги рабочего класса на новостройках Дальнего Востока (1932–1936 гг.) // Дальневосточный государственный университет. Учёные записки. Владивосток, 1968. Т. 23. С. 190–205.
3. Большух А.В. Численность и состав промышленных рабочих Дальнего Востока в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) // Дальневосточный университет. Учёные записки. Т. 9. Серия историческая. Владивосток, 1967. С. 54–63.
4. Глущенко И.И. Рабочий класс советского Дальнего Востока в переходный к социализму период (1922–1937 гг.). Владивосток, 1986. 184 с.
5. Дальневосточный государственный университет. Отчёт за 1926–27 гг. Владивосток, 1928. 66 с.
6. ДВК в цифрах. Статистический справочник на 1932 г. Хабаровск, 1932. 65 с.
7. ДВПИ за 40 лет (1918–1958): сб. ст. к 40-летию института. Владивосток, изд-во ДВПИ, 1958. 54 с.
8. Итоги Всероссийской городской переписи 1923 года на Дальнем Востоке. Серия III. Данные о промышленных заведениях. Хабаровск, 1925, Вып. 3. 97 с.
9. Кулинич Н.Г. Повседневная культура горожан советского Дальнего Востока в 1920–1930-е гг. Хабаровск, 2010. 310 с.
10. Маклюков А.В. Подготовка инженерных кадров для электроэнергетики на Дальнем Востоке России (1918–1948) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 3. С. 78–86.
11. Основные показатели по труду ДВК. Хабаровск, 1928. 143 с.
12. Районы Дальневосточного края (без Камчатки и Сахалина). Хабаровск, Дальневост. краевое изд-во, 1931. 320 с.
13. Тихоокеанская звезда. 1937. 9 января.
14. Труд в ДВК. Статистический справочник 1923, 1924 и 1925 г. Хабаровск, 1926. 94 с.
15. Фомина Л.В. Осуществление плана ГОЭРЛО и электрификация промышленности. Дисс... канд. экон. наук. М., 1984. 140 с.
16. Юшина Н. Их реабилитировали посмертно // Дальневосточный энергопотребитель, 2009. № 5. С. 47.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Argudyaeva YU.V. Istoriya formirovaniya rabocheho kollektiva Artyom GREHS im. S.M. Kirova Primorskogo kraya // Istoriya rabocheho klassa, krest'yanstva i intelligentsii natsional'nykh regionov Sibiri. Ulan-Udeh, 1971. S. 49–52.
2. Bol'bukh A.V. Trudovye podvigi rabocheho klassa na novostrojках Dal'nego Vostoka (1932–1936 gg.) // Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet. Uchyonye zapiski. Vladivostok, 1968. T. 23. S. 190–205.
3. Bol'bukh A.V. CHislennost' i sostav promyshlennykh rabochikh Dal'nego Vostoka v gody vtoroj pyatiletki (1933–1937 gg.) // Dal'nevostochnyj universitet. Uchyonye zapiski. T. 9. Seriya istoricheskaya. Vladivostok, 1967. S. 54–63.
4. Glushhenko I.I. Rabochij klass sovetskogo Dal'nego Vostoka v perekhodnyj k sotsializmu period (1922–1937 gg.). Vladivostok, 1986. 184 s.
5. Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet. Otchyt za 1926–27 gg. Vladivostok, 1928. 66 s.
6. DVK v tsifrakh. Statisticheskij spravochnik na 1932 g. Khabarovsk, 1932. 65 s.
7. DVPI za 40 let (1918–1958): sb. st. k 40-letiyu instituta. Vladivostok, izd-vo DVPI, 1958. 54 s.
8. Itogi Vserossijskoj gorodskoj perepisi 1923 goda na Dal'nem Vostoke. Seriya III. Dannye o promyshlennykh zavedeniyakh. Khabarovsk, 1925, Vyp. 3. 97 s.
9. Kulinich N.G. Povsednevnyaya kul'tura gorozhan sovetskogo Dal'nego Vostoka v 1920–1930-e gg. Khabarovsk, 2010. 310 s.
10. Maklyukov A.V. Podgotovka inzhenernykh kadrov dlya ehlektroehnergetiki na Dal'nem Vostoke Rossii (1918–1948) // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2016. № 3. S. 78–86.

11. Osnovnye pokazateli po trudu DVK. Khabarovsk, 1928. 143 s.
12. Rajony Dal'nevostochnogo kraja (bez Kamchatki i Sakhalina). Khabarovsk, Dal'nevost. kraevoe izd-vo, 1931. 320 s.
13. Tikhookeanskaya zvezda. 1937. 9 yanvara.
14. Trud v DVK. Statisticheskij spravochnik 1923, 1924 i 1925 g. Khabarovsk, 1926. 94 s.
15. Fomina L.V. Osushhestvlenie plana GOEHRLO i ehlektrifikatsiya promyshlennosti. Diss... kand. ehkon. nauk. M., 1984. 140 s.
16. YUshina N. Ikh rehabilitirovali posmertno // Dal'nevostochnyj ehnergotrebitel', 2009. № 5. S. 47.

Маклюков А.В. Формирование производственных кадров электроэнергетики на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг.

В статье рассматриваются вопросы формирования производственных кадров электроэнергетики на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг. Показано, что складывание трудовых коллективов дальневосточных электростанций проходило в непростых трудовых, социально-бытовых и политических условиях, характерных для страны в этот период в целом и для региона в частности. Автор приходит к выводу, в 1920–1930-е гг. были подготовлены и сформированы основные производственные кадры крупных электростанций края. Благодаря труду энергетиков на дальневосточной окраине страны появились первые крупные фабрики производства электроэнергии, что способствовало модернизации региона.

Ключевые слова: электроэнергетика, электростанции, энергетики, инженеры, Дальний Восток СССР

Maklyukov A.V. Formation of electric power industry personnel in the Far East of the USSR in 1920-1930s.

The article deals with the formation of industrial personnel in the electric power industry in the Far East of the USSR in the 1920–1930s. It is shown that the folding of labor collectives of Far Eastern power plants took place in the difficult labor, social and political conditions typical for the country in this period in general and for the region in particular. The author comes to a conclusion, in 1920–1930s. the main production personnel of large power stations of the region were prepared and formed. Thanks to the work of power engineers in the Far Eastern outskirts of the country there were the first large factories producing electricity, which contributed to the modernization of the region.

Key words: power engineering, power stations, power engineering, engineers, the Far East of the USSR

Для цитирования: Маклюков А.В. Формирование производственных кадров электроэнергетики на Дальнем Востоке СССР в 1920–1930-е гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 62–71. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/62-71

For citation: Maklyukov A.V. Formation of electric power industry personnel in the Far East of the USSR in 1920–1930s // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 2. P. 62–71. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/62-71

УДК 39(571.63)(=941.135)

Исаев А.А.

Реакция городского населения Дальнего Востока СССР на займовые кампании в 1930-е–1941 гг.

Распространение денежных займов играло важную роль в деле социалистического развития СССР, поэтому каждый его житель должен был принять участие в подписке. Власть рассчитывала при помощи активного использования займов внутри страны покрыть значительную часть бюджетных расходов. Если первоначально подписка на займ являлась добровольной, то уже с конца 1920-х гг. добровольность подменялась массивным политико-психологическим принуждением. При этом официально участие в кредитных операциях государства по-прежнему декларировалось как проявление свободного волеизъявления трудящихся города и деревни.

Проблема анализа процесса организации, проведения и результатов займовых кампаний в СССР в предвоенный период получила развитие в историографии ещё в 1920-е–1930-е гг. [1; 2; 7; 17; 19; 20; 21]. В данных работах выявлялись причины и варианты процесса осуществления займовой политики государства. В послевоенный советский период так же, как и в предвоенный, освещение данной тематики шло поверхностно, поскольку необходимость в этом отсутствовала, в связи с тем, что считалось, что займовые кампании воспринимались народными массами с радостью и воодушевлением [4; 9; 15; 16]. При этом подчёркивалось, что очередной новый займ необходим для закрепления завоеваний социализма. В постсоветский период в связи с открытием архивных материалов для общественности, а также появлением междисциплинарного подхода и его внедрением в историческую науку началось активное исследование процесса проведения займовых кампаний. Как правило, в таких работах основной упор делался на выявлении общих экономических [3; 5; 6], политических [10], социальных принципов проведения займовой политики. Вместе с тем ряд исследователей начал затрагивать проблему добровольности и принуждения в ходе подписки на займ [11; 12; 13; 14], а также самого отношения к данному процессу со стороны населения страны [8]. Однако комплексного исследования реакции городского населения Дальнего Востока СССР на процесс организации и осуществления займовых кампаний до сих пор практически нет.

Развитие индустриализации в СССР требовало больших финансовых ресурсов, которые в условиях социально-экономической изоляции страны можно было получить в основном только за счёт установления жёсткого контроля над денежными накоплениями населения. Смена финансово-экономической политики государства способствовала росту роли долгосрочных государственных займов. Однако значительные суммы по займам могли обеспечить только ударники и передовики производства, чья заработная плата была на порядок выше среднего уровня. Своим примером они продвигали главную идею данной политики, которая состояла в обеспечении максимально широкого охвата работающего населения городов участием в кредитных операциях государства.

Советское руководство понимало, что накопленный населением финансовый ресурс ограничен и быстро сойдёт на нет, что в условиях острого дефицита может усложнить отношения населения к государственной политике. Поэтому принимались соответствующие меры прямого, но чаще косвенного социально-экономического и политико-идеологического давления на граждан. Утверждалось, что "участие в займе – дело классовой совести, чести и сознания трудящегося", официальная пропаганда не только призывала про-

демонстрировать "образцы большевистской сознательности при подписке", "по-ударному реализовать новый заем", но и подвергала суровой критике тех, кто подписывался на маленькие суммы или отказывался от подписки. Одним из наиболее действенных методов обеспечения участия населения в займах являлось усиление политического и эмоционально-психологического накала соответствующих кампаний. В первую очередь, это достигалось за счёт развития тезиса о возрастающей военной угрозе со стороны империалистического окружения СССР, целенаправленной и массовой эксплуатации знаменитой сталинской "аксиомы" об обострении классовых борьбы по мере продвижения Советского Союза к социализму. Немаловажную роль играло и противопоставление участия в займах возрастающему сопротивлению разного рода "вредителей", "правых реставраторов капитализма" и "затаившихся классовых врагов" [14, с. 66]. Об этом, в частности, говорили тексты лозунгов, которые также продемонстрировали основные направления по поддержанию и финансированию тех или иных аспектов государственной политики. "В капиталистических странах – бесправие, нищенское положение рабочих и крестьян. У нас – Сталинская конституция, у нас счастливая, радостная, зажиточная жизнь трудящихся. Подпиской на Заем ... ещё выше поднимем культурный уровень и зажиточность народов СССР!"; "Учителя, агрономы, инженеры, техники, врачи, работники искусств, учёные! Советское государство обеспечило высокое развитие культуры, науки и техники в стране победившего социализма! Дружной подпиской на Заем ... дадим новые средства для дальнейшего развития советской науки и техники!" и др. (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 746. Л. 217–219)¹.

В ходе займовых кампаний помимо добровольности присутствовали элементы принуждения и администрирования, что являлось общей тенденцией перехода экономики к директивно-плановой модели развития. Постепенно политико-идеологическое давление на городское население в период проведения займов становилось более агрессивным, что отражало особенности исторического периода. Ответственный работник Наркомата финансов СССР И.В. Эпштейн в своём выступлении заявлял: "Мы будем осуществлять моральное воздействие. По первому займу индустриализации мы это делали стыдливо. Сейчас мы говорим открыто, что хотим создать такое настроение на предприятиях и в учреждениях, при котором станет зазорным не купить заем. Интересы отдельного работника должны быть подчинены общим интересам" [13, с. 294].

На Дальнем Востоке СССР в преддверии очередной займовой кампании местное партийно-политическое руководство в лице Дальневосточного краевого комитета (далее – Далькрайком) ВКП(б) заранее получало из Москвы соответствующие постановления и распоряжения. По каждому региону утверждалось контрольное задание, данное Наркоматом финансов, – какая сумма должна быть собрана с определённой социально-экономической группы населения. Далее они направлялись в областные комитеты ВКП(б), которые должны были в течение 5 дней довести контрольные задания до районных комитетов ВКП(б). Они варьировались от одного до трёх или четырёхнедельного заработка работника при 100% охвате подпиской населения. После опубликования соответствующего декрета о займе, в районы командировались ответственные представители для помощи в размещении займа. Реализация займа в городах и посёлках должна была быть обеспечена в течение 10 дней со дня опубликования закона о займе. Краевой совет профсоюзов и Крайком ВЛКСМ разворачивал через профсоюзные и комсомольские организации работу по подписи на заем среди населения края. Для более широкого охвата трудящихся использовались средства массовой информации. Редакции региональных газет "Тихоокеанская Звезда", "Тихоокеанский комсомолец", "Красное Знамя" и других областных и районных газет Дальнего Востока были обязаны опубликовать декрет о новом займе и развернуть работу по разъяснению трудящимся назначения советских займов и их выгоды для населения (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 342. Л. 87–88).

На предприятиях, организациях и в учебных заведениях проводились закрытые партийно-комсомольские собрания, на которых утверждался план

¹ ГАПК – Государственный архив Приморского края.

проведения мероприятий по эффективной реализации займа. Основой этого плана являлось проведение широкой политико-идеологической работы, которая осуществлялась специально подготовленными агитаторами и пропагандистами в цехах, рабочих общежитиях, на судах, в портовых учреждениях, в депо и т.д. Здания предприятий и организаций накануне проведения займов празднично оформлялись плакатами и лозунгами. Выпускались стенные газеты, создавались фотовитрины с демонстрацией работников, которые внесли большие суммы в дело государственного строительства (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 370. Л. 97). На все суда, находящиеся в плавании, передавались соответствующие радиogramмы с разъяснением форм и методов работы по размещению очередного займа (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 35. Л. 19).

На организованных митингах и собраниях выступали партийные и производственные руководители, а также передовики производства с призывами поддержать займовую кампанию, делая акцент на особенности внутренней и внешней политики СССР. Так, в обращении кандидата ВКП(б) Дроглобова на митинге в паровозовагоноремонтном заводе в г. Ворошилово говорилось: "Японские самураи тянут свои грязные лапы на наш Советский Союз. Для того чтобы отрубить им эти грязные лапы, мы, рабочие-кузнецы, все как один подпишемся на этот займ. Я подписываюсь на месячный оклад". Ему вторил землепок Труфанов: "Учитывая сложившуюся международную обстановку, я лучше откажу себе в излишних потребностях, а государству помощь тем, чтобы фашистские агрессоры ещё раз почувствовали сплочённость нашего народа и крепость наших границ" (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 14. Л. 45-47). Выступивший на митинге подразделения военизированной охраны ДВМФ кандидат ВКП(б) Чёрных заявлял: "Я приветствую постановление нашего правительства о выпуске нового займа, направленного на укрепление обороноспособности нашей цветущей родины и улучшение культурной жизни трудящихся. Мой оклад 150 рублей. Я подписываюсь на 200 рублей" (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 21. Л. 14). Во время подписки на Заем 1940 г. в вагоно-ремонтном пункте станции Ружино, плотник Сторожук говорил: "Нам ни одна капиталистическая страна средств не даёт в займы, и нам нужно укреплять оборону страны, и мы должны на угрозу врагам и хищникам капиталистам ответить 100% подпиской на заем" (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 62. Л. 124).

Данные высказывания и активная подписка на Займ демонстрировали поддержку мероприятий правительства со стороны рабочих и служащих. Вкладывая свои финансовые ресурсы, которые во многом были ограничены, население региона рассчитывало на то, что государство грамотно распорядится ими и создаст т.н. "светлое будущее", а именно социалистическое справедливое государство, которое обещали большевики после прихода к власти. Она же (власть) в свою очередь рассчитывала привлечь финансы населения к делу построения социализма. В условиях классовой борьбы и осложнения внешне-политической обстановки в 1930-е гг. это было особенно актуально.

Реализация займа, согласно официальной отчётной информации, как правило, проходила с большим энтузиазмом. Так, на пароходе "Свердловск" 15 апреля 1934 г. сразу после митинга, о выпуске Займа 2-й пятилетки подпиской было охвачено 90% команды (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 612. Л. 264-265)². Во время подписки на Займ 2 августа 1939 г. на заводе им. Орджоникидзе в г. Хабаровске за первые 3 часа по подписке было собрано около 250 000 руб. В Сталинском районе г. Хабаровска за несколько часов трудящиеся района подписались на 3 074 000 руб., что составило 50,7% от фонда зарплаты (ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 203. Л. 116).

Во время реализации Займов значительная часть трудящихся активно поддерживала данный процесс. Так, швейцар вокзала станции Хабаровск-1 Сорокопуд во время подписки на заем высказался: "Я подписываюсь на оклад и думаю, что будет стыдно тем, кто подпишется меньше, ведь посмотрите, как на наших глазах строится Хабаровск, нам строят 4-х этажную школу, в которой будут учиться наши дети, на это просто радостно смотреть". Чернышёв, носильщик вокзала станции Хабаровск, заявлял: "Я подписываюсь на 300 руб., а ведь строю свой дом, но как-нибудь обойдусь. Ребята же школой будут обеспечены, а эти деньги у государства не пропадут". Начальник группы ма-

² ГАХК – Государственный архив Хабаровского края

териальной службы управления ДВЖД Спицын, по вопросу о займе, указал: "Дать заем государству нужно, так как эти деньги идут на улучшение нашего же быта. Давая деньги государству, каждый улучшает жизнь самому себе" (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 944. Л. 272-273).

Часты были случаи, когда подписавшиеся просили об увеличении суммы подписки. Например, на пароходе "Воровский", после оглашения хода подписки, матросы Четвертнов и Кириченко явились с просьбой об увеличении суммы подписки. На пароходе "Шмидт" не было ни одной подписи давшего менее 100% месячной заработанной платы (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 612. Л. 266).

В Дальневосточном государственном морском пароходстве было охвачено 97% работников на общую сумму подписки 206 000 руб., что составило 106% от плана. По управлению Морфлота подписка прошла полностью за один день (2 июля 1936 г.), и ею было охвачено 98% всех работников на сумму 111 600 руб., что составило 110% выполнения (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 175).

На митинге коллектива радиостанции им. Фрунзе кроме членов коллективов присутствовало 10 домохозяек, которые подписались на 900 руб. На стройке ГВФ подпиской было охвачено 22 человека на сумму 25 700 руб. Коллектив предприятия Дальвзрывпрома собрал средства на сумму 33 610 руб., что превышало месячный фонд зарплаты на 610 руб. По Дальневосточной железной дороге подпиской было охвачено 10 722 чел., на сумму 3 981 305 руб. В Бикинском районе 347 работающих собрали средства на сумму 110 636 руб. Трудящиеся Еврейской Автономной области в первый день сбора средств, 2 августа 1939 г., обязались передать в фонд займа 3 975 000 руб. (ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 203. Л. 115-118).

Призывы к участию в займовых кампаниях получили положительный отклик и в среде верующих Дальнего Востока, несмотря на то, что в рассматриваемый период они подвергались преследованию со стороны властей [18, с. 295].

Наряду с общим подъёмом и политической активностью коллективов предприятий и организаций имели место отдельные проявления несогласия и недовольства подпиской, которые проявлялись в попытках затормозить или сорвать подписку на Заем. Так, в 1932 г. на собрании актива судового комитета, его председатель Говорин, член ВКП(б), выступил со словами: "Ещё не успели выплатить за этот заем, а тут тебе уже другой подсовывают. Все у нас из кармана тянут, а нам ничего не дают". За эту фразу Говорин был снят с работы с вынесением ему строгого выговора (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 8. Д. 4. Л. 3). На пароходе "Уэлен" механик Сивицов подписался на 40%, а когда ему стали задавать вопросы о причинах он ответил: "Если будете указывать, то я совсем не подпишусь" (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 612. Л. 266). В 1935 г. члены коллектива Владивостокского торгового порта – комсомольцы Роянов и Шадрин (из демобилизованных красноармейцев) отказались подписаться и сагитировали 13 чел. членов своей бригады, заявляя: "Нам ничего не дают, а все с нас берут, много нам обещали при вербовке из армии на работу в район, обещанного не сдержали". Заведующий причалом Новак отказался от подписки со словами: "Вы бросьте меня агитировать и убеждать, я и без вас все знаю, куда идут займы, подписка добровольная, поэтому я не буду подписываться". Грузчик Воробьев, несмотря на общественное воздействие бригады, подписался лишь на 100 руб. и с иронией заявил: "Пусть разбогатеют на мои 100 руб. и построят лишний винтик на самолёт!". В марте 1933 г., выступая на общем собрании хозяйственной бригады в депо станции "Бочкарево", бригадир Подопригора заявлял: "Деньги за заем платим, и берут ежегодно, а улучшений для рабочих не видно. Сейчас, подписываясь на заем, нужно постоянно контролировать правильность использования средств, куда они пойдут, а то опять уйдут и неизвестно на что" (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 768. Л. 196). Свой протест против участия в подписной кампании, отражавший настроения части рабочих, озвучил рабочий станции Хабаровск Матвейчук, который заявлял: "Ну, а я подписываться не буду, лучше пропью, но на заем ни копейки не дам, они мои кровные, и никто у меня их не может отнять" (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 944. Л. 273-274).

Некоторые рабочие категорически отказывались от подписки на займ по причине низкой оплаты труда. Часть подписывалась только на минимальные суммы от 50 до 200 руб., при среднем заработке от 280 до 500 руб. Во время подписки имели место следующие заявления: "Денег и так мало, а вы тут ещё с займом", "Возьмите 20 руб. и отстаньте от меня" (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 370. Л. 98об-99). Это происходило далеко не всегда из-за прямой ненависти к государственной политике, а в основном из-за низкой оплаты труда и других социально-экономических проблем, которых было много в 1930-е гг. Так, например, в августе 1939 г. на швейной фабрике г. Биробиджана отказались от подписки 9 человек (ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 203. Л. 119). Бригада женщин-работниц Дальстройвода отказалась подписываться на заем, мотивируя плохими и тяжёлыми условиями труда, временностью работ и низкими заработками. После проведения с ними политико-идеологической беседы прикреплённого работника Политотдела Курицыной все женщины подписались на заем (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 21. Л. 16). Рабочий паровозного депо Тиговский заявлял: "Зачем меня насилуйте, вы с меня последнюю рубашку снимаете" (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 62. Л. 125).

В практике проведения кампаний по подписке на Заем порой отмечались случаи организованного сопротивления. Например, в мае 1935 г. все работники обоза военного порта г. Владивостока отказались от подписки. В связи с этим, уполномоченный по подписке работник Лубек был вынужден вторично проводить специальный митинг, после которого с натяжкой на заем подписались 23 чел., остальные 30 чел. категорически отказались (ГАХК. Ф. П-30. Оп. 1. Д. 202. Л. 50).

В ходе подписной кампании имелись примеры явного подлога со стороны официальных лиц. Приехавший из Амурского областного финотдела в посёлок Серышево инструктор Измайллов на собрании пытался дать неверную установку, заявив, что меньше чем на 50 руб. подписка на заем не принимается. Комсомольцы Заречно-Слободнинского прииска Зейской области во главе с секретарём комсомольской ячейки Лоскутовым покинули общее собрание (когда на нем начали обсуждать вопрос о займе), взяли гармошку, вышли на улицу и открыли танцы. В результате, собрание было сорвано (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 945. Л. 206).

Часто слабая активность населения в период подписки на Займ объяснялась неудовлетворительной работой ответственных лиц или вовсе её отсутствием. Подчас проводившие прибегали к методам администрирования, осуществляя давление на население. Имело место и самоустранение ответственных лиц от выполнения своих обязанностей. Все это способствовало отталкиванию желающих от участия в важном для государства деле. Так, согласно информации специальной сводки "О недочётах при реализации займа 2-й пятилетки (выпуск 4-го года) в ДВК" от 3 августа 1936 г. отмечалось, что "начальник Районного отдела связи в г. Комсомольск Милованов член ВКП(б), подписку на заем проводил таким образом – вызывал к себе в кабинет по очереди работников своего аппарата и говорил – "вышел новый заем и работники почты должны подписаться, желательно на месячный оклад". После чего подавал подписной лист". Подобные методы использовали и другие должностные лица. Рабочий Дальпромстроя (г. Комсомольск) Ломыга, критикуя такие методы, говорил: "у нас в цехе подписка прошла без всяких собраний и разъяснений. Я подписался на 200 руб., а зарабатываю 600–700 руб. Если бы подписка производилась на собраниях, в присутствии всех рабочих цеха с разъяснениями, то я, как передовик-производственник, подписался бы на месячный оклад" (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 945. Л. 204–205).

Сам процесс займовых кампаний иногда вызывал недоумение со стороны граждан. Официальная пропаганда рисовала образ страны как самой богатой, которая нуждается в частичной помощи со стороны её граждан для преодоления небольших финансовых затруднений в результате "враждебного капиталистического окружения". Однако различные финансовые сборы, которых с каждым годом становилось больше, демонстрировали лукавство властных структур. Особое неудовольствие граждане высказывали в преддверии конверсии (обмена старых облигаций на новые, без розыгрыша) предыдущих займов. Лейтенант полка железнодорожного корпуса Сахарчук в кругу сослуживцев по этому поводу заявлял: "Я думал, что у нас в СССР много золота и

займов более не будет, а тут оказалось ещё один заем, да ещё на 20 лет, этого займа выигрыша я не дождусь, да и мои дети будут ждать эти облигации и навряд ли дождутся. Но, а если подсчитать все вычеты из зарплат, как-то культсбор, подписку на газеты, заем, вот тебе и хлебные 100 руб." (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 176). В разговоре с работниками ресторана Войнов Б.А. в августе 1935 г. высказал своё принципиальное несогласие с проведением подписки на заем, добровольных отчислений в фонд постройки самолёта-гиганта и т.д. "Я не могу мириться со всеми удержаниями, я на один только заем по требованию парторга треста подписался на 1000 рублей. Они замучили нас своими удержаниями. Прожить становится не на что. Мне надоела эта работа. Я с удовольствием бы оставил свой партийный билет, т.к. положительно в нем не нуждаюсь" (ГАХК. Ф. П-30. Оп. 1. Д. 202. Л. 140). Экономист Государственного морского пароходства Гурский, на обращение о необходимости всем подписаться на заем, заявлял: "Что? За успешное проведение займа будут премировать. Подумаешь достижение, за наши деньги люди получают эту премию. Люди думали только начинать выигрывать, а тут вдруг срок удлинился на 20 лет и проценты по облигациям снизили наполовину" (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 176-177). Рабочий завода им. Ворошилова (г. Владивосток) Соловьёв, член ВКП(б), на кружке партийного просвещения заявлял: "Правительство теряет свой авторитет тем, что производит обмен старых займов на новый. Ведь многие займы должны погашаться в течение ближайших лет, а если будет произведён обмен, то ещё надо будет ждать 20 лет. Так будет бесконечно" (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 945. Л. 206).

Многие недочёты и упущения, допускаемые в проведении подписки на займ в 1930-е гг., имели место и в предвоенные 1940-е гг. В результате размещения займа на 13 июня 1941 г. по дальневосточной железной дороге было охвачено 95,9% рабочих, а сумма подписки составила 78,2% к месячному фонду заработной платы. Из 22 крупных предприятий 16 подписались ниже трёхнедельного заработка. Особо плохо проходила подписка на заем на первом отделении дороги, где 91,1% работников подписались на 69,3% к месячному фонду заработной платы, т.е. ниже трёхнедельного заработка на каждого подписавшегося (РГАСПИ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 12. Л. 4)³.

Наличие негативной реакции части городского населения на займы расценивалось крайне отрицательно, поскольку могло снизить количественно и качественно финансовые поступления от населения и в то же время увеличить число недовольных. Для противодействия этому ставка делалась на широкое развёртывание политико-идеологической и массовой разъяснительной работы, к которой привлекался партийный и комсомольский актив. Важная роль также отводилась партийному и беспартийному активу, который искренне верил в то, что проводимая государством политика способствует будущему процветанию, а все возникающие при этом проблемы носят временный характер. Активисты своим примером (подпиской на займ значительными суммами) демонстрировали, что от вклада каждого зависит развитие страны.

Государство понимало, что критика его мероприятий, в том числе и займовых кампаний, являлась отчасти объективной. С другой стороны, факты несогласия и критики займовых кампаний использовались властными структурами для ликвидации неугодных граждан. Факты саботирования займов и негативных высказываний передавались местными аппаратами УНКВД в соответствующие обкомы и райкомы ВКП(б) для принятия соответствующих решений (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 176).

Сторонники и противники займовой политики государства были не постоянны. Всё зависело от того, в какой мере она затрагивала их интересы. Конечно, являясь далеко не глупыми людьми, большая часть рабочих и служащих полностью не верила власти и её обещаниям. Скептические настроения части городского населения время от времени проявлялись на протяжении всего предвоенного периода. Однако большая часть трудящихся, наученная горьким опытом, предпочитала молчать либо вторить большинству, поддерживая политику партии и государства. Несмотря на иногда прямое, но чаще косвенное противодействие части горожан Дальневосточного региона, местные и центральные властные структуры продолжали аккумулировать сред-

³ РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

ства, собранные с населения, превратив займы в форму дополнительного налогообложения.

Литература

1. Боголепов М.И. Финансовый план пятилетия (1928/1929 – 1932/33). Изд. 2-е. М.: Плановое хозяйство, 1929. 176 с.
2. Брюханов Н.П. Хозяйственное строительство и государственные займы СССР.: Госфиниздат СССР, 1928. 39 с.
3. Гимпельсон Е.Г. Россия на переломе эпох. Осмысление XX столетия российской истории. М.: Собрание, 2006. 128 с.
4. Дьяченко В.П. История финансов СССР. 1917–1950 гг. М.: Наука, 1978. 495 с.
5. Караваев И.В., Мальцев В.А. Приоритеты бюджетной политики в период индустриальных преобразований 1928–1930-х гг.//Финансы и кредит. 2008. № 15. С. 67–75.
6. Карраск М.А. Государственные сберегательные кассы в СССР в период 1917-1940 гг.// Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 11 (115). С. 107–112.
7. Каценеленбаум З.С. Денежное обращение России. М.-Л.: Экономическая жизнь 1924, 192 с.
8. Лютов Л.Н. Политические настроения провинциальной интеллигенции в освещении ОГПУ. 1928-1929 гг. // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 107–119.
9. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. В 3-х т. Т. 3. Социализм. М.: Государственное издательство политической литературы 1956. 643 с.
10. Мау В.А. Реформы и догмы. 1914-1929: очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М.: Дело, 1993. 256 с.
11. Миляков Н.В. Дефицит бюджета в 20-е годы. М.: Финансы и статистика, 1993. 91 с.
12. Миляков Н.В. Место государственного кредита в финансовой системе СССР в 1920-е годы: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д.э.н. М. 2002. 54 с.
13. Пинаев С.М. "Займы индустриализации" конца 1920-х гг. и особенности их реализации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 8 (100). С. 290–295.
14. Страхов В.В. Внутренние государственные займы в СССР конца 1920-х – 1930-е годы // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2008. № 19. С. 59–79.
15. Струмилин С.Г. На плановом фронте. 1920–1930 гг. М.: Госполитиздат, 1958. 626 с.
16. Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М.: Наука, 1966. 514 с.
17. Твердохлебов В.Н. Государственный кредит. Л.: Финансовое издательство НКФ СССР, Ленинградское областное отделение, 1928. 163 с.
18. Федирко О.П. Образование и пропаганда на российском Дальнем Востоке. Saarbrücken, LAP, 2012. 367 с.
19. Юровский Л.Н. На путях к денежной реформе. М.: Изд-во "Финансовой газеты" 1924. 114 с.
20. Юровский Л.Н. Современные проблемы денежной политики. М.: Изд-во НКФ СССР, 1926. 191 с.
21. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917–1927). М.: Финансовое изд-во, 1928. 401 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bogolepov M.I. Finansovyy plan pyatiletiya (1928/1929 – 1932/33). Izd. 2-e. M.: Planovoe khozyajstvo, 1929. 176 s.
2. Bryukhanov N.P. Khozyajstvennoe stroitel'stvo i gosudarstvennyye zajmy SSSR.: Gosfinizdat SSSR, 1928. 39 s.
3. Gimpel'son E.G. Rossiya na perelome ehpokh. Osmyslenie XX stoletiya rossijskoj istorii. M.: Sobranie, 2006. 128 s.
4. D'yachenko V.P. Istoriya finansov SSSR. 1917–1950 gg. M.: Nauka, 1978. 495 s.
5. Karavaev I.V., Mal'tsev V.A. Prioritety byudzhetnoj politiki v period industrial'nykh preobrazovaniy 1928–1930-kh gg.//Finansy i kredit. 2008. № 15. S. 67–75.
6. Karrask M.A. Gosudarstvennyye sberegatel'nye kassy v SSSR v period 1917-1940 gg.// Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2012. № 11 (115). S. 107–112.

7. Katsenelenbaum Z.S. Denezhnoe obrashhenie Rossii. M-L.: EHkonomicheskaya zhizn' 1924, 192 s.
8. Lyutov L.N. Politicheskie nastroyeniya provintsial'noj intelligentsii v osveshhenii OGPU. 1928-1929 gg. // Voprosy istorii. 2007. № 6. S. 107–119.
9. Lyashhenko P.I. Istoriya narodnogo khozyajstva SSSR. V 3-kh t. T. 3. Sotsializm. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury 1956. 643 s.
10. May V.A. Reformy i dogmy. 1914-1929: ocherki istorii stanovleniya khozyajstvennoj sistemy sovetskogo totalitarizma. M.: Delo, 1993. 256 s.
11. Milyakov N.V. Defitsit byudzheta v 20-e gody. M.: Finansy i statistika, 1993. 91 s.
12. Milyakov N.V. Mesto gosudarstvennogo kredita v finansovoy sisteme SSSR v 1920-e gody: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. d.eh.n. M. 2002. 54 s.
13. Pinaev S.M. "Zajmy industrializatsii" kontsa 1920-kh gg. i osobennosti ikh realizatsii // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2011. № 8 (100). S. 290–295.
14. Strakhov V.V. Vnutrennie gosudarstvennye zajmy v SSSR kontsa 1920-kh – 1930-e gody // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina. 2008. № 19. S. 59–79.
15. Strumilin S.G. Na planovom fronte. 1920–1930 gg. M.: Gospolitizdat, 1958. 626 s.
16. Strumilin S.G. Ocherki ehkonomicheskoy istorii Rossii i SSSR. M.: Nauka, 1966. 514 s.
17. Tverdokhlebov V.N. Gosudarstvennyj kredit. L.: Finansovoe izdatel'stvo NKF SSSR, Leningradskoe oblastnoe otdelenie, 1928. 163 s.
18. Fedirko O.P. Obrazovanie i propaganda na rossijskom Dal'nem Vostoke. Saarbrucken, LAP, 2012. 367 s.
19. YUrovskij L.N. Na putyakh k denezhnoj reforme. M.: Izd-vo "Finansovoy gazety" 1924. 114 s.
20. YUrovskij L.N. Sovremennye problemy denezhnoj politiki. M.: Izd-vo NKF SSSR, 1926. 191 s.
21. YUrovskij L.N. Denezhnaya politika sovetskoj vlasti (1917–1927). M.: Finansovoe izd-vo, 1928. 401 s.

Исаев А.А. Реакция городского населения Дальнего Востока СССР на займовые кампании в 1930-е–1941 гг.

На основе архивных документов анализируется реакция городского населения Дальнего Востока СССР на организацию и проведение государственных займовых кампаний в 1930-е гг. Обосновывается идея о том, что отношение городского населения региона было неоднозначным и зависело от различных политико-идеологических и социально-экономических аспектов его жизни. Для одних материальные проблемы (плохое снабжение, низкая заработная плата, нехватка жилья и др.) являлись основными и формировали, как правило, критическую реакцию. Для других данные проблемы являлись второстепенными и носили временный характер, главным для них был идейный фактор, убежденность в скором построении социалистического общества. Именно эти люди использовались властными структурами в качестве добровольных помощников, которые способствовали реализации займовой политики государства в дальневосточном обществе.

Ключевые слова: СССР, Дальний Восток, государственные займы, облигации, политико-идеологическая кампания, массово-разъяснительная работа

Isaev A.A. The reaction of the urban population of the Far East of the USSR to loan campaigns in the 1930s–1941.

On the basis of archival documents, the reaction of the urban population of the Far East of the USSR to the organization and conduct of state loan campaigns in the 1930s is analyzed. It justifies the idea that the reaction of the population was ambiguous and depended on various political, ideological and socio-economic aspects of the life of the urban population of the region. For some, material problems (poor supply, low wages, housing shortages, etc.) were fundamental in the formation of a certain, usually critical, reaction. For others, these problems were minor and were temporary, which would be obsolete with time, the main factor for them was the ideological factor, the conviction that the building of a socialist society would be soon. It was these people who were used by the authorities as voluntary assistants who contributed to the development of borrowing policy of the state in Far Eastern society.

Key words: the USSR, the Far East, state loans, bonds, political and ideological campaign, mass-explanatory work

Для цитирования: Исаев А.А. Реакция городского населения Дальнего Востока СССР на займовые кампании в 1930-е–1941 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 72–80. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/72-80

For citation: Isaev A.A. The reaction of the urban population of the Far East of the USSR to loan campaigns in the 1930s–1941. // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 2. P. 72–80. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/72-80

УДК 930.26:666.7(51+571.6)

Особенности регионального развития на Дальнем Востоке сегодня

Академический десант "Ойкумены" в очередной раз посетил Институт экономических исследований ДВО РАН в Хабаровске. Круглый стол, состоявшийся в начале декабря, был посвящён проблемам регионального развития. Вопросы для дискуссии были сформулированы следующим образом:

- 1) Имеет ли "региональное развитие" сущность или в данном случае речь идёт о масштабе явления?
- 2) Способен ли Дальний Восток на саморазвитие, что говорит об этом история?
- 3) Насколько опыт "развития" региона в прошлом полезен для настоящего?

Демьяненко А.Н.: Ярослав Александрович сформулировал вопросы для дискуссии, давайте с первого и начнём. Можно предположить, что речь пойдёт о проекте "Стратегии пространственного развития", высказано по этому поводу много чего. В частности, там написано: "пространственное развитие – это изменение организации системы расселения и экономики". Дальше, что хочешь, то и думай. Скорее всего, рассуждая о "региональном развитии", следует придерживаться тезиса: пространство (экономическое, социоэкономическое и т. п.) следует исследовать не только как нечто целое, но и по частям, то есть по регионам и местам. И в этом случае ответ на первый вопрос можно сформулировать следующим образом: да, региональное развитие имеет "сущность", но предполагает и "масштаб явления".

Горюнов А.П.: С одной стороны, что такое экономика вообще, какая экономика подразумевается под этим всем? Далее, я не понимаю, что именно подразумевается под региональным развитием, и ещё менее я понимаю, что такое развивать экономику. Наконец, развивать должен кто-то, кто все эти люди? Значит, нужно уточнить субъекта процесса. А субъекты в экономике разные. Мы, когда говорим о региональном развитии, как правило, говорим о государстве как субъекте, осуществляющем развитие. Государства бывают разные, и задачи у них бывают разные. Хотя задачи регионального развития, которые они решают, можно перечислить: обеспечение транспортной инфраструктуры, энергетической инфраструктуры, безопасности. Речь не идёт даже о процветании, а просто о нормальном существовании социума. Окончательным субъектом экономики, в таком случае, является индивид, человек, а у людей в жизни бывают разные цели. До тех пор, пока каждый из этих людей не нарушает закон, принятый в обществе, он может делать всё, что хочет. И

© Демьяненко А.Н., Горюнов А.П., Кондратенко Г.В., Исаев А.Г., Барбенко Я.А., 2019

ДЕМЬЯНЕНКО Александр Николаевич, д-р геогр. наук, руководитель сектора проблем развития и функционирования территориальных экономических систем Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*). **E-mail:** demyanenko@ecrin.ru

ГОРЮНОВ Александр Павлович, канд. экон. наук, заместитель директора по науке Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*). **E-mail:** alex.goryunov@gmail.com

КОНДРАТЕНКО Галина Викторовна, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*). **E-mail:** gala103@ya.ru

ИСАЕВ Артём Геннадьевич, канд. экон. наук, руководитель сектора пространственных аспектов экономического развития Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*). **E-mail:** isaev@ecrin.ru

БАРБЕНКО Ярослав Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** prohist@ya.ru

государство должно, по крайней мере, не препятствовать ему в этом. Правда, в СССР этот вопрос был ещё проще, потому что в Советском Союзе государство отвечало вообще за всё, оно должно было принимать решение, так как никаких других субъектов не было.

Демьяненко А.Н.: Можно ли считать, например, китайский социум обществом, в котором государство "закрывало" всё? В отличие от нашего социалистического, советского, оно "закрывало" не все сферы жизни.

Исаев А.Г.: У нас оно было таким, поскольку трудовые ресурсы были ограничены, в сравнении с Китаем? В Советском Союзе все население участвовало в развитии народного хозяйства. В Китае же большая часть населения занималась обеспечением самовыживания, и лишь по мере увеличения масштабов китайской экономики включалось в "народнохозяйственный оборот".

Горюнов А.П.: И в этом причина, конечно, и ресурсы накапливались, но китайское общество на тот момент, когда они перешли к реформам, по уровню развития находилось на той же стадии, что и Советский Союз в середине или в конце 30-х годов XX в. По уровню возможностей обеспечения всего этого дела и по обеспечению всех систем.

Кондратенко Г.В.: Есть два момента, которые определяли перераспределение ресурсов в КНР: это институт планового деторождения (он очень сильно ограничивал и общество, и экономическое развитие), а также институт прописки. Власти КНР отменили прописку по форме деятельности. Деятельность делилась на сельскохозяйственную и несельскохозяйственную, имея сельскохозяйственную прописку, ты не мог устроиться даже в поселковое предприятие и был обязан заниматься только сельскохозяйственным трудом. Прописку по месту жительства не отменили, несмотря на введение "зелёных карт", некоторых льгот, потому что от этого зависит система социального обеспечения, которая имеет ярко выраженный территориальный характер, т. е. ты можешь получать пенсию только в том регионе, в котором ты прописан. Сейчас они пытаются создать систему для мигрантов, но это невозможно сделать быстро; получается, что мигранты вынуждены полностью обеспечивать себя.

Горюнов А.П.: Региональное развитие имеет смысл, но не в том ключе, в каком оно у нас, как правило, обсуждается. У нас речь идёт по-прежнему о фактически советских мерах регионального развития, которые предписаны каждому региону, т. е. предписана некая эффективная специализация. Но поскольку в объективной реальности этого всего не существует, такая специализация превращается в профанацию и отсутствие каких-либо эффективных государственных усилий по региональному развитию. Например, дальневосточный гектар является очередной раздачей того, что ничего не стоит и никому не принадлежит, во временное пользование тем, кому это не надо. И ТОСЭРы, которые просто-напросто являются имитацией деятельности: мы вам давали 60 млрд. рублей субсидий в год, мы их давали под какие-то ваши собственные задачи, которые вы себе ставили, а теперь мы деньги будем давать конкретно под ТОСЭРы, под то, что мы вам скажем.

Демьяненко А.Н.: Фактически, создаём ещё одну оболочку административного характера.

Кондратенко Г.В.: Хорошо, в России существует федеральная программа развития туризма до 2024 года. Для Дальнего Востока в этой программе выбрано несколько направлений туристической деятельности, для Приморского края это круизный туризм, который является приоритетом развития, в то время как логика подсказывает, что пока о круизном туризме говорить рано, потому что у Владивостока нет даже мощностей для принятий больших лайнеров. Необходимо провести дноуглубительные работы, это актуально и для Сахалина, и для Петропавловска-Камчатского, у которого вообще открыт только внешний рейд и лайнеры не могут заходить в порт. Но есть и региональная программа развития туризма, и в ней прописано, что главным видом туризма является экологический туризм, признанный самым перспективным. Как эти две идеи соотносятся: что конкретно во Владивостоке будет развиваться экотуризм или круизный?

Горюнов А.П.: Читать нужно два документа: закон о федеральном бюджете и своды исполнения консолидированных бюджетов субъектов РФ с тер-

риториальными фондами. Все остальное – продукт вольного творчества. Например, существуют стратегии социально-экономического развития регионов, в них написано одно, существует (почти существует) стратегия пространственного развития регионов, в ней написано другое. Существуют комплексные прогнозы социально-экономического развития регионов, в них представлены одни цифры развития, в то же время существуют прогнозы федеральные, в них другие цифры приводятся. Все эти стратегии и прогнозы утверждены постановлениями федерального или регионального правительств, указами президента или губернатора. Все это не прошло парламентской процедуры и автоматически "бьётся" федеральными законами при малейшем намёке на конфликт приоритетов.

Это вызывает заметное раздражение у политического руководства, поскольку все благие политические пожелания, изложенные обычно в очередных "майских указах", загадочным образом постоянно увязают где-то, на каких-то уровнях исполнительной власти. Выглядит это как вредительство или некомпетентность исполнителей, но, в действительности, является предсказуемым результатом конфликта между статусами президентского указа и федерального закона – "О бюджете", например.

Кондратенко Г.В.: В стратегии развития Приморского края, которая принята до 2030 г., главными отраслями признаны нефтегазовая отрасль и туризм, при том, что в Приморье нет ни газа, ни нефти, и предполагается по сценарию развития, что в отрасль, которой фактически нет, зайдут внутренние игроки с российского рынка, такие как Роснефть и Газпром. А второй отрасли признано развитие морской аквакультуры, в будущее которой готовы вкладывать китайские и японские инвесторы. Они не хотят вкладываться в развитие нефтегазовой отрасли, но каков результат? Допустим, они вложат средства в аквакультуру, но приоритетной признана не эта отрасль и, соответственно, преференции гарантированы только нефтяным и газовым предприятиям, которые придут из России. И тогда каков смысл им вкладывать деньги в России, когда они могут вложить их, например, в Малайзию?

Демьяненко А.Н.: Они и вложат средства в Малайзию. В данном случае, когда мы говорим о газовой и нефтяной промышленности, я прекрасно понимаю, что речь идёт о совершенно конкретных госкорпорациях – Газпроме, Роснефти, Транснефти. Это вопросы, решаемые не для региона, а для этих отраслей, просто локализация этих задач случилась в Приморском крае.

Кондратенко Г.В.: И поэтому китайскую CNPC тоже не пустят на российский рынок?

Горюнов А.П.: Естественно, она там и не нужна.

Демьяненко А.Н.: Кстати, по поводу туризма. Берём, например, канадский север, где нет ни одной глобальной программы развития туризма. Но каждый год университеты Британской Колумбии и Квебека отправляют будущих магистров на полевые исследования с одной-единственной целью: ты должен в результате полевых наблюдений зафиксировать, что то или иное конкретное поселение обладает неким потенциальным аттрактом, который интересен для таких-то групп туристов, и это может принести местному сообществу вот такие доходы и вот такую занятость, пускай и временную. И так происходит из года в год. В результате и государственные органы, и бизнес-общество получают действительно реальную информацию о положении дел, о том, какими конкурентными преимуществами обладает то или иное место для развития специфических видов туризма, а таких видов великое множество даже на севере. У нас же ничего этого нет, у нас только есть программы, у нас систематических полевых исследований просто нет.

Горюнов А.П.: Производство всех этих региональных программ имеет целью не развитие туризма или чего-то другого, оно нужно для того, чтобы обосновать в соответствии с действующим законодательством выделение бюджетных субсидий. Других целей нет – просто под каждой строчкой в бюджете должна быть какая-то программа. Так положено по закону. Поэтому берём, например, программу по борьбе с преступностью некоего дальневосточного субъекта федерации, в этой программе предусмотрено строительство домов для милиционеров. На этом, и других подобных основаниях можно сделать вывод о низкой эффективности программы. Потому что нельзя включать в программу по борьбе с преступностью строительство жилья для милиционе-

ров. Но людям, борющимся с преступностью, нужно где-то жить, поэтому региональному правительству сказали сделать программу – они её сделали и включили в неё строительство домов для личного состава.

Кондратенко Г.В.: На Сахалине несколько лет назад появилась лыжная база "Горный воздух". Это частное предприятие, к государству имеющее косвенное отношение, но в программе развития Сахалинской области эта база сделана якорным инвестором кластера, и на основе его они будут перераспределять бюджетные средства. Они используют региональные практики, которые уже сложились в регионе, чтобы на их основе запустить региональное развитие.

Исаев А.Г.: Они попытались создать что-то наподобие туристического полюса роста, используя те бюджетные и инфраструктурные преимущества региона, которые там сформировались благодаря промышленной специализации.

Демьяненко А.Н.: Частному предприятию нужно, чтобы ему сделали соответствующую подводку инфраструктуры. А как это будет называться, ему все равно.

Горюнов А.П.: Есть нормальная административная практика управления территорией, которую осуществляют те, кто конкретно территорией управляет, допустим, правительство субъекта федерации. Например, существуют инвестиционные соглашения с частными компаниями, частная компания обязуется вложить столько-то денег в такое-то место, в такой-то проект, в составе таких-то объектов, в течение такого-то срока. Со своей стороны правительство субъекта обязуется выделить такие-то деньги на создание такой-то инфраструктуры в этом же месте. Вот они должны друг друга встретить, и это нормально: есть объекты, которые действительно нужны людям, живущим в этом регионе, есть какие-то потребности, которые действительно нужно удовлетворять, государство их не может удовлетворить, но объективно они должны быть удовлетворены. Но из-за того, что создана эта система, эти ТОСЭРы, эти программы, сверху региональным правительствам постоянно спускаются проекты, в которых нужно участвовать, и региональные правительства пытаются совместить приятное с полезным: "Холдоми" в Хабаровском крае записывают в ТОСЭР, потому что проект "Холдоми" все равно уже есть, а тут ещё надо бурную деятельность в области развития ТОСЭРов демонстрировать. Количество денег, количество проектов и количество результатов от этого не меняется вообще никак.

Единственным положительным следствием всего этого является тот факт, что создаётся система документов, которая информацию обо всех этих телодвижениях собирает в одном месте, и мы можем спокойно сесть и в течение какого-то времени ознакомиться. А собственно для регионального развития, для экономического развития никакого эффекта всё это не имеет.

Программы, спускаемые сверху, имеют отрицательный эффект, так как они повышают как минимум транзакционные издержки администрирования, так как нужно всё больше и больше чиновников, чтобы они всё это согласовывали, писали, кто-то должен сидеть и следить за тем, чтобы хоть как-то это всё стыковалось, это всё требует значительных усилий.

Тем не менее, положительный эффект аккумуляции информации в единых документах действительно есть, и это очень хорошо. Если допустим, посмотреть на подобную систему, которая существует где-нибудь в США, вы не найдёте подобной информации. Там всё скрыто, потому что там тоже высокий уровень коррупции и писать на самих себя желающих нет. С одной стороны, это повышает прозрачность нашей системы и снижает потенциально уровень коррупции. С другой стороны, это разбалансирует отношения между центром и регионами, потому что некоторый уровень коррупции на местах является неизбежным и борьба с коррупцией на полное искоренение оказывается, как правило, контрпродуктивной.

Демьяненко А.Н.: В конечном итоге всё это сводится к транзакционным издержкам, и они ложатся на регионы и формируют, как это ни страшно звучит, провалы государства. Когда государство начинает заниматься несвойственными делами, то возникают провалы государства.

Горюнов А.П.: Я скорее всю эту систему вижу как нечто бесполезное, но, в общем-то, не обладающее сильными издержками.

Демьяненко А.Н.: Мы определили государство как системообразующий субъект, но есть ещё и другие субъекты. В нашем обществе они приручены, но, скажем, в Китае они присутствуют, это и местное сообщество, и бизнес-объединения, и различные некоммерческие организации. И что в итоге мы получаем: во-первых, децентрализацию управления, во-вторых, конкуренцию между отдельными, даже не то чтобы провинциями, а даже отдельными уездами за инвесторов, за квалифицированную рабочую силу, вплоть до привлечения иностранных специалистов, за туристов, в конце концов. А у нас происходит возврат к советской системе, когда все кроме государства реально го влияния на проведение каких-либо действий в отношении того или иного региона не имеют. Или я всё-таки преувеличиваю эту опасность?

Горюнов А.П.: Со стороны государства есть убежденность в том, что оно вынуждено брать на себя инициативу вследствие отсутствия реальной инициативы на местах. Отсутствие местной инициативы – прямой результат многолетнего её подавления в контексте выстраивания "вертикали власти". Сама "местная инициатива", очевидно, действует в специфически местных интересах, в соответствии с целями, которые неизбежно отличаются от неких "общегосударственных" и могут даже быть им антагонистичны. В течение многих лет эти местные интересы успешно подавлялись федеральными ресурсами, но теперь, когда ресурсов, очевидно, перестало хватать, местная жизнь, местный эгоизм начал вылезать на поверхность. Центр уверен в том, что всё можно решить с помощью программ и стратегий. То есть, в отсутствие денег, в очередной раз включается административный ресурс: все местное переподчиняется разнообразным кураторам от центрального правительства, которые без остановки фонтанируют идеями в разнообразных программах и стратегиях, неизбежно шаблонных и оторванных от местных реалий. Внешне, все это действительно выглядит как возврат к советской двухконтурной партийно-хозяйственной системе. Только в ещё более абсурдном виде, поскольку эта система выстраивается в абсолютно враждебной ей среде формально демократических институтов. Поэтому мы и наблюдаем вдобавок к конфликту между центральным правительством и местными элитами, ещё и конфликт между политическим руководством страны и попросту всем сводом законов, начиная с Конституции.

Кондратенко Г.В.: В Китае очень интересно решили эту проблему, несмотря на то, что мы считаем, что у них закрытая централизованная система и государство всё контролирует, они ни от чего не отказываются, любую практику, которая возникает на местах, рассматривают. Пример деятельности некоммерческих организаций очень яркий: власти привлекают большие мировые фонды, но ограничивают их деятельность, предлагая им решать конкретные задачи. Это прагматичный подход, китайские власти пользуются деньгами, смотрят, что эти фонды делают и что они могут дать, и если их признают полезными, то продолжают их использовать. Многие некоммерческие организации в Китае выполняют социальные функции, а экологические проблемы власти пытаются решать, привлекая Greenpeace и фонд "Друзья природы".

Демьяненко А.Н.: У нас есть реально работающие НКО, которые могут оказывать влияние на региональное развитие? Или на развитие города Хабаровска? Я бы вот на что хотел обратить внимание, кстати, это корреспондирует с вопросом нашего уважаемого коллеги из Владивостока – является ли развитие, организуемое снаружи объекта развития, подлинным? Ярослав, поясни, пожалуйста, что ты хотел сказать этой загадочной фразой?

Барбенко Я.А.: Приводит ли внешнее стимулирование к развитию или же развитие надо замотивировать?

Демьяненко А.Н.: Если я правильно понял: может ли государство как внешний агент обеспечить развитие региона как некой системы? Тогда вопрос сводится к следующему – если государство демиург, оно может или считает, что может. А вот по факту...

Барбенко Я.А.: Либо оно вкладывает деньги, но не получает отдачи.

Демьяненко А.Н.: Сколько было разработано государственных программ развития Дальнего Востока за этот период? Восемь, сейчас девятая готовится. Сам факт, что за двадцать небольшим лет было разработано девять государственных программ, говорит только о том, что внешнее, если оно не

подкреплено внутренним и не опирается на необходимые ресурсы, именно не перераспределение ресурсов, а на привлечение внешних ресурсов, не порождает никакого роста, я даже не говорю про развитие.

Горюнов А.П.: Вопрос в том, что такое внешние ресурсы и что такое внутренние ресурсы. Какие ресурсы являются внешними для региона? Что это за ресурсы?

Исаев А.Г.: Те же государственные инвестиции, если их рассматривать как результат процесса перераспределения ресурсов национальной экономики, могут считаться внешними ресурсами в определённом смысле.

Горюнов А.П.: Если на конкретных примерах посмотреть – у нас была программа развития Дальнего Востока и Забайкалья, принятая в 1996 г., по ней были графики, инвестиции, было расписано, кто чего делает, профинансирована она была то ли на 5%, то ли на 8%. Из федерального бюджета она не была профинансирована вообще, из регионального бюджета она чуть-чуть была профинансирована, поскольку доля регионального бюджета была очень маленькой и денег тоже не было, в общем, программу не финансировали. Сейчас действующая программа развития Дальнего Востока фактически рассчитана на то количество денег, которое и так должно поступать в регион. Они и так сюда приходят. Будет какая-то другая программа, не будет, опять же по закону не может не быть программы, деньги, эти же самые деньги придут по другим программам.

Барбенко Я.А.: Это называется форма, т. е. неважно в какой форме.

Демьяненко А.Н.: Принципиально важно то, что исходя из этого, всё, что было сказано по поводу девяти программ, последняя из которых сейчас готовится, это не программы. Если мы сейчас откроем любой нормальный учебник по менеджменту, мы вдруг это выясним.

Кондратенко Г.В.: Это называется выполнение бюджетных обязательств? Но тогда должны быть сверхденьги на выполнение проектов, предусмотренных программой.

Горюнов А.П.: Да. Имеет смысл говорить о внешних ресурсах, когда эти внешние ресурсы отделены от внутренних, ибо то, что сейчас получает Дальний Восток, это то, что он должен получать, ведь эти деньги собираются на территории Дальнего Востока, и большую часть их он получает обратно. Деньги уходят в федеральный бюджет и потом возвращаются обратно. Это не внешнее финансирование. Никакого значительного увеличения финансирования Дальнего Востока, связанного с желанием его развивать, нет фактически.

Исаев А.Г.: А как же тогда интерпретировать такие данные. В период крупномасштабного строительства, до 2011 г., суммарный ВРП Дальнего Востока составлял порядка 4% от общенационального, инвестиции на Дальний Восток составляли более 7%, а в какие-то годы и порядка 10–11%. Внешние это ресурсы или нет?

Демьяненко А.Н.: Например, сахалинский проект. Это уровень корпораций, к Сахалину он имеет отношение только потому, что там он локализован. Экономическая система Сахалина в этом случае получается состоящей из двух частей – корпоративная нефтегазовая северная часть и вторая часть, это остальной Сахалин.

Горюнов А.П.: Есть пример штата Техас, в котором прекрасно локализуются эффекты всех этих ресурсных проектов, там экономика изначально завязана на ресурсы, и вся промышленность является мультиплицированной из добычи. Есть пример Сахалина, там в масштабе экономики, в масштабе этого микроскопического по населению региона, эти проекты гораздо больше, но локализуются их эффекты гораздо хуже. Поэтому говорить о том, что есть некий универсальный принцип того, что ресурсные проекты не локализуются, нельзя. Прекрасно они локализуются, если их локализуют, а на Сахалине они не локализуются. Есть и ещё одна составляющая, для того, чтобы эффекты локализовывали, не только кто-то должен их туда перераспределять, но кто-то там должен их и использовать. А если население Сахалина хочет зарабатывать денег и уехать как можно дальше, то какая локализация может быть. Поэтому местные мотивации играют роль, то же самое относится и ко всему Дальнему Востоку в целом.

Кондратенко Г.В.: Но если бы оно локализовалось, может быть, и население приезжало, здесь возможно двустороннее движение. Приморье и Хабаровский край более благоприятные регионы для жизни, чем Сахалин, но проблема та же – отток населения. Если бы существовала локализация эффектов, были бы доходы и люди бы не уезжали. Или всё-таки дело в другом?

Демьяненко А.Н.: Есть такое понятие, как ёмкость рынка. Северный Сахалин – это нефтегазовый сектор, совсем недавно он был другим. Сколько нужно экономике Сахалина нефти и газа? На самом деле – доли процентов от их добычи. Экономическое пространство иерархизировано, северный Сахалин это не часть Сахалинской области, это часть (причём небольшая часть) глобального нефтегазового рынка, и он здесь просто локализован. Никакого отношения к региону он не имеет, и никаких объектов, в отличие от Техаса, здесь не строится.

Кондратенко Г.В.: Но у Сахалина рядом есть Хоккайдо, который является чуть ли не близнецом Сахалина, и там совершенно другая ситуация.

Горюнов А.П.: Проблема, как мне кажется, всё-таки в том, что мы смотрим на регионы как на некий объект, и считаем, что регионы одинаковы, только здесь локализуется хорошо, а тут плохо, поэтому отсюда бегут, а сюда прибегают. Речь идёт о людях, каждый из которых принимает самостоятельное решение, где ему жить, и эти решения принимаются на всю жизнь, как правило, и для детей, как правило. Есть регионы, в которых существуют условия для инвестиций в собственный человеческий капитал и человеческий капитал своих детей, где существует какой-то критический минимум населения, существуют какие-то социальные системы, системы образования продвинутого уровня, существует разнообразная экономика, где есть выбор профессий, нормальная транспортная инфраструктура, которая позволяет тебе съездить куда-то и вернуться при необходимости. А есть регионы, в которых этого нет и в обозримом будущем просто не будет. И из этих регионов люди уезжают и будут уезжать до тех пор, пока не наступит некий гомеостаз населения, потому что всё равно какой-то минимум населения должен быть.

Приводить это будет к появлению регионов с предельно имущественно дифференцированным населением: изолированные поселения сверхбогатых среди "болота" бедности. С доминированием локальных монополий в экономике и высокой долей "социалки", которая все более и более перерождается у нас в борьбу с бедностью. В какой-то степени это уже происходит на Камчатке, то же самое в какой-то степени происходит на Сахалине. Происходить это будет и в других регионах Дальнего Востока, и в каком-то смысле это и есть региональное развитие de facto.

Демьяненко А.Н.: В самом деле, нет населения в целом, есть социальные группы, которые обладают определёнными профессиональными навыками, определёнными доходами и т. п. К этому следует добавить, что есть ещё общности людей по поселению или социально-территориальные общности. И именно они в немалой степени формируют имидж того или иного места, формируя его конкурентные преимущества. И дело здесь не столько в масштабе инвестиций, сколько в точном определении миссии места. Хорошо поставленное среднее образование может быть одним из главных аттракторов для притяжения на постоянное место жительства молодых семей, которые хотели бы, чтобы их дети пошли в лучшую среднюю школу если и не в стране, так в своём регионе.

Кондратенко Г.В.: Когда дети вырастают, они же уезжают потом.

Демьяненко А.Н.: И прекрасно, потому что приезжают другие. Мы никак не можем понять, что мобильность такова, что, в общем-то, говоря, если ты из хорошего места переехал в лучшее, то на твоё место приехал человек из худшего места. В Финляндии все территории хорошо связаны, государство смогло создать современную транспортную инфраструктуру. В Финляндии к каждому полю государство обязано провести асфальтированную дорогу. Но ведь и Дальний Восток это не то, что на карте нарисовано – это кусочек вокруг Хабаровска, это кусочек Приморского края, кусочек вокруг Комсомольска-на-Амуре, в районе Благовещенска кусочек, на юге Амурской области, кусочек Сахалина. А всё остальное – это пустыни, и стратегии, которые хороши для Китая или той же Скандинавии, здесь не работают, нужны другие, ведь связанность территорий здесь совсем другая. Единого Дальнего Востока

просто не существует, это только в стратегиях есть Дальний Восток, что общего, с точки зрения экономических интересов, у жителей ЕАО и Чукотского автономного округа? Как только вы мне найдёте место соприкосновения этих интересов, я тут же сниму шляпу. А если нет общих экономических интересов, надеяться на то, что мы получим какие-то совместные скоординированные действия по регулированию того, чего нет, просто фантастика.

Горюнов А.П.: Мобильность очень важный фактор, который на самом деле ограничивает миграцию из региона выезда. В тех местах, где человек понимает, что всё его имущество через 20 лет будет стоить в 2 раза меньше, потому что все понимают, что это будет стоить в два раза меньше, и поэтому всё продают, чтобы отсюда уехать, потому что потом сделать это будет сложно, вот из этих регионов бегут. Потому что чувствуют себя в ловушке, которая постоянно закрывается, а если она закрывается, нужно быстрее сбежать.

Демьяненко А.Н.: Именно так случилось с дальневосточным севером. Все, кто могли, уехали, а кто не смог – были вынуждены остаться.

Горюнов А.П.: Это феномен тех же ресурсных моногородов. Это было и в Европе, и в США, и у нас это случилось, когда в какой-то момент люди понимают, что шахта скоро закроется, в таких городах слухи быстро разносятся: в прошлом году 80 тележек возили в неделю, а в этом – уже 40, значит, через два года шахта закроется, поэтому всё продаём и уезжаем, потому что через два года мы уже не сможем ничего продать, значит, сейчас нужно, пока не все ещё поняли, – продать и бежать. Поэтому, чем ниже мобильность, тем хуже.

Тут мы переходим к политике на самом деле, потому что концентрация всего в одной точке в Москве и Санкт-Петербурге, а скорее в Москве и Московской области, имеет под собой политическое основание. Это же чистой воды политика, естественно, что если говорить о нормальных подходах к целям регионального развития, то выдавать москвичам социальную карту москвича и субсидии на коммунальные услуги это нонсенс. Если бы речь шла о какой-то балансировке системы регионального распределения внутри интегральной системы, то мы бы вели речь о том, чтобы облагать москвичей повышенными налогами, налогами на имущество, вводить высокие ставки транспортного налога, высокие цены и акцизы на бензин и т. д. И использовать эти деньги для того, чтобы развивать, снижать затраты вот в этих приоритетных городах.

Кондратенко Г.В.: Если руководствоваться вашей логикой, тогда почему бы не дать регионам возможность самим придумывать проекты?

Демьяненко А.Н.: Очень простой вопрос, я не знаю ни одного региона, которому что-то надо. Я могу понять какие-то социальные группы, которым что-то надо.

Горюнов А.П.: Если мы говорим о предоставлении федеральным центром регионам возможности что-то для себя формулировать, мы автоматически говорим о предоставлении этой возможности социальным группам в этих регионах. А социальные группы это опять же политика. Тем более вы – из Приморья и прекрасно знаете, что Приморье – это единственный регион на Дальнем Востоке, в котором эти социальные группы существуют до сих пор, они ещё не до конца истреблены. И какие от этого проблемы бывают, и как это всем не нравится, что приходится даже губернатора с Сахалина везти. Поэтому нельзя ни в коем случае регионам ничего позволять. Ничего давать, ничего разрешать. До тех пор, пока есть деньги, чтобы покрыть какие-то возникающие проблемы в регионах из центра, зачем?

Кондратенко Г.В.: Деньги имеют свойство заканчиваться. И если нет источников генерирования денег, то и губернатора не выберут.

Горюнов А.П.: Источники генерирования денег на Дальнем Востоке прекрасно создаются. Они создаются на севере Дальнего Востока – газовые, нефтяные месторождения. Источников много и деньги не закончатся. Эти деньги уходят с севера в центр и потом частично возвращаются на юг.

Кондратенко Г.В.: В Китае специально закольцевали стратегии – экономическое развитие напрямую связано с политическим будущим чиновников, которые управляют регионом. Губернатор не может дальше управлять регионом, если у него провал в экономике. И эта система работает.

Горюнов А.П.: У нас то же самое. И у нас она в каком-то смысле тоже работает.

Кондратенко Г.В.: Почему в России всегда экономика связана с политикой, экономическая эффективность не срабатывает как критерий сама по себе?

Горюнов А.П.: В Китае и России очень разные системы, их нельзя сравнивать. Это даже не разные цивилизации. Это находящиеся на разных уровнях развития объекты. У Китая проблемы гораздо сложнее, чем у России, и там клубок решений гораздо сложнее, чем у нас. У России проблемы очень простые: Россия находится в ситуации, которая называется ловушка среднего дохода. Это когда страна развивающаяся по своим институциональным особенностям до предела доходов, за которым начинается уровень развитых стран, но этот доход генерировать экономика развивающаяся структурно не может. Для того чтобы переступить этот порог Китаю, у него должны быть все институты развитой экономики, которые у России уже есть, но в России проблема политическая. Потому что у России система экономических институтов есть, но политической системы, которая соответствовала бы сложности этих институтов, нет.

Особенности регионального развития на Дальнем Востоке сегодня.

Features of regional development in the Far East today.

Для цитирования: Демьяненко А.Н., Горюнов А.П., Кондратенко Г.В., Исаев А.Г., Барбенко Я.А. Особенности регионального развития на Дальнем Востоке сегодня // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 81–89. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/81-89

For citation: Alexander N. Demyanenko, Alexander P. Goryunov, Galina V. Kondratenko, Artyom G. Isaev, Yaroslav A. Barbenko Features of regional development in the Far East today // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 2. P. 81–89. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/81-89

Приоритетные направления экономического развития и сотрудничества, продвигаемые Россией в формате Восточного экономического форума

Вступление

Неотъемлемая часть сценариев развития Дальневосточного региона в последние несколько десятилетий – стратегия вовлечения отдалённых российских территорий в международные интеграционные процессы и формирование в этом бизнес-пространстве собственных центров экономического влияния. В этой связи важной мерой стало проведение с 2015 г. во Владивостоке Восточного экономического форума (ВЭФ), который за прошедшие четыре года обозначил основные условия и инструменты обеспечения социально-экономического роста восточных регионов Российской Федерации: привлечение инвестиций на российский Дальний Восток (РДВ) посредством активного приграничного сотрудничества, расширение экономической свободы и предоставление для отечественных и иностранных инвесторов лучших условий для ведения бизнеса и др. Большая значимость ВЭФ заключается в том, что в ходе его работы создаются предпосылки для более активного вовлечения РДВ в интеграционное пространство Северо-Восточной Азии (СВА).

На сессиях ВЭФ подробно обсуждаются новые законы и административные механизмы, разработанные и реализуемые Правительством РФ для повышения инвестиционной привлекательности региона, а также конкретные инвестиционные проекты, в которые российским и иностранным бизнесменам предлагается вложить свои капиталы.

За первый год работы ВЭФ прошёл путь от регионального форума с участием первого лица государства в сентябре 2015 г. до крупного международного форума с участием лидеров трёх ведущих государств СВА – Президента Российской Федерации Владимира Путина, Президента Республики Корея Пак Кын Хе, Премьер-министр Японии Синдзо Абэ (второй ВЭФ, сентябрь 2016 г.). Третий форум прошёл с участием глав четырёх государств региона – Президента РФ Владимира Путина, Президента РК Мун Чжэ Ина, Президента Монголии Халтмагийна Баттулги, и Премьер-министра Японии Синдзо Абэ (сентябрь 2017 г.), а четвёртый – с участием Президента РФ Владимира Путина, Председателя КНР Си Цзиньпина, Президента Монголии Халтмагийна Баттулги, Премьер-министра Японии Синдзо Абэ и Премьер-министра РК Ли Нак Ёна в сентябре 2018 г. Важнейшим событием четвёртого ВЭФ стало участие председателя КНР, способствовавшее дальнейшему расширению двустороннего взаимодействия в целом и развитию китайско-российского сотрудничества на Дальнем Востоке в частности [14].

Идея сотрудничества РФ со странами-соседями в развитии РДВ во благо всего региона СВА может стать объединяющей и работающей на укрепление идентичности последнего. В определённой степени, но не в полной мере, она способна заполнить политический и экономический вакуум, образовавшийся в СВА в связи с "замораживанием" трёхсторонних проектов сотрудничества (РФ, РК, КНДР) [11].

Инвестиционные форумы широко используются для продвижения инвестиционных проектов в различных странах и регионах. Некоторые исследователи отмечают, что Россия "стала одним из самых активных операторов в данном направлении" [12, с. 64]. В ходе проведения подобных форумов ин-

Таблица 1. Рейтинг экономических форумов, проводимых в России

Место в рейтинге	Название форума	История	Цель	Время и место проведения
1	Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ)	Проводится с 1997 г.	Обсуждение вопросов развития российской и мировой экономики, а также международных проблем	Июнь, г. Санкт-Петербург
2	Восточный экономический форум (ВЭФ)	Проводится с 2015 г.	Содействие ускоренному развитию экономики РДВ и расширение сотрудничества в АТР	Сентябрь, г. Владивосток
3	Ялтинский международный экономический форум (ЯМЭФ)	Проводится с 2015 г.	Поиск новых инструментов для социально-экономического развития, обсуждение лучших мировых бизнес-практик	Апрель, Крым
4	Гайдаровский форум	Проводится с 2010 г.	Научно-практическая конференция в области экономики	Январь, г. Москва
5	Неделя российского бизнеса (НРБ)	Проводится с 2007 г.	Обсуждение и формирование предложений по взаимодействию государства и бизнеса	Март, г. Москва
6	Российский инвестиционный форум	Проводится с 2002 г.	Обсуждение инвестиционного и экономического потенциала России, привлечение в субъекты РФ иностранного капитала	Февраль, г. Сочи
7	Красноярский экономический форум (КЭФ)	Проводится с 2004 г.	Обсуждение перспектив социально-экономического и технологического развития России на ближайшие десятилетия	Апрель, г. Красноярск

Источник: составлено автором на основании [4].

весторы имеют возможность не только рассмотреть предложение на бумаге, в расчётах и диаграммах, но и ознакомиться с непосредственным местом его реализации, условиями, оценить достоверность расчётов, качество транспортно-логистической инфраструктуры, что положительно влияет на качество принятия каждого инвестиционного решения.

Несмотря на высокую важность задач, решаемых Россией в ходе подготовки и проведения ежегодных ВЭФ, научная литература, обобщающая информацию по данной тематике за прошедшие годы, практически отсутствует, и поэтому актуальность темы и практическая значимость представленной статьи не вызывает сомнений. Её цель заключается в анализе основных направлений экономического развития и регионального сотрудничества, продвигаемых Россией в формате ВЭФ. Основу исследования составил комплексный анализ научной и нормативной литературы, а также статистической отчетности по итогам четырёх прошедших форумов.

История развития и некоторые характеристики ВЭФ

Как отмечено ранее, Россия активно использует такую форму своего продвижения на мировой арене, как проведение регулярных международных экономических форумов. В 2017 г. был сформирован рейтинг таких форумов, проводимых в России, в котором ВЭФ, по мнению составителей, занял высокую вторую позицию (табл. 1).

Таблица 2. Соглашения об инвестициях на РДВ и участники ВЭФ

Показатели	2015	2016	2017	2018
Количество инвестиционных соглашений (ед.)	80	214	217	220
Объем заявленных инвестиций на РДВ (трлн руб.)	1,3	1,85	2,5	3,1
Количество иностранных участников (чел.)	1800	3500	4900	6000
Количество представителей СМИ (чел.)	Нет данных	1100	1100	1350
Количество иностранных делегаций (ед.)	32	56	60	60

Источник: составлено автором на основании [3, 5, 6, 7].

Из таблицы следует, что пять из семи наиболее авторитетных экономических форумов России проводятся в западной части страны, а один – в Сибири. ВЭФ – единственный масштабный международный экономический форум, организуемый на РДВ, и в этой связи его значимость для формирования имиджа РФ в АТР очень велика.

ВЭФ был учрежден указом президента РФ В. В. Путина от 19.05.2015 г. № 250, а инициатива создания этой международной площадки во Владивостоке принадлежит Министерству РФ по развитию Дальнего Востока [3].

В качестве основных задач форума определены:

- укрепление связей международного инвестиционного сообщества, российского бизнеса, федеральных, региональных и местных органов власти;
- всесторонняя экспертная оценка экономического потенциала РДВ, повышение конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности региона как на российском, так и на международном уровнях [1].

В соответствии с вышеупомянутым указом Президента РФ, с 2015 по 2018 гг. в сентябре на территории кампуса Дальневосточного государственного университета (ДВФУ) во Владивостоке проведено четыре ВЭФ. Некоторые статистические данные, характеризующие результаты и масштабы проведенных форумов, отражены в *таблице 2*.

Приведенные данные свидетельствуют о динамичном росте показателей ВЭФ по всем направлениям. Так, за три года, прошедших с первого по четвертый форумы, количество ежегодно заключаемых соглашений выросло в четыре раза, а объемы заявленных в них инвестиций на РДВ – почти в два с половиной раза. Существенно увеличилось количество иностранных участников и делегаций (в 3,3 и 2 раза соответственно). Ежегодное освещение мероприятий форума более чем тысячей представителей СМИ также свидетельствует о большом интересе к этим событиям.

Что касается четвертого Форума 2018 г., то самые многочисленные делегации (официальные лица и представители бизнеса) были из КНР (1096 человек), Японии (570 человек), РК (335 человек), а также из Монголии и США. При этом делегация из 12 человек на уровне министра прибыла из КНДР. Всего в этом Форуме участвовали более 340 глав иностранных компаний. Бизнес-диалоги были организованы в формате пяти сессий: Россия – РК; Россия – Япония; Россия – Китай; Россия – АСЕАН; Россия – Европа [7].

Особого внимания для нашего исследования заслуживает тематика проведенных на ВЭФ сессий (смотри таблицу № 3), анализ которой позволяет определить, как менялись приоритеты организаторов ВЭФ за прошедшие годы.

Для раскрытия темы первого ВЭФ "Ускорение экономического развития на Дальнем Востоке и расширение международного сотрудничества в АТР" в 2015 г. было организовано 23 сессии. Большинство из них было посвящено характеристике перспектив развития ведущих для РДВ отраслей: промышленности, энергетики и других, а также оценке интересов и возможностей стран АТР по участию в проектах в этих сферах. Девизом второго Форума стало "Открывая Дальний Восток", поэтому в 2016 г. самое значительное число

Таблица 3. Тематические сессии на ВЭФ

Перечень тематических сессий ВЭФ		Количество сессий на ВЭФ				
		2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Всего сессий
1	Промышленность и производство	3	4	6	6	19
2	Сельское хозяйство и аквакультура	2	-	2	3	7
3	Энергетика	2	1	3	2	8
4	Транспорт	1	2	2	7	12
5	Развитие региона (РДВ)	2	7	10	4	23
6	Развитие РДВ и возможности для АТР	6	6	4	6	22
7	Торгово-экономическое сотрудничество	1	4	2	-	7
8	Туризм	1	1	1	1	4
9	Гарантии и преференции для инвесторов на РДВ	2	4	-	-	6
10	Возможности и проекты для инвесторов на РДВ	-	12	8	3	23
11	Предпринимательство	-	2	2	5	9
12	Повышение качества жизни людей	-	3	4	5	12
13	Здравоохранение	-	3	1	4	8
14	Диалог РФ со странами АТР	3	-	-	-	3
15	Бизнес-диалог РФ со странами	-	5	5	5	15
16	Вопросы законодательства	-	-	1	3	4
17	Новые технологии	-	-	2	2	4
18	Образование и наука	-	-	10	5	15
19	Культура	-	-	2	-	2
20	Спорт	-	-	1	1	2
21	Экология	-	-	1	1	2
	Итого сессий на форумах	23	54	67	63	207

Источник составлено автором на основании [3, 5, 6, 7].

сессий (16) было отдано для детального обсуждения новых законодательных преференций для инвесторов на РДВ, а также представлению проектов для инвестирования в регионе.

Третий и четвёртый ВЭФ были посвящены во многом схожим темам: "Дальний Восток: создавая новую реальность" и "Дальний Восток: расширяя границы возможностей". К этому времени стабилизировалось примерное число проводимых на ВЭФ сессий (67 и 63 соответственно) и иностранных делегаций (около 60). На этих форумах существенное значение по-прежнему имели презентации новых условий инвестирования и ведения бизнеса с опорой

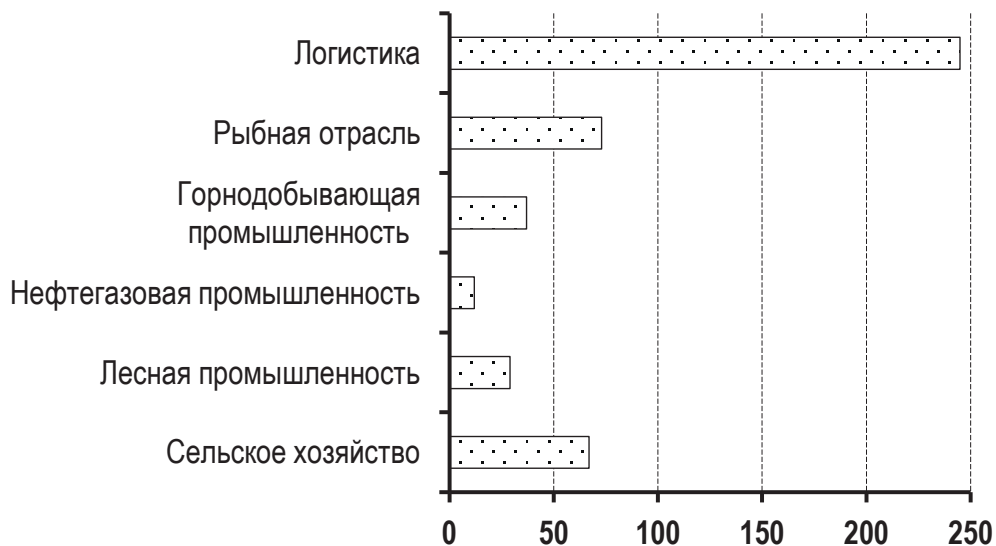

Рис. 1. Количество проектов экономического сотрудничества в рамках ВЭФ по отраслям на сентябрь 2018 г. Источник: составлено автором по данным [13].

на преимущества, предоставляемые территориями опережающего развития (ТОР), Свободным портом Владивосток, и за счёт государственной поддержки перспективных инвестиционных проектов. Значительно внимание было уделено инвестиционным проектам в таких областях, как транспорт, сельское хозяйство и аквакультура, а также развитию предпринимательства.

Новыми направлениями для обсуждения с бизнесом на этих двух форумах стали возможности социального, технологического развития региона, продвижения проектов в науке и образовании, культуре, спорте, экологии. То есть на первые роли вышли вопросы повышения качества жизни населения, отток которого с РДВ хотя и несколько замедлился, но не остановился.

Анализ направлений экономического развития и сотрудничества, продвигаемых РФ в формате ВЭФ

В декабре 2014 г. Президент В.В. Путин подписал закон "О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации". В соответствии с решением Правительства РФ устанавливается особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения [9, с. 276]. В настоящее время на РДВ создано 19 ТОР [2].

13 июля 2015 г. президент Путин подписал Федеральный закон № 212-ФЗ "О свободном порте Владивосток". Район Свободного порта охватывает 15 административных районов, включая Владивосток и Находку, общей площадью почти 30 000 квадратных километров и населением более 1,4 млн человек. Российское правительство также разработало Национальный план социально-экономического развития на Дальнем Востоке и Байкале на период 2025 года и создало специальный фонд развития РДВ [10].

Рассмотрим подробнее основные направления экономического развития и международного сотрудничества, продвигаемые РФ в формате Форума. На ВЭФ проходит презентация наиболее значимых инвестиционных проектов РДВ. Ежегодно, по результатам конкурсного отбора, Министерством по развитию ДВ определяются наиболее значимые и перспективные проекты. В качестве критериев отбора выступают: стадия реализации проекта, его значение для развития экономики региона, использование новых технологий и,

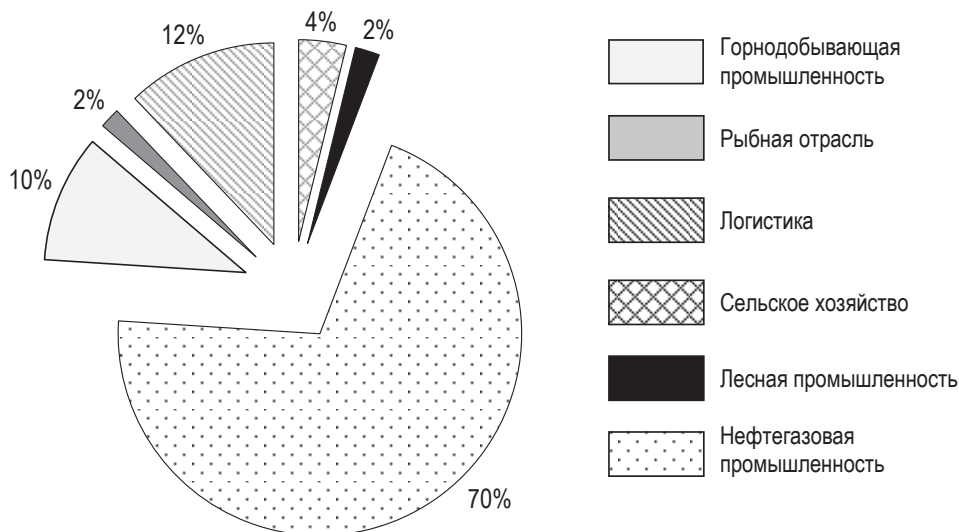

Рис. 2. Объём заявленных инвестиций в рамках экономического сотрудничества по итогам ВЭФ по отраслям на сентябрь 2018 г.
Источник: составлено автором по данным [13].

соответственно, создание высокотехнологичных рабочих мест. Кроме этого, важным критерием выступает поддержка действий инвестора органами власти разных уровней, которая подтверждается рекомендательными письмами [8]. В 2018 г. был впервые учтён такой фактор, как строительство социальной инфраструктуры в ходе реализации проекта. При этом на ВЭФ пользуются приоритетом инвестиционные проекты в следующих отраслях экономики: горнодобывающая промышленность, нефтегазовая сфера, лесная отрасль, сельское хозяйство, рыбная отрасль, логистика, туризм, финансы, инновации.

Анализ статистической информации позволил автору выявить, что отрасли, в которой на РДВ реализуется максимальное количество проектов, использующих новые механизмы государственной поддержки, является логистика (рис. 1).

Из рисунка 1 следует, что количество проектов, реализующихся в логистической отрасли, составляет более 53% от общего числа проектов, предлагаемых в рамках ВЭФ. На втором месте по количеству проектов располагается рыбная отрасль, в которой реализуется 73 проекта (16% от общего числа проектов). Третье место занимает сельское хозяйство, 67 проектов (14% соответственно).

Несмотря на то, что наибольшее число проектов, реализуемых по итогам ВЭФ, осуществляется в логистической сфере, по объёму заявленных инвестиций она занимает второе место среди всех отраслей (рис. 2).

Из рисунка 2 следует, что наибольший объём заявленных инвестиций пришёлся на нефте- и газопереработку. Совокупный объём этих инвестиций в проекты, реализуемые в данной отрасли, составляет 2,1 трлн. руб. (70% от их общего объёма). На втором месте располагается логистика, с объёмом в 362 млрд. руб. (12% общего объёма). Третье место занимает горнодобывающая промышленность, количество заявленных инвестиций в которой составило 306 млрд. руб. (10% общего объёма).

Рассмотрим направления экономического развития и международного сотрудничества в регионе по отраслям более подробно. Во-первых, инвесторам из стран СВА в рамках ВЭФ предлагается развитие совместного сотрудничества в рамках нефтегазовой отрасли. РДВ обладает существенными конкурентными преимуществами для реализации проектов по нефте- и газопереработке: здесь сконцентрировано 27% запасов газа и 17% запасов нефти в АТР, а рядом – крупные рынки АТР, в первую очередь, Китай, который ежегодно наращивает импорт углеводородов. Согласно стратегии развития энергетиче-

ской отрасли России, к 2035 г. добыча газа на РДВ вырастет почти в 2,5 раза, до 80 млрд куб. м в год, а нефти – на 70%, до 118 млн тонн [13].

Запасы нефти на РДВ превышают 1,3 млрд тонн, при этом действующий нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО) мощностью 50 млн тонн в год, заканчивающийся в бухте Козьмино, может быть расширен до 80 млн тонн в год. В 2018 г. по нефтепроводу ВСТО в Китай будет экспортировано более 38 млн тонн, а основным поставщиком нефти в эту страну является "Роснефть" [13].

Запасы газа на востоке страны разрабатывает в основном "Газпром". В Восточной Сибири и на РДВ компания имеет лицензии на 37 месторождений с запасами газа свыше 5,7 трлн куб. м. На Сахалине в 2017 г. было произведено 11,5 млн тонн сжиженного природного газа (СПГ), при этом 38% его экспортных поставок пришлось на Японию, 18% – на Китай, 12% – на Тайвань, 8% – на РК. Строящийся газопровод "Сила Сибири" обеспечит масштабные поставки газа в Китай. Испытания его первой очереди запланированы на конец 2019 г. Для переработки продукции "Силы Сибири" строится Амурский газоперерабатывающий завод, который станет крупнейшим в России и вторым по мощности в мире предприятием по переработке газа проектной мощностью 42 млрд куб. м газа в год. На заводе будет создано шесть технологических линий, две из которых планируются ввести в эксплуатацию уже в 2021 г. Таким образом, перспективы нефтегазовой отрасли во многом связаны со строительством перерабатывающих мощностей на РДВ. В настоящий момент мерами государственной поддержки пользуются 12 проектов в данной сфере, а для реализации проектов в нефте- и газопереработке были созданы две ТОР – "Свободный" (Амурская область) и "Нефтехимический" (Приморский край).

Особого внимания заслуживает и успешное развитие сельского хозяйства на РДВ, где в последние годы активно строятся крупные свиномкомплексы, молочные фермы, теплицы. Инвесторы поверили в потенциал дальневосточного сельского хозяйства, хотя оно и считается высокорисковой отраслью. При этом они пользуются преференциями, предоставляемыми режимами ТОР и Свободного порта Владивосток, а немалую роль в привлечении инвесторов в сферу агропромышленного комплекса (АПК) сыграли переговоры в рамках четвёртого ВЭФ. Уже три ТОР на РДВ имеют сельскохозяйственную специализацию: "Михайловский" в Приморском крае, "Белогорск" в Амурской области и "Южная" на Сахалине. Благодаря появлению режима ТОР в АПК удалось привлечь крупные холдинги: "РусАгро", "Мерси Агро", вьетнамскую ТН True Milk. Агропромышленный потенциал РДВ позволит в ближайшие пять лет нарастить производство продовольствия до покрытия собственной потребности региона, а затем и выйти на экспорт в страны АТР, считают эксперты.

2017 г. стал рекордным для России по объёмам вылова водных биоресурсов – было добыто почти 4,8 млн тонн. Из них 3,11 млн тонн пришлось на Дальневосточный бассейн, где, согласно прогнозам учёных, в последующие годы можно добывать 3–4,5 млн тонн водных биоресурсов. На РДВ вырабатывается свыше 2 млн тонн рыбной продукции в год: часть уловов вывозится сырым на экспорт, другая – идёт в переработку.

На четвёртом ВЭФ также обсуждалось развитие аквакультуры. По данным статистики, на долю продукции марикультуры в общем объёме производства морских биоресурсов в РДВ приходится около 0,3%, при этом среднемировой показатель – 54%, а в Китае – глобальном лидере в области аквакультуры – более 70%. Из около 2 млн га. пригодной для марикультуры акватории РДВ задействовано всего 63 тыс. га. Способствовать развитию аквакультуры должны новые механизмы поддержки отрасли и снятия административных барьеров. Таким образом, развитие международного сотрудничества возможно и в рыбной отрасли.

РДВ важен и для развития транспортной сферы, так как через него проходят кратчайшие маршруты "восток – запад" и обратно. В ближайшем будущем в России должны заработать международные транспортные коридоры "Приморье-1" и "Приморье-2", новые трансграничные переходы в Китай в Амурской области и Еврейской автономной области. Особые перспективы связаны с развитием Северного морского пути, предоставляющего возможность

перевозить товары быстрее, чем по традиционному маршруту через Суэцкий канал. Эти и другие возможности развития международного транспортного взаимодействия активно обсуждаются на форумах ВЭФ.

Также на сессиях ВЭФ обсуждается международное сотрудничество в финансах и инновациях. Владивосток может стать финансовым центром развития с учётом того, что в августе 2018 г. подписан закон о создании на острове Русский "специального административного района" – аналога оффшорной зоны.

Для ускорения инновационного развития региона во Владивостоке создан технопарк "Русский". Он призван сформировать на Русском острове экосистемы технологического предпринимательства для инновационного развития Приморского края, РДВ и сотрудничества со странами АТР в сфере высоких технологий. Соучредителями технопарка выступают Фонд "Сколково" и ДВФУ. Открытие технопарка "Русский" состоялось в рамках третьего ВЭФ в 2017 г. Его резидентами уже стали более 30 компаний РДВ, которые разрабатывают и продвигают на отечественном и азиатском рынках высокотехнологичные продукты в сферах робототехники, экологического строительства, биомедицины, виртуальной реальности и др. При технопарке работает несколько офисов крупных технологических партнёров, в том числе "Лаборатории Касперского" и одного из лидеров в сфере цифровой техники РФ компании DNS.

Выводы

Результаты исследования показали, что использование формата ВЭФ способствует продвижению интересов РФ в АТР и повышению эффективности её экономического сотрудничества со странами региона. При этом в ходе работы ВЭФ возникают дополнительные возможности для развития положительного имиджа России в СВА и АТР в целом. Таким образом, форумы выполняют две важнейших функции, одна из которых связана с привлечением на РДВ растущих объёмов инвестиций, а другая – с формированием благоприятного имиджа страны и региона.

Всего за несколько лет ВЭФ превратился в авторитетный экономический форум, в котором участвует большое и постоянно увеличивающееся число представителей бизнеса РФ и других государств, при этом на последних трёх форумах делегации пяти из шести стран СВА (РФ, КНР, Японии, РК и Монголии) возглавляли представители высшего руководства этих государств.

Анализ тематики сессий четырёх ВЭФ позволил определить изменения приоритетов и акцентов руководства РФ в развитии РДВ за прошедшие годы. На двух первых форумах основное внимание было уделено анализу состояния и перспектив развития ведущих для РДВ отраслей: промышленности, энергетики, торговли и других – и оценке перспективных направлений участия инвесторов в развитии РДВ. При этом на втором ВЭФ наибольшее число сессий было посвящено обсуждению новых законодательных преференций для инвесторов и представлению проектов для инвестирования в регионе.

На третьем и четвёртом форумах ВЭФ стабилизировалось общее количество сессий (67 и 63 соответственно), на которых существенное значение по-прежнему имели презентации новых условий инвестирования и ведения бизнеса с опорой на преимущества, предоставляемые ТОР, Свободным портом Владивосток и другими механизмами государственной поддержки инвестиционных проектов. Новыми направлениями для обсуждения стали возможности социального, технологического развития региона, продвижения проектов в науке и образовании, культуре, спорте, экологии, то есть на первые роли вышли вопросы повышения качества жизни населения РДВ.

Что касается показателей инвестиционной активности, то анализ числа подписанных на четырёх ВЭФ соглашений показал, что наибольшее количество (53%) было заключено в сфере логистики, на втором и третьем местах по этому показателю оказались рыбная отрасль и сельское хозяйство (16% и 14% соответственно). В то же время наибольший объём заявленных инвестиций, в соответствии с подписанными на ВЭФ соглашениями, пришёлся на нефте- и газопереработку (70%), а второе и третье место остались за логистикой (12%) и горнодобывающей промышленностью (10%).

При этом важно то, что ежегодно на форумах проходят бизнес-диалоги РФ с ведущими странами СВА (КНР, Японии, РК) и группами государств дру-

гих мировых регионов (Европа, Юго-Восточная Азия и др.) с участием высокопоставленных чиновников и представителей крупного и среднего бизнеса, что помогает представителям Дальнего Востока выходить на новый, более тесный уровень отношений с зарубежными и российскими инвесторами.

Наконец, ежегодно на ключевых пленарных сессиях ВЭФ государственные лидеры Китая, Японии, Монголии и РК обсуждали с Президентом РФ как состояние и перспективы развития двустороннего и многостороннего сотрудничества в экономике в СВА, так и наиболее злободневные проблемы региональной безопасности и совместные пути их решения. То есть, имея в своей основе экономическую повестку, ВЭФ одновременно стал важным механизмом для демонстрации и укрепления Россией своих стратегических позиций в СВА.

Литература

1. Восточный экономический форум // Минвостокразвития России, [Электронный ресурс]. URL: <https://minvr.ru/activity/vostochnyy-ekonomicheskii-forum/> (дата обращения 07.04.2019).
2. В России появятся 14 новых территорий опережающего развития // Коммерсантъ, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3883885> (дата обращения 29.03.2019).
3. В ходе ВЭФ были заключены контракты на сумму свыше 1,3 трлн рублей // РИА новости, [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20150909/1240407652.html> (дата обращения 20.03.2019).
4. Главные экономические форумы России. Инфографика // Аргументы и факты, [Электронный ресурс]. URL: http://www.aif.ru/dontknows/infographics/glavnye_ekonomicheskie_forumy_rossii_infografika (дата обращения 15.02.2019).
5. Итоги работы Восточного экономического форума – 2016 // Восточный Экономический Форум, [Электронный ресурс]. URL: <https://forumvostok.ru/news/results-of-the-second-eastern-economic-forum-2016/> (дата обращения 20.03.2019).
6. Итоги работы Восточного экономического форума – 2017 // Восточный Экономический Форум, [Электронный ресурс]. URL: <https://forumvostok.ru/news/itogiraboty-vostochnogo-ekonomicheskogo-foruma-2017/> (дата обращения 14.03.2019).
7. Итоги работы Восточного экономического форума – 2018 // Восточный Экономический Форум, [Электронный ресурс]. URL: <https://forumvostok.ru/outcomes-of-the-eef-2018/> (дата обращения 14.03.2019).
8. К выступлению приглашаются лучшие // Восток России, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/k-vystupleniyu-priglasayutsya-luchshie/> (дата обращения 07.04.2019).
9. Лёвушкина А. О. Восточный экономический форум: история становления и перспективы развития / А. О. Лёвушкина // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы VI международной научно-практической конференции. Министерство образования и науки РФ; Благовещенский государственный педагогический университет; Институт Конфуция в БГПУ. 2016. С. 276–278.
10. О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона" // Постановление правительства РФ, [Электронный ресурс]. URL: <https://minvr.ru/upload/iblock/505/proekt-postanovleniya.pdf> (дата обращения 14.03.2019).
11. Севастьянов С.В. От редактора рубрики // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 4 (39). С. 5.
12. Хлытчиев И. И. Экономические форумы в России как каналы эффективной GR-коммуникации / И. И. Хлытчиев // Власть. 2013. № 12. С. 63–67.
13. Экономика Дальнего Востока № 19 сентябрь 2018 г. // Минвостокразвития России, [Электронный ресурс]. URL: https://minvr.ru/upload/iblock/933/api_agenda_ufef.pdf (дата обращения 13.01.2019).
14. 第四届东方经济论坛: 架设信任与合作之桥, 中国与世界 (Четвёртый ВЭФ: мост доверия и сотрудничества) // События в мире, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-SJZS201819026.htm> (дата обращения 20.04.2019).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vostochnyj ehkonomicheskij forum // Minvostokrazvitiya Rossii, [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://minvr.ru/activity/vostochnyy-ekonomicheskij-forum/> (data obrashheniya 07.04.2019).
2. V Rossii poyavyatsya 14 novykh territorij operezhayushhego razvitiya // Kommersant", [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3883885> (data obrashheniya 29.03.2019).
3. V khode VEHF byli zaklyucheny kontrakty na summu svyshe 1,3 trln rublej // RIA novosti, [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/20150909/1240407652.html> (data obrashheniya 20.03.2019).
4. Glavnye ehkonomicheskie forumy Rossii. Infografika // Argumenty i fakty, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.aif.ru/dontknows/infographics/glavnye_ekonomicheskie_forumy_rossii_infografika (data obrashheniya 15.02.2019).
5. Itogi raboty Vostochnogo ehkonomicheskogo foruma – 2016 // Vostochnyj EHkonomicheskij Forum, [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://forumvostok.ru/news/results-of-the-second-eastern-economic-forum-2016/> (data obrashheniya 20.03.2019).
6. Itogi raboty Vostochnogo ehkonomicheskogo foruma – 2017 // Vostochnyj EHkonomicheskij Forum, [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://forumvostok.ru/news/itogi-raboty-vostochnogo-ekonomicheskogo-foruma-2017/> (data obrashheniya 14.03.2019).
7. Itogi raboty Vostochnogo ehkonomicheskogo foruma – 2018 // Vostochnyj EHkonomicheskij Forum, [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://forumvostok.ru/outcomes-of-the-eef-2018/> (data obrashheniya 14.03.2019).
8. K vystupleniyu priglasayutsya luchshie // Vostok Rossii, [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/k-vystupleniyu-priglasayutsya-luchshie/> (data obrashheniya 07.04.2019).
9. Lyovushkina A. O. Vostochnyj ehkonomicheskij forum: istoriya stanovleniya i perspektivy razvitiya / A. O. Lyovushkina // Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: Materialy VI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ministerstvo obrazovaniya i nauki RF; Blagoveshhenskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet; Institut Konfutsiya v BGPU. 2016. S. 276–278.
10. O vnesenii izmenenij v gosudarstvennyuyu programmu Rossijskoj Federatsii "Sotsial'no-ehkonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona" // Postanovlenie pravitel'stva RF, [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://minvr.ru/upload/iblock/505/proekt-postanovleniya.pdf> (data obrashheniya 14.03.2019).
11. Sevast'yanov S.V. Ot redaktora rubriki // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2016. № 4 (39). S. 5.
12. KHlytchiev I. I. EHkonomicheskie forumy v Rossii kak kanaly ehffektivnoj GR-kommunikatsii / I. I. KHlytchiev // Vlast'. 2013. № 12. S. 63–67.
13. EHkonomika Dal'nego Vostoka № 19 sentyabr' 2018 g. // Minvostokrazvitiya Rossii, [EHlektronnyj resurs]. URL: https://minvr.ru/upload/iblock/933/api_agenda_vef.pdf (data obrashheniya 13.01.2019).
14. 第四届东方经济论坛：架设信任与合作之桥，中国与世界 (CHetvyortyj VEHF: most doverya i sotrudnichestva) // Sobytiya v mire, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-SJZS201819026.htm> (data obrashheniya 20.04.2019).

Ян Линьлинь. Приоритетные направления экономического развития и сотрудничества, продвигаемые Россией в формате Восточного экономического форума.

С 2015 г. во Владивостоке на сессиях Восточного экономического форума (ВЭФ) обсуждаются опыт использования новых законов, реализуемых Правительством РФ на российском Дальнем Востоке (РДВ), и инвестиционные проекты для вложения капиталов, что способствует развитию РДВ и его вовлечению в интеграционное пространство СВА. Несмотря на важность задач, решаемых Россией на форумах, научная литература, характеризующая и обобщающая информацию по ВЭФ за прошедшие годы, практически отсутствует, и поэтому высокая актуальность темы и научно-практическая значимость статьи не вызывает сомнений. Цель работы заключается в исследовании приоритетных направлений экономического развития и сотрудничества, продвигаемых Россией в формате ВЭФ, а его основу составил анализ научной литературы и статистической отчётности по итогам форумов.

Ключевые слова: *российский Дальний Восток, Восточный Экономический Форум, экономическое сотрудничество, инвестиции*

Yan Lin'lin'. Priority areas of economic development and cooperation promoted by Russia in the format of the Eastern Economic Forum.

Since 2015 the experience in using new laws that have been launched by the Russian Government at the Russian Far East (RFE) and projects for investments have been discussed at the sessions of the Eastern Economic Forums (EEF), thus contributing to the development of the RFE and its incorporation into NEA integration space. Despite the importance of tasks solved by Russia at the forums, there is practically no scientific literature that is summarizing and characterizing information on EEFs over the past years, and therefore the high relevance of the topic, and scientific and practical value of the article are beyond any doubt. The purpose of the work is to study priority areas of economic development and cooperation promoted by Russia in the format of the Eastern Economic Forums, while the basis of the article was an analysis of scientific literature and statistical reports on the results of the forums.

Key words: *Russian Far East, Eastern Economic Forum, economic cooperation, investments*

Для цитирования: Ян Линьлинь. Приоритетные направления экономического развития и сотрудничества, продвигаемые Россией в формате Восточного экономического форума // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 90–100. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/90-100

For citation: Yan Lin'lin'. Priority areas of economic development and cooperation promoted by Russia in the format of the Eastern Economic Forum // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 2. P. 90–100. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/90-100

Дружественность городской среды к детям и молодёжи: от теоретических подходов к экспертным интерпретациям

Введение

Стремительный рост городов, интенсификация городской жизни, исчезновение детей с городских улиц и помещение их в защищённые городские пространства в сочетании с включением молодёжи в городские процессы, событийным наполнением городской среды, вниманием общества и государства к маломобильным группам горожан – это и многое другое поддерживает неугасающий исследовательский интерес к городу. В начале прошлого века представителями Чикагской школы город был очень точно назван "лабораторией" по изучению социальных проблем и социальных изменений, различных аспектов человеческого поведения. Сейчас мы можем констатировать ещё большее усложнение этой лаборатории и экспериментов, запускаемых городскими властями, городскими службами, бизнесом и разными группами горожан в ней.

Оборотная сторона урбанизации в виде уплотнения городской застройки, уничтожения зелёных зон, утраты социальных связей между жителями одного дома или микрорайона, усиления автомобилизации, с одной стороны, запустила процесс бегства населения из города в пригород, малые города или сельскую местность. А, с другой, стимулировала социальный запрос города на преобразование его среды, повышение степени её комфортности и безопасности, доступности социальных объектов, социальные коммуникации с горожанами – как со взрослыми, так и с детьми и молодёжью. В этой связи в публичной риторике все чаще звучат такие словосочетания, как "дружественная городская среда", "доброжелательная городская среда", "город гармоничного развития", "город, пригодный для жизни" и др. Интерес к городу проявляют не только исследователи, но и управленцы, практики, вовлечённые в деятельность различных городских служб, представители органов, обеспечивающих безопасность в городе и на дорогах.

В городской теории и практике можно констатировать формирование, по меньшей мере, трёх подходов к интерпретации "дружественности городской среды": урбанистического, социо-психологического и управленческого, каждый из которых постоянно дополняется новыми характеристиками.

В урбанистике дружественность рассматривается с точки зрения физических параметров городской среды (зелёные насаждения, доступные объекты инфраструктуры, освещённость, удобные для перемещения улицы и т.п.). Дружественный город – это город, в котором реализуются принципы комфорта (удобство для жизни, доступность, безопасность), экологии (минимизация негативного воздействия на окружающую среду), устойчивой мобильности (развитая система общественного транспорта, пешеходная и велосипедная

© Филипова А.Г., Лебедева Е.В., 2019

ФИЛИПОВА Александра Геннадьевна, д-р социол. наук, профессор департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** alexgen77@list.ru

ЛЕБЕДЕВА Елена Викторовна, канд. социол. наук, доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью факультета журналистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь). **E-mail:** Elena_lebedeva_bsu@tut.by

Исследование выполнено при поддержке грантов РФФИ (проект № 18-511-00019) и БРФФИ (договор № Г18Р-241 от 01.06.2018 г.), тема исследования "Дружественность среды постсоветских городов к детям и молодёжи: компаративный анализ белорусских и российских кейсов".

инфраструктура), а также участия горожан в принятии решений, касающихся преобразования городской территории (см. работы: В. Глазычев, Дж. Джекобс, Э. Наберушкина, О. Ньюман, Г. СанOFF [6; 7; 12; 17; 37; 31]).

Социо-психологический подход исследует город, прежде всего, как пространство социализации. Для детей и молодёжи город является пространством усвоения и закрепления социальных ролей. С точки зрения социального становления, городская среда предоставляет детям возможности для свободной игры, свободных перемещений, коммуникаций с другими горожанами, включения в разные виды городской активности.

Ряд исследователей пытается сочетать объективные индикаторы "дружественности" среды (её физические и социальные элементы) с детской активностью, возможностями детского развития в городской среде. М. Фрэнсис и К. Лоренцо, изучив публикации, посвящённые городской доброжелательности к детям, выделили следующие измерения среды: доступность, разнообразие, контроль, вариативное использование, приключенческий характер; безопасность, но с элементами риска; смысловая нагрузка; автономия; социализация; дружелюбие; интуитивная прозорливость; участие [27, с. 158]. Появились работы, посвящённые поиску взаимосвязи между благополучием детей и спецификой городской территории, были сформулированы эмпирически измеряемые индикаторы дружественности городской среды: активная роль детей в местных сообществах; обеспечение безопасных мест для игры в непосредственной близости от места проживания; активное участие в заботе о детях соседских сообществ; наличие возможностей для творческого развития, самореализации и неформального образования; развитие необходимой инфраструктуры (в том числе и информационной) для семей с детьми и т. д. (см. работы: A. Burns, R. Homel, M. Limb, H. Matthews, M. Taylor, C. Ward, H. Zeiher [23; 29; 37; 38]). В российских работах исследуются показатели доступности, комфортности, безопасности городской среды для родителей с детьми (М. Балакирева, С.Н. Майорова-Щеглова, А.Г. Филипова [2; 11; 21]).

Управленческий подход разворачивается на основе различных международных инициатив и программ, ориентированных на преобразование городской среды путём объединения усилий городских властей, бизнеса и локальных сообществ. Данный подход скорее представляет собой перечень методических рекомендаций по преобразованию городской среды, а также инструментов для эмпирической оценки достигнутых результатов. Примером таких рекомендаций является инициатива ЮНИСЕФ "Город, дружественный детям" (Child friendly cities initiative). К. Малоун, председатель и основатель программы Child-friendly Азиатско-тихоокеанского региона Детского фонда ООН, отмечает, что "Город, дружественный детям" – это программа, которая помогает городам понять, как выглядят права в действии. Города отличаются друг от друга, поэтому не существует универсальных рецептов создания доброжелательности. Позиция ЮНИСЕФ заключается в консультационной поддержке и профессиональном сопровождении локальных инициатив в области доброжелательности городской среды (см. работы: S. Chatterjee, L. Chawla, D. Driskell, L. Horelly, K. Lynch [24; 25; 26; 28; 30]).

Концепт "дружественного города" не получил широкого распространения в российских и белорусских городских исследованиях. Исключения представляют работы Ю.П. Аверина, А.А. Бесчасной, Е.В. Лебедевой, Н.Э. Ракичиной, А.Г. Филиповой [1; 3; 10; 21; 22].

Методы и материалы

В данной статье мы ставим перед собой задачу осмысления концепта дружественного города и выделения индикаторов измерения этой дружественности, исходя из трёх вышеозначенных подходов: урбанистического, социо-психологического и управленческого – с опорой на материалы экспертных интервью.

Экспертные интервью собраны в шести городах – участниках проекта. В Республике Беларусь – это Минск, Бобруйск и Гродно, в Российской Федерации – Санкт-Петербург, Владивосток и Комсомольск-на-Амуре. Всего в российско-белорусском архиве исследования транскрипты 28-ми экспертных интервью и пяти фокус-групп. Отбор городов производился на основе критериев их схожести по численности населения, доминирующему типу городской

культуры (западный, советский, смешанный), уровню социально-экономического развития, присоединения к инициативе ЮНИСЕФ "Города, доброжелательные к детям". Помимо критерия проживания в соответствующем городе важным критерием отбора экспертов была сфера их профессиональной занятости. Условно были обозначены четыре сферы для рекрутинга специалистов: (1) отдых и досуг детей, молодёжи в городе, событийное наполнение городской жизни; (2) городское планирование, архитектура, дизайн городской среды; (3) безопасность в городе, в том числе, безопасность дорожно-транспортного движения; (4) здоровье детей и молодёжи в городе, пропаганда здорового образа жизни.

Гайд экспертного интервью включал два блока вопросов: общие представления о дружественности городской среды для детей и молодёжи и субъективные и объективные условия, формирующие дружественность городской среды (по сферам реализации функций). Второй блок вопросов изменялся в зависимости от сферы профессиональной занятости эксперта. В гайд фокус-группы были добавлены вопросы относительно двух типов городских мест – дворов и общественных пространств.

Результаты и их обсуждение

Первое, что нужно отметить по материалам всех экспертных интервью, – это более подробные и внятные представления о дружественности и недружественности городской среды со стороны преподавателей, постоянная рефлексия по поводу городской жизни собственных детей/внуков. Ещё более фокусированными получились интервью с преподавателями-архитекторами.

Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание, – это соотношение экспертов из разных сфер с тремя вышеозначенными подходами. У учителей, воспитателей, медицинских работников доминируют представления о городской среде как о пространстве социализации подрастающего поколения. У урбанистов, архитекторов – это концепт города, удобного для жизни, с подробным описанием городской застройки, принципов организации городского пространства, транспортной логистикой и пр.

По материалам экспертных интервью мы попытались выделить индикаторы дружественности городской среды к горожанам с позиций трёх подходов – урбанистического, социо-психологического и управленческого, а также обозначить возможные направления преобразования города в сторону повышения его дружественности.

Согласно первому подходу, для формирования дружественной городской среды важны такие критерии, как плотность и этажность застройки, сочетание природных и социальных объектов, наличие транспортных развязок и удобной городской навигации. По поводу городской застройки эксперты отмечают, "это здания с 3-5-тью этажами, "соразмерные" или "сомасштабные" человеку" (Э1), "человек рядом с таким зданием или сооружением не чувствует себя подавленным" (Э2). При этом одинаково недружественны в оценках экспертов как огромные общественные пространства (например, площадь Октябрьская в Минске), так и глухие дворы-колодцы в Санкт-Петербурге. Это выводит нас на критерий безопасности городского пространства. Датский исследователь Ян Гейл рассуждает о "мягких" и "жестких" границах в городе, во втором случае – город сегментируется, а горожане скрываются за заборами, металлическими ставнями, дверьми [5, с. 99]. О. Ньюман обращает внимание на небезопасность тушиков и тёмных переулков [31], а Дж. Джекобс относит к небезопасным местам также парки и детские площадки по причинам отсутствия в них постоянного контроля со стороны взрослых [7, с. 45].

Похожие идеи высказывали наши эксперты, предлагая свои рекомендации по оживлению территорий, прилегающих к высотным зданиям. Один из экспертов, житель г. Минска, предлагает сделать это за счёт перепланировки с созданием отдельных входов для жителей первых этажей и передачи в аренду/собственность прилегающих земельных участков.

Другой эксперт уточняет, что дружественность – это "тот вид/облик застройки и среды, которые человеком воспринимаются как не несущие угрозу, то есть безопасные, когда он может чувствовать себя свободно" (Э2). Здесь уместно провести параллель с исследованием, проведённым М. Сибиревой в г. Санкт-Петербурге по изучению особенностей влияния большого города на

социализацию детей дошкольного возраста. Среди пяти проблемных ситуаций (метод рисуночных коллизий), проецирующих детские городские страхи, была ситуация нахождения детей перед высотными зданиями. Дети говорили о собственных ощущениях подавленности, неуверенности и даже страха [19].

Другой эксперт детализирует опасности высоток:

"Лифт – страшнее не придумаешь, подъезд – страшнее не придумаешь, крыша – ещё хуже, тылы этих магазинов, где мусорки, бомжи, эти строители, которые орут... ты себя вообще человеком не чувствуешь, при чём тут дети, я себя гнетуще чувствую" (Э2).

Далее, следуя принципам, сформулированным в проекте "SAGA о городе. Трансформация общественных пространств" [16], участники исследования наделяют городские пространства такими характеристиками, как "smart" (умные), "attractive" (привлекательные), "green" (зелёные), "accessible" (доступные):

"Удобно – это ещё и красиво: чистые улицы, красивые фасады домов... когда они современные, в общем-то, когда нету обшарпанных, старых таких домов, неудобных, с подслеповатыми окнами" (Э3).

"Минск вообще обладает такой структурой как водно-зелёный диаметр, это нечасто встречается в городах. Я не скажу, что это уникальное явление, но тем не менее, достаточно редко бывает, когда сохранён" (Э4).

В ходе исследования мы выделили два типа городских мест, с которыми будем работать дальше. Эти места очень важны для горожан: в первом типе мест они живут – это их двор /микрорайон, во втором – они проводят свободное время – это городские общественные пространства. Характеризуя эти городские места, эксперты обосновывали все те же критерии безопасности и доступности (финансовой и территориальной).

Однако, если говорить о функциях городской среды, выделенных нами ранее с позиции структурно-функционального анализа [10], то относительно мест проживания доминирует функция рекреации, а в описаниях городских общественных пространств преобладают развлекательная, коммуникативная и культурно-образовательная функции. То есть индикаторы дружелюбности разных типов городских мест должны различаться, исходя из преобладающих функций.

Для двора это могут быть такие индикаторы, как размер придомовой территории в расчёте на одного жителя прилегающего дома/домов; наличие и качество детской/спортивной площадки; освещение; запрет или ограничение перемещения и парковки автотранспорта; наличие лавочек и урн; процент озеленения.

Для городских общественных пространств – это транспортная доступность, ориентированность на горожан разных возрастов; наличие зон для активных мобильностей, для общения и для городских мероприятий; финансовая доступность; уровень озеленения; уровень благоустройства и др.

В рамках урбанистического подхода к организации городской среды также важно обратить внимание на работу общественного транспорта, транспортную логистику, безопасность дорожного движения. В Вучик во введении к русскому изданию своей работы "Транспорт в городах, удобных для жизни" замечает, что проблемой городов России и других постсоветских стран является отсутствие "опыта принятия решений, адаптированных к растущему парку частных автомобилей и условиям высокоинтенсивного городского трафика". [4, с. 50] В крупных городах и мегаполисах автомобили все чаще воспринимаются урбанистами как то, что "разрушает городскую ткань" [14, с. 161], по причинам самопроизвольных парковок, заторов на дорогах, серьёзного загрязнения воздуха, частых дорожно-транспортных происшествий.

Один из родительских страхов по поводу самостоятельных перемещений детей в городе как раз связан с небезопасностью дорожного движения – нарушением водителями правил дорожного движения, опасностью нерегулируемых переходов [22, с. 131]. Коллектив российских исследователей проанализировал ДТП в зоне пешеходной доступности учебных заведений, совместив на одной карте точки расположения школ и места ДТП [8]. В итоге, по московским школам была получена следующая картина: 31 % школ находятся в зоне высокого риска с частыми случаями травмирования и/или смерти пешеходов, около половины школ – в средней зоне с 1–2 пострадавшими в год. А.

Радченко, автор инициативного исследования, изучил паспорта безопасности дорожной безопасности школ и пришёл к выводу, что ни в одном документе "нет мер, которые могли бы реально повлиять на безопасность детей" [8].

Что касается транспортной навигации и безопасности на дорогах, то эксперты здесь единодушны в высказываниях: "важно, чтобы транспорт был разнообразным и маршруты транспортные были спланированы так, чтобы маршрут не разрывался" (Э3), "пешеходные переходы с работающими светофорами, расположенные возле школ, близко от дворов, отсутствие перекрёстков, где ребёнок не может чётко сориентироваться, как правильно ему двигаться, безопасно" (Э5), "наличие в городе нужных указателей, возможность передвижения, с удобной навигацией" (Э6).

Эксперт из Комсомольска-на-Амуре высказал сожаление по поводу исчезновения такого вида общественного транспорта, как трамвай: "кладёз совместного времяпрепровождения родителей с детьми. Экологически чистый вид транспорта, исторически наполнявший атмосферу города" (Э7). Трамваи исчезли и в исторической части г. Владивостока.

Особое внимание эксперты обращали на инфраструктуру микрорайона проживания. Для семей с детьми важны территориальная доступность объектов здравоохранения, образования, культуры и спорта, шаговая доступность магазинов, детских садов и школ.

Городское пространство ребёнок осваивает постепенно, расширяя физическую среду по мере взросления, переходя от территории двора к территории микрорайона и далее в целом к городу. Как справедливо заметил один из экспертов, "первые 5-6 лет – это все-таки семья, не так важна городская структура, ребёнок все равно её не видит, а дальше – это уже вопрос качества инфраструктуры, качества школы, взаимоотношений преподавателей и учителей в школе и так далее, то есть это какая-то социальная часть, потому что ребёнок проводит там много времени. Ну и кроме этого, дворовые территории благоустроенные, потому что дальше дворов обычно в этом возрасте дети не ходят" (Э4).

Далее, развивая мысль об инфраструктурной обеспеченности районов проживания, эксперты добавляют такие критерии оценки её дружественности, как налаженное взаимодействие городских служб с населением, качественное выполнение сотрудниками городских служб своих обязанностей, социальный контроль со стороны органов управления за деятельностью городских служб и пр.:

"Дружественность – это надёжность и определённости вот этих вот городских служб. То есть если ты знаешь, что мастер твой должен быть тогда-то, и ты точно знаешь, что к этому времени он придёт и решит твою проблему. То есть дружественный город – это город, в котором работают профессионалы в сфере обслуживания, в сфере услуг, в сфере здравоохранения – да в любой сфере. Вот люди, которые взаимодействуют по делу, обмениваются своими ресурсами, возможностями и делают это хорошо, это важно для дружественности города" (Э3).

Рассмотрение городской инфраструктуры, эффективность функционирования которой базируется на постоянных, продуктивных взаимодействиях органов власти, городских служб и населения, вписано в управленческий подход интерпретации дружественности городской среды. Нужно заметить, что данный подход нашёл меньшее отражение в репликах экспертов в сравнении с двумя другими – социо-психологическим и урбанистическим. Отчасти это объясняется сферой занятости респондентов. Однако в большей степени это связано с отсутствием постоянного диалога государства, общества и бизнеса; неразвитостью партисипаторных практик в городском планировании и благоустройстве, неразработанностью форм взаимодействия органов управления и горожан.

Эксперт из г. Минска проиллюстрировал пример выпадения непосредственных потребителей города из процессов проектирования городских пространств: "Заказчик – Мингорисполком, подрядчик – какой-нибудь государственный строительный Трест № N, проектировщик – какой-нибудь N-проект. И городские жители вообще никаким образом не включены в структуру взаимодействия" (Э4).

Эксперты постоянно подчёркивали важность организации взаимодействий городских властей, городских служб и горожан, развития участвующих практик:

"Дружественный город – это тот, который улавливает местоположение и действия дружественных людей и поддерживает их каким-то способом... без того, чтобы признать за горожанами право изменять какую-то часть среды по тому, как им хочется – дружественности тоже не будет. Можешь быть 100 раз дружественный, но если ты не можешь посадить дерево, поставить скамейку или вынести какой-то свой творческий проект наружу, то нельзя считать это дружественным городом/средой" (Э2).

Попытки организации таких взаимодействий встречаются в российской и белорусской практике через проведение социологических опросов (как, например, перед проведением реконструкции набережной р. Амур в г. Хабаровске), создание общественно-консультативных органов, голосование за тот или иной проект благоустройства городских территорий. Что касается последней практики, то её можно проиллюстрировать белорусским проектом, разработанным инициативной группой (урбанисты, социологи, архитекторы и др.) по благоустройству Серебрянки – одного из спальных районов г. Минска. На сайте проекта предложены архитектурно-дизайнерские разработки по преобразованию семи городских мест, расположенных в районе Серебрянки. Жители были приглашены к голосованию за тот или иной проект. Как объясняют организаторы, проект-победитель "будет отправлен на краудфандинг по сбору средств на проектно-сметную документацию. При 100 % сборе средств на документацию, город реализует проект за счёт своего бюджета" [18].

Кейс благоустройства белорусского микрорайона отличается от российских вариантов голосования, когда горожане сначала формируют список городских мест, нуждающихся в благоустройстве, а затем участвуют в голосовании. Во Владивостоке в 2018 г. в рамках программы "Формирование комфортной городской среды" был создан рейтинг, включающий 18 общественных пространств, нуждающихся в благоустройстве. Далее количество мест было сокращено до 12 [15]. Среди пространств – пешеходная тропа "Берег здоровья", зона отдыха "Площадь Спортивная гавань", студенческий парк, ландшафтно-парковая зона, сквер им. Анны Щетининой, Жариковский сквер, парк на о. Попова и др.

В методических рекомендациях по подготовке государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ формирования современной городской среды в рамках приоритетного проекта "Формирование комфортной городской среды" на 2018–2022 годы перечислены индикаторы оценки состояния сферы благоустройства в муниципальных образованиях, которые могут быть использованы как индикаторы дружественности городской среды в русле управленческого подхода. Их можно рассматривать как объективные индикаторы, характеризующие качество городской среды на основе статических данных, в том числе, количество и площадь благоустроенных дворовых территорий, их доля от общего числа дворовых территорий, доля населения, проживающего в жилом фонде с благоустроенными дворовыми территориями; аналогичные индикаторы выработаны в отношении общественных территорий и площадок, специально оборудованных для отдыха, общения и проведения досуга. Следует заметить, что субъектом законодательной инициативы также предпринята попытка разнообразить перечень индикаторов практиками участия горожан, которые интерпретируются исключительно в форматах "финансового или трудового участия граждан в благоустройстве" [13].

Прогрессивным моментом анализируемых Рекомендаций является попытка вовлечения школьников и студентов в процесс обсуждения программ и мероприятий по благоустройству городских территорий. Однако почему-то в качестве обоснования важности подобного вовлечения предлагается следующее: "это способствует формированию положительного отношения молодёжи к собственному муниципальному образованию, а через учащиеся школы и дошкольных образовательных учреждений к обсуждению можно привлечь взрослых" [13]. То есть дети и молодёжь не воспринимаются как полноправные участники процесса проектирования городской среды, со своими потребностями и представлениями о возможностях их реализации в городе.

Эксперты также ничего не говорили про партисипаторные практики, ориентированные на детей и молодёжь. Соучаствующее проектирование выступает "новой моделью проектирования и застройки мест общего пользования в открытой городской среде", когда для улучшения того или иного городского пространства "устанавливается трёхстороннее взаимодействие: жители (в том числе дети) – бизнес-сообщество – представители администрации" [22]. И в российских, и в белорусских городах существуют единичные примеры такого взаимодействия. Так, проектной группой г. Вологды (Россия) проведено "соучаствующее" оформление городского парка и пляжа, одной из остановок общественного транспорта и многое др. [20, с. 63].

Когда речь заходила о дружественности города к детям, эксперты, сменяясь в русло социо-психологического подхода, начинали рассуждать о городе как пространстве социализации/ взросления подрастающего поколения:

"Дружественный город для детей и молодёжи – город, в котором открыт максимум вариантов для поиска себя. Нравится хоккей – так в городе есть хоккейная школа, легко даются технические науки – прям в твоём районе имеется кружок по робототехнике и т. д. (Э8).

"Важна ориентация ребёнка в этом пространстве, чтобы он знал, где-то, в случае чего – куда можно обратиться, кто может ему оказать помощь в первую очередь и так далее" (Э9).

Отстаивая право детей на город, участники исследования говорили об ориентации различных городских мест на потребности ребёнка через детское меню в учреждениях общественного питания, детские унитазы в общественных туалетах, игровые комнаты/уголки во взрослых городских учреждениях (банках, магазинах и пр.).

Традиционным детским местом в городе остаются детские площадки, которые с помощью современных технологий и креативных идей решают не только задачи коммуникации детей, их развлечения, развития силы и ловкости, но также творчества, развития фантазии, обучения. Детские площадки остаются любимым объектом для журналистских и научных исследований. Зарубежные учёные анализируют влияние города, его ресурсов и рисков на детские игры на улицах города, раскрывают пространственные возможности для детской игры (E. Gulløv, K.F. Olwig, I.A. Opie, P. Opie, K. Rasmussen, C. Satta, G. Valentine [32; 33; 34; 35; 36]).

Наши эксперты говорили о пространствах для свободной игры детей в городе как о важном условии их социализации:

"Свободной игры (возможность) – обязательно. Свободные контакты не могут быть в квартире, поэтому должно быть пространство, где ты можешь прийти, можешь уйти" (Э2).

"Социализация требует пространств вот этих совсем ничьих и никак не оборудованных, что даёт возможность им придумать способ, как это всё использовать: прыгать на чем-то, висеть, валяться" (Э2).

Городские места важны не только для детей дошкольного и младшего школьного возраста, но и для подростков, которые, несмотря на то, что имеют больше возможностей для свободных перемещений, практически не имеют "своих" мест в городской среде.

На отсутствие мест для подростков обращали внимание эксперты, выдвигая критерии функционирования таких мест:

"Чтобы для этого были не подъезды какие-то ночные, а всё-таки какие-то нормальные места предусмотрены – больше каких-то таких кофеен, кафешек, где не обязательно заказывать ресторанные меню, а можно просто посидеть с чашечкой кофе или с другим напитком каким-нибудь" (Э3).

"Очень важно, чтобы было пространство для неконтролируемого, неформального общения. Но, чтобы оно было качественное... Чтоб это не пустырь, не под забором каким-то или под мостом, а чтобы это была качественная среда, где-то воспитывающая, модели поведения чтобы ставились, и чтобы она была разнообразная, чтобы был выбор, чтобы почувствовать какой ты" (Э1).

Отчасти эти критерии перекликаются с характеристиками "своего" места, выделяемыми самими подростками. [9, с. 139] Пока же подростки обживают торговые центры, испытывая сопротивление охраны этих заведений, и традиционно – "падики" (подъезды жилых домов).

Эксперты говорят о важности создания "точек притяжения" детей и молодёжи в городе – мест без жёстких институциональных рамок, финансово доступных с минимальными условиями для комфортного общения (тепло, сиденья, музыка, чай).

Одни эксперты рассуждают об изменении отношения торговых центров к подросткам, приводя в качестве примера отношение к подросткам в торговых центрах европейских городов: "...везде подростки тусуются в общественных центрах таких, и вообще никаких проблем. Есть, наоборот, специально сделанная зона фудкорттов, где они сидят с утра до вечера, общаются, что-то покупают, что-то не покупают" (Э4).

Другие позиционируют школу как пространство инклюзии:

"Очень нужно использовать ресурс школ, чтобы школы становились такими площадками, куда дети могут приходиться после уроков, но уже в другую атмосферу, где интересно проводить время. И территории вокруг школ нужно использовать" (Э6).

Хотя в отношении школ и пришкольных территорий не всё так однозначно. Некоторые эксперты говорили об отрицательных установках детей относительно школы, с одной стороны, и дидактически-назидательной позиции учителей, сохраняющейся и за рамками школьных занятий, с другой.

Позиции социо-психологического подхода к интерпретации дружественности городской среды можно усилить за счёт особого городского "климата" или "менталитета". Эксперты весьма часто говорили о субъективном чувстве принадлежности к городу, ответственности горожан, взаимной поддержке:

"В этом дружелюбном городе люди заботятся не только о порядке внутри своего дома, квартиры, подъезда и так далее, а ещё и района города и так далее" (Э9).

"Дружественный город – это когда ты вдруг споткнулся или что-то с тобой случилось, а тебя там поддержат, подадут руку, помогут, вызовут скорую, вовремя всё это будет и не будет равнодушных людей, которые не замечают ничего вокруг себя" (Э3).

"(Жители дружественного города) ощущают себя большими собственниками не только своей квартиры, но и своего дома, своего района, своего микрорайона. По сути, это формирует городской образ жизни, городской менталитет" (Э4).

Чувство города, по мнению экспертов, формируется за счёт событийного наполнения городской жизни разнонаправленными городскими мероприятиями, начиная с мер по благоустройству (уборке, озеленению) территорий, заканчивая городскими фестивалями и городскими праздниками. Также горожан – взрослых и детей – объединяет общая историческая память, находящая отражение в городских объектах, традициях города, памятных датах.

Выводы

Итак, рассмотрение концепта дружественности городской среды с позиции трёх подходов – урбанистического, социо-психологического и управленческого – по материалам экспертных интервью привело к пониманию их переплетения, взаимодополнения и важности комплексного анализа. Комплексность заключается в многоуровневости дружественности, которая разворачивается на уровне социальных и физических объектов, сообщества горожан, взаимодействий горожан, бизнеса, некоммерческих организаций и власти.

Формирование дружественности городской среды начинается с города как территории (географического ландшафта, архитектурной застройки, доступной инфраструктуры), и через город как пространство (люди и события) выходит на понимание важности формирования чувства единения с городом, сопричастности к городским процессам, включенности в управление городом через разные практики, например, практики соучаствующего проектирования городской среды.

Город как территория сложнее поддаётся преобразованиям в направлении повышения его дружественности. Однако отдельные урбанистические проекты, опирающиеся на представления и инициативы местного сообщества, постепенно меняют городские места, делая их более комфортными, открытыми, развивающими. Что же касается города как пространства, то здесь больше

возможностей для развития городских инициатив, внедрения практик участия горожан в жизни города, городской событийности

Список информантов

- Э1 Женщина; архитектура, преподавание; доцент кафедры; г. Минск;
- Э2 Мужчина; архитектура, преподавание; старший преподаватель кафедры; г. Минск;
- Э3 Женщина; дополнительное образование; заведующий отделом, Дворец детей и молодёжи; г. Минск;
- Э4 Мужчина; архитектура, предметный дизайн, урбанистика; владелец студии дизайна; г. Минск;
- Э5 Женщина; образование; завуч начальных классов средней школы; г. Минск;
- Э6 Мужчина; образование, бизнес; предприниматель; центр образовательных технологий; г. Владивосток;
- Э7 Женщина; образование; воспитатель детского дошкольного учреждения; г. Комсомольск-на-Амуре;
- Э8 Женщина; образование; преподаватель колледжа; г. Владивосток;
- Э9 Женщина; образование; доцент кафедры; г. Минск.

Литература

1. Аверин Ю. П. Качество жизни детей в городе // Социология. 2011. № 3. С. 129–144.
2. Балакирева М. Изучение повседневной мобильности горожанок с детьми: опыт применения стратегии смешивания методов // INTER. 2015. № 10. С. 60–69.
3. Бесчасная А. А. Урбанистическое детство: социологический анализ. СПб.: Астерион, 2016. 274 с.
4. Вучик В. Транспорт в городах, удобных для жизни. М.: Территория будущего, 2011. 576 с.
5. Гейл Я. Города для людей / пер. с англ. М.: Крост, 2012. 276 с.
6. Глазычев В. Л. Урбанистика. М.: Европа, 2008. 220 с.
7. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.
8. Исследование безопасности школ. Разбор ДТП с пострадавшими вблизи учебных заведений Москвы / Радченко Алексей. [Электронный ресурс]. URL: <https://ur-1.ru/TaU> (дата обращения: 14.04.2019).
9. Купряшкина Е.А., Темин Д.В., Задорин А.С. Проектная работа со школьниками: сбор информации о городе // Географии детства: междисциплинарный синтез исследовательских подходов и практик: материалы междунар. молодёжной научной школы-конф., Владивосток, 29–31 мая 2018 г. / отв. ред. А.Г. Филипова. СПб.: Астерион, 2018. С. 139–142.
10. Лебедева Е. В. Дети и молодёжь в современном городе: социологический анализ // Социология. 2013. № 2. С. 124–125.
11. Майорова-Щеглова С. Н. Социализирующее пространство города: методика социального картографирования // Педагогическая диагностика. 2013. № 1. С. 61–75.
12. Наберушкина Э. Инвалиды в большом городе: проблемы социального гражданства. М.: ЛИРА. 344 с.
13. Об утверждении методических рекомендаций по подготовке государственных программ субъектов РФ и муниципальных программ формирования современной городской среды в рамках приоритетного проекта "Формирование комфортной городской среды" на 2018–2022 годы: приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации (Минстрой России) от 6 апреля 2017 г. № 691-пр, г. Москва. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/57e/prikaz-691pr.pdf> (дата обращения: 11.07.2018).
14. Ратти К., Клодел М. Город завтрашнего дня: сенсоры, сети, хакаеры и будущее городской жизни / пер. с англ. Е. Бондал. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 248 с.
15. Рейтинг и бюджет: как формировался список из 12 общественных территорий для благоустройства во Владивостоке. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2018/02/13/167625/> (дата обращения: 11.04.2019).
16. САГА (SAGA) о городе. Трансформация общественных пространств / под ред. Л. Воронковой, О. Паченкова. СПб.: НП-Принт. 2014. 189 с.
17. Санофф Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов / Г. Санофф; пер. с англ. 2015. 170 с.

18. Серебрянка – мой спальный. [Электронный ресурс]. URL: <http://serabranka.by/page/about> (дата обращения: 14.04.2019).
19. Сибирева М. Ю. Ранняя социализация в городской среде : автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04. Санкт-Петербург, 2011. 23 с.
20. Снигирёва Н. Соучаствующее проектирование обновляет город // Государственная служба: электрон.журн. 2014. № 4 (90). С. 63–65. URL: <http://pa-journal.ranepa.ru/articles/r80/1827> (дата обращения 12.04.2019 г.)
21. Филипова А. Г. Социальное пространство детства: принципы маркирования территорий // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 1. С. 79–94.
22. Филипова А.Г., Ракитина Н.Э. "Доброжелательность" к детям: от неравенства к соучаствующему проектированию городской среды: (на материалах городов юга Дальнего Востока). Владивосток: Издательство ДВФУ, 2017. 188 с.
23. Burns A., Homel R. Through a child's eyes: quality of neighbourgood and quality of life // Living in cities: urbanism and society in metropolitan Australia. I. Burnley and J. Forrest, eds. Sydney: Allen & Unwin, 1985. P. 103–115.
24. Chatterjee S. Children's friendship with Place: A Conceptual Inquiry // Children, Youth and Environments. 2005. 15(1). P. 15–16.
25. Chawla L. Growing up in cities: a report on research under way // Environment and Urbanization. 1997. № 2. P. 247.
26. Driskell D. Creating better cities with children and youth. UNESCO, Paris, 1998. 166 p.
27. Francis M., Lorenzo R. Seven realms of children's participation // Journal of Environmental psychology. 2002. № 22. P. 158.
28. Horelli L. Creating child-friendly environments: Case study on children's participation in three European countries // Childhood. 1998. 5(2). P. 231.
29. Limb M., Matthews H., Taylor M. The "Street" as Third space // Childhood. Critical concepts in sociology / ed. Chris Jenks. Vol.1. N.Y., 2005. P. 253–269.
30. Lynch K. Growing up in cities. MIT Press, Cambridge, Mass, 1977. 177 p.
31. Newman O. Defensible space: crime prevention through urban design. New-York: MacMillan, 1972. 264 p.
32. Olwig K.F., Gulløv E. (eds.) Children's places. Cross-cultural perspectives, London, Routledge, 2003. P. 359–360.
33. Opie I.A., Opie P. Children's games in street and playground, Oxford, Oxford University Press, 1969. 220 p.
34. Rasmussen K. Places for children – Children's places // Childhood, vol. 11 (2), 2004, P. 156–173.
35. Satta C. Simply child's play? Reconfiguring child-adult relations in a leisure place for children // Enfance & Cultures. Paris, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enfancecultures.culture.gouv.fr/actes/satta.pdf> (дата обращения 12.04.2019).
36. Valentine G. Public space and the culture of childhood, Hants, Ashgate, 2004. 133 p.
37. Ward C. The child in the city. N.Y. 1978. 221 p.
38. Zeiher H. Shaping daily life in urban environment // Children in the city. Home, neighbourhood and community / Ed. by P. Christensen and M. O'Brien. L. and N.Y., 2003. P. 66.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Averin YU. P. Kachestvo zhizni detej v gorode // Sotsiologiya. 2011. № 3. S. 129–144.
2. Balakireva M. Izuchenie povsednevnoj mobil'nosti gorozhanok s det'mi: opyt primeneniya strategii smeshivaniya metodov // INTER. 2015. № 10. S. 60–69.
3. Beschasnaya A. A. Urbanisticheskoe detstvo: sotsiologicheskij analiz. SPb.: Asterion, 2016. 274 s.
4. Vuchik V. Transport v gorodakh, udobnykh dlya zhizni. M.: Territoriya budushhego, 2011. 576 s.
5. Gejl YA. Goroda dlya lyudej / per. s angl. M.: Krost, 2012. 276 s.
6. Glazychev V. L. Urbanistika. M.: Evropa, 2008. 220 s.
7. Dzhekobs D. Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov / per. s angl. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011. 460 s.
8. Issledovanie bezopasnosti shkol. Razbor DTP s postradavshimi vblizi uchebnykh zavedenij Moskvy / Radchenko Aleksej. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ur-l.ru/TaU> (data obrashheniya: 14.04.2019).
9. Kupryashkina E.A., Temin D.V., Zadorin A.S. Proektnaya rabota so shkol'nikami: sbor informatsii o gorode // Geografii detstva: mezhdistsiplinarnyj sintez issledovatel'skikh podkhodov i praktik: materialy mezhdunar. molodyozhnoj nauchnoj shkoly-konf., Vladivostok, 29–31 maya 2018 g. / otv. red. A.G. Filipova. SPb.: Asterion, 2018. S. 139–142.

10. Lebedeva E. V. *Deti i molodyozh' v sovremennom gorode: sotsiologicheskij analiz // Sotsiologiya*. 2013. № 2. S. 124–125.
11. Majorova-SHHeglova S. N. *Sotsializiruyushhee prostranstvo goroda: metodika sotsial'nogo kartografirovaniya // Pedagogicheskaya diagnostika*. 2013. № 1. S. 61–75.
12. Naberushkina E.H. *Invalidy v bol'shom gorode: problemy sotsial'nogo grazhdanstva*. M.: LIRA. 344 s.
13. *Ob utverzhdenii metodicheskikh rekomendatsij po podgotovke gosudarstvennykh programm sub'ektov RF i munitsipal'nykh programm formirovaniya sovremennoj gorodskoj sredy v ramkakh prioritetnogo proekta "Formirovanie komfortnoj gorodskoj sredy" na 2018–2022 gody: prikaz Ministerstva stroitel'stva i zhilishhno-kommunal'nogo khozyajstva Rossijskoj Federatsii (Minstroy Rossii) ot 6 aprelya 2017 g. № 691-pr, g. Moskva*. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/57e/prikaz-691pr.pdf> (data obrashheniya: 11.07.2018).
14. Ratti K., Klodl M. *Gorod zavtrashnego dnya: sensory, seti, khakery i budushhee gorodskoj zhizni / per. s angl. E. Bondal*. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2017. 248 s.
15. *Rejting i byudzhet: kak formirovalsya spisok iz 12 obshhestvennykh territorij dlya blagoustrojstva vo Vladivostoke*. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.news.vl.ru/vlad/2018/02/13/167625/> (data obrashheniya: 11.04.2019).
16. SAGA (SAGA) o gorode. *Transformatsiya obshhestvennykh prostranstv / pod red. L. Voronkovej, O. Pachenkova*. SPb.: NP-Print. 2014. 189 s.
17. Sanoff G. *Souchastvuyushhee proektirovanie. Praktiki obshhestvennogo uchastiya v formirovanii sredy bol'shikh i malyx gorodov / G. Sanoff; per. s angl.* 2015. 170 s.
18. *Serebryanka – moj spal'nyj*. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://serabranka.by/page/about> (data obrashheniya: 14.04.2019).
19. *Sibireva M. YU. Rannaya sotsializatsiya v gorodskoj srede : avtoreferat dis. ... kandidata sotsiologicheskikh nauk: 22.00.04. Sankt-Peterburg*, 2011. 23 s.
20. Snigiryova N. *Souchastvuyushhee proektirovanie obnovlyaet gorod // Gosudarstvennaya sluzhba: ehlektron.zhurn*. 2014. № 4 (90). S. 63–65. URL: <http://pajournal.ranepa.ru/articles/r80/1827> (data obrashheniya 12.04.2019 g.)
21. *Filipova A. G. Sotsial'noe prostranstvo detstva: printsipy markirovaniya territorij // ZHurnal issledovaniy sotsial'noj politiki*. 2012. № 1. S. 79–94.
22. *Filipova A.G., Rakitina N.EH. "Dobrozhelatel'nost'" k detyam: ot neravenstva k souchastvuyushhemu proektirovaniyu gorodskoj sredy: (na materialakh gorodov yuga Dal'nego Vostoka)*. Vladivostok: Izdatel'stvo DVFU, 2017. 188 s.
23. Burns A., Homel R. *Through a child's eyes: quality of neighbourhood and quality of life // Living in cities: urbanism and society in metropolitan Australia*. I. Burnley and J. Forrest, eds. Sydney: Allen & Unwin, 1985. P. 103–115.
24. Chatterjee S. *Children's friendship with Place: A Conceptual Inquiry // Children, Youth and Environments*. 2005. 15(1). P. 15–16.
25. *Chawla L. Growing up in cities: a report on research under way // Environment and Urbanization*. 1997. № 2. P. 247.
26. Driskell D. *Creating better cities with children and youth*. UNESKO, Paris, 1998. 166 p.
27. Francis M., Lorenzo R. *Seven realms of children's participation // Journal of Environmental psychology*. 2002. № 22. R. 158.
28. Horelli L. *Creating child-friendly environments: Case study on children's participation in three European countries // Childhood*. 1998. 5(2). P. 231.
29. Limb M., Matthews H., Taylor M. *The "Street" as Third space // Childhood. Critical concepts in sociology / ed. Chris Jenks*. Vol.1. N.Y., 2005. P. 253–269.
30. Lynch K. *Growing up in cities*. MIT Press, Cambridge, Mass, 1977. 177 p.
31. Newman O. *Defensible space: crime prevention through urban design*. New-York: MacMillan, 1972. 264 p.
32. Olwig K.F., Gulløv E. (eds.) *Children's places. Cross-cultural perspectives*, London, Routledge, 2003. P. 359–360.
33. Opie I.A., Opie P. *Children's games in street and playground*, Oxford, Oxford University Press, 1969. 220 p.
34. Rasmussen K. *Places for children – Children's places // Childhood*, vol. 11 (2), 2004, P. 156–173.
35. Satta C. *Simply child's play? Reconfiguring child-adult relations in a leisure place for children // Enfance & Cultures*. Paris, 2010. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.enfanceetcultures.culture.gouv.fr/actes/satta.pdf> (data obrashheniya 12.04.2019).
36. *Valentine G. Public space and the culture of childhood*, Hants, Ashgate, 2004. 133 p.
37. *Ward C. The child in the city*. N.Y. 1978. 221 p.
38. *Zeihner H. Shaping daily life in urban environment // Children in the city, Home, neighbourhood and community / Ed. by P. Christensen and M. O'Brien*. L. and N.Y., 2003. P. 66.

Филипова А.Г., Лебедева Е.В. Дружелюбность городской среды к детям и молодёжи: от теоретических подходов к экспертным интерпретациям.

Три подхода к пониманию дружелюбности городской среды (урбанистический, социо-психологический и управленческий) проиллюстрированы в статье материалами экспертных интервью. Экспертами выступили специалисты, занимающиеся организацией отдыха и досуга детей, молодёжи в городе; городским планированием, архитектурой и дизайном городской среды; поддержанием здоровья детей и молодёжи и обеспечением безопасности в городе, в том числе безопасности дорожного движения. Предприняты попытки выделения индикаторов дружелюбности городской среды к горожанам с позиций трёх вышеозначенных подходов, а также возможных направлений преобразования города в сторону повышения его дружелюбности.

Ключевые слова: *город, городская среда, функции городской среды, дружелюбная городская среда, экспертные интервью*

Filipova A.G., Lebedeva E.V. Child and youth friendliness of the urban environment: from theoretical approaches to expert interpretations.

Three approaches to understanding the friendliness of the urban environment (urban, socio-psychological and managerial) are illustrated in the article with materials from expert interviews. The experts were specialists involved in the organization of recreation and leisure of children and youth in the city; urban planning, architecture and urban design; maintaining the health of children and young people and ensuring safety in the city, including road safety. Attempts have been made to single out indicators of friendliness of the urban environment to citizens from the standpoint of the three aforementioned approaches, as well as possible directions for transforming the city in the direction of increasing its friendliness.

Key words: *city, urban environment, functions of the urban environment, friendly urban environment, expert interviews*

Для цитирования: Филипова А.Г., Лебедева Е.В. Дружелюбность городской среды к детям и молодёжи: от теоретических подходов к экспертным интерпретациям // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 101–112. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/101-112

For citation: Filipova A.G., Lebedeva E.V. Child and youth friendliness of the urban environment: from theoretical approaches to expert interpretations // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 2. P. 101–112. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/101-112

УДК 316.42

Мартышенко Н.С.

Разработка типологий по данным социологических исследований интернет-опросов

Введение

Основным инструментом исследования в социологии является анкетный опрос. Анкетные опросы также широко применяются при проведении маркетинговых исследований [9]. В последние годы произошёл переход от традиционного опроса к электронной форме опроса. В настоящее время большинство опросов производится в сети интернет. Особенности проведения онлайн-опросов рассматриваются в работах [3; 10; 17]. Применение технологии онлайн-опроса позволяет уменьшить временной интервал сбора данных и существенно сокращает финансовые затраты. Распространению применения онлайн-опросов в немалой степени способствовало распространение специальных инструментальных средств разработки электронных анкет – сервисных систем [13]. В качестве примера наиболее популярных интернет-сервисов для проведения онлайн-опросов можно привести следующие сервисы: Google формы, survio.com, surveymonkey.ru, testograf.ru, simpoll.ru, webanketa.com, limesurvey.org. Такие программные средства позволяют не только оперативно производить разработку электронных опросов, но и предоставляют некоторый набор типовых средств анализа анкетных данных. Однако типовые средства позволяют решать достаточно простые задачи и больше пригодны для предварительного анализа данных. Между тем, методы анализа анкетных данных далеко не ограничиваются набором типовых средств. Компьютерные технологии проведения анкетных опросов постоянно совершенствуются, что позволяет получать с их помощью больший объём достоверной информации относительно исследуемых социально-экономических процессов. Можно выделить два направления развития методов организации анкетных опросов и анализа анкетных данных. Во-первых, это методики, позволяющие повысить достоверность данных путём выявления и отсеивания недостоверной информации. Примеры методов повышения качества данных, полученных с помощью онлайн-опросов, рассматриваются в работах [2; 8; 16]. Во-вторых, это методы, позволяющие расширить объём информации, используемой для анализа. Это направление связано с применением многомерных статистических методов анализа данных различной природы.

В настоящее время активно развиваются методы обработки качественной информации [11; 12]. В связи с высокой сложностью задачи анализа качественных данных с целью автоматизации этой работы были разработаны специализированные пакеты программ. Примерами таких пакетов являются следующие пакеты: Atlas.ti, MAXQDA, NVivo, xSight, Qualrus, Ethnograph и др. Анализ возможностей таких программ представлен в работе [4]. Несмотря на большие возможности зарубежных компьютерных инструментальных средств анализа качественных данных, они не нашли широкого распространения у исследователей, использующих анкетные опросы. Эти средства больше ориентированы на решения гуманитарных и лингвистических задач [19; 21].

В данной работе предлагается к рассмотрению методология анализа качественных данных, которые получают в результате онлайн-опросов. Методология включает достаточно простые в применении компьютерные инструмен-

© Мартышенко Н.С., 2019

МАРТЫШЕНКО Наталья Степановна, канд. экон. наук, доцент кафедры международного маркетинга и торговли Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). **E-mail:** Natalya.martyshenko@vvsu.ru

	А	В	С
1	Место жительства (населенный пункт)	Замена	Частота
2	Владивосток	г. Владивосток	503
3	г. Владивосток	г. Владивосток	7
4	г.Владивосток	г. Владивосток	11
5	владивосток	г. Владивосток	19
6	Г.владивосток	г. Владивосток	1
7	Г. Владивосток	г. Владивосток	8
8	город Владивосток	г. Владивосток	2
9	Г.Владивосток	г. Владивосток	2
10	Владтвосток	г. Владивосток	1
11	Г владивосток	г. Владивосток	1
12	Владивосток.	г. Владивосток	1
13	Город Владивосток	г. Владивосток	8
14	Находка	г. Находка	27
15	Город Находка	г. Находка	3
16	г.Находка	г. Находка	1
17	Находка Приморский кр.	г. Находка	1
18	г.находка	г. Находка	1
19	Г.Находка	г. Находка	1
20	г. Находка	г. Находка	1

Рис. 1. Унификация географических названий
Источник: составлено автором

тальные средства, которые могут быть использованы в рамках компьютерной среды EXCEL, наиболее распространённой среди отечественных исследователей, занимающихся анализом данных анкетных опросов.

Методы исследования, методологические принципы и инструменты

Инструментальные средства анализа качественной информации основаны на типологическом анализе [1; 5; 6].

Типологический анализ – метаметодика анализа данных, совокупность методов изучения социального феномена, позволяющих выделить социально значимые, внутренне однородные, качественно отличные друг от друга группы эмпирических объектов, характеризующихся типобразующими признаками, природа которых различна, и интерпретируемых в качестве носителей различных типов существования феномена.

Предметом типологии является совокупность основных характеристик социального феномена, ответственная за отнесение эмпирических объектов к однотипной группе.

Основанием типологии служит совокупность суждений (утверждений) о близости (схожести, похожести) объектов, носителей информации об изучаемых социальных феноменах (явлениях, процессах).

Рассмотрим примеры решения задачи типологии ответов респондентов от простого к сложному.

Самые простые ситуации обработки текстовой (качественной) информации связаны с унификацией простых ответов, например географических названий и других терминов, которые могут при заполнении анкеты иметь различное написание. Пример унификации географических названий представлен на рис. 1.

Задача усложняется тем, что в реальной ситуации необходимо обрабатывать достаточно большое количество анкет. Количество анкет может варьироваться от нескольких сотен до нескольких тысяч (при мониторинге).

	А	В	С
1	Специальность, по которой Вы обучаетесь	Замена	Частота
2	Бизнес-информатика	Бизнес-информатика	10
3	Бизнес информатика	Бизнес-информатика	5
4	Бизнес Информатика	Бизнес-информатика	1
5	Юриспруденция	Юриспруденция	35
6	юриспруденция	Юриспруденция	5
7	Юрист	Юриспруденция	3
8	Юридическая	Юриспруденция	1
9	юрист	Юриспруденция	1
10	юриспруденция	Юриспруденция	1
11	Бухгалтер	Бухгалтерский учет, анализ и аудит	4
12	Бухгалтерский учет анализ и аудит	Бухгалтерский учет, анализ и аудит	8
13	Бух учет	Бухгалтерский учет, анализ и аудит	2
14	Бухгалтерский учёт	Бухгалтерский учет, анализ и аудит	2
15	Бухгалтерский учет по отраслям	Бухгалтерский учет, анализ и аудит	1
16	Бухгалтерский учет	Бухгалтерский учет, анализ и аудит	1
17	бухгалтер	Бухгалтерский учет, анализ и аудит	1
18	бух учет и аудит	Бухгалтерский учет, анализ и аудит	1
19	Экономика и бух . учет	Бухгалтерский учет, анализ и аудит	1
20	Экономика: бухгалтерский учёт анализ и аудит	Бухгалтерский учет, анализ и аудит	1

Рис. 2. Унификация написания специальности обучения в вузе
Источник: составлено автором

Программное средство позволяет производить типизацию данных не по исходной таблице, а по таблице уникальных значений. Все выполненные замены, произведённые в таблице уникальных значений, затем возвращаются в исходную таблицу. Ещё один пример простой ситуации типологии представлен на *рис. 2*. Здесь производится типология написания названия специальности обучения.

На *рис. 1* и *рис. 2* представлены фрагменты таблиц уникальных ответов реального опроса по исследованию мотивации студентов при выборе специальности обучения (объём выборки $n=815$).

Разработка типологии может заключаться не только в корректировке (унификации) различных форм записи одноимённых понятий, но и во введении новых признаков таблицы данных, которые имеют смысл классификаторов. Например, для обозначения местожительства можно было бы ввести такой классификатор: "г. Владивосток", "другие города Приморского края", "сельская местность" и др. Для специальностей можно было бы ввести такой классификатор, как профиль специальности: "экономические специальности", "инженерные специальности", "гуманитарные специальности" и т.п. Для анализа можно было бы ввести несколько классификаторов различного уровня.

Операция типизации может быть использована для обработки вопросов со списком, в которых имеется возможность дополнить список своим ответом в текстовой форме в разделе "другое". При обработке таких данных могут быть выявлены варианты ответов, которые были не предусмотрены при составлении анкеты и имеют все-таки значимую частоту.

Отличительным свойством простой ситуации является то, что ответ предполагает возможность выразить только одну характеристику социального феномена. Эта характеристика может быть определена одним словом или простой фразой.

Наибольший интерес представляет собой ситуация, когда респонденту представляется возможность выразить своё мнение в развёрнутой форме. Свой ответ респондент может сформулировать в нескольких предложениях в произвольной форме. Его ответы ни чем не регламентируются, а развёрнутые ответы даже приветствуются. В этом случае применяется модель, предполагающая, что в одном ответе респондент выделяет сразу несколько характеристик исследуемого социального феномена. Несколько характеристик может содержаться как в нескольких предложениях, так и в одном. Для описания такой

	А	В
1	Исходное высказание (фрагмент ответа респондента)	Замена в исходной таблице
2	возможность найти хорошо оплачиваемую работу	хорошооплачиваемая профессия (возможность найти хорошо оплачиваемую работу)
3	возможность хорошо обеспечить свою семью	хорошооплачиваемая профессия (возможность хорошо обеспечить свою семью)
4	возможность зарабатывать после окончания вуза	хорошооплачиваемая профессия (возможность зарабатывать после окончания вуза)
5	высокая заработная плата	хорошооплачиваемая профессия (высокая заработная плата)
6	дальнейший заработок	хорошооплачиваемая профессия (дальнейший заработок)
7	заработная плата	хорошооплачиваемая профессия (заработная плата)
8	с достойной заработной платой	хорошооплачиваемая профессия (с достойной заработной платой)
9	хорошая зарплата	хорошооплачиваемая профессия (хорошая зарплата)
10	хочу хорошо зарабатывать	хорошооплачиваемая профессия (хочу хорошо зарабатывать)
11		

Рис. 3. Разработка типологии по мотиву "хорошо оплачиваемая профессия"
Источник: составлено автором

модели мы вводим понятие составного признака. Составной признак – это несколько качественных характеристик, разделённых каким-то установленным символом. Обработка таких данных производится в несколько этапов. На первом этапе формируется список уникальных фрагментов текста по разделительным символам. В начале, возможно в качестве разделительного символа выбрать точку как знак препинания в грамматике, принятый для разделения предложений. На последующих этапах можно устанавливать другие разделительные знаки.

Результаты исследований

Некоторые особенности процесса выделения типологий рассмотрим на примере разработки типологий мотивов выбора специальности студентами вузов Приморского края. Обработке подвергались ответы на следующий открытый вопрос анкеты: "Чем Вы руководствовались при выборе специальности при поступлении в вуз и кто повлиял на ваш Выбор?". В опросе приняли участие 797 студентов вузов Владивостока. Во всех ответах было указано 1183 высказывания, характеризующих мотивы выбора специальности.

В типологию объединяются высказывания, близкие по смыслу. Например, в ответах респондентов достаточно чётко можно выделить в качестве одного из мотивов высказывания, касающиеся будущей заработной платой. Такие высказывания мы объединяем в класс "хорошо оплачиваемая профессия" (рис. 3). Высказывания, которые можно отнести к данному типу (классу), достаточно легко выделить по ключевым словам.

Также не очень сложно выделить типологии "престижность профессии" и "востребованность профессии". Для высказываний, которые могут быть отнесены к соответствующим типологиям, не сложно подобрать ключевые слова. В первом случае это "престиж", во втором "труд" или "устройство".

Анализируя отдельные высказывания, можно было заметить, что есть такая часть студентов, которая давно выбрала специальность и целенаправленно шла к поставленной цели. В качестве примеров таких высказываний можно привести такие высказывания: "всегда хотел быть врачом", "мечтал с детства", "ещё за два года до поступления решила стать дизайнером". Для объединения таких высказываний была введена типология "особая склонность к профессии". Для высказываний, относящихся к данной типологии, уже не так просто подобрать ключевые слова. Если в более простых ситуациях типологией, как правило, является одно из наиболее распространённых высказываний в данной группе респондентов, то в более сложной ситуации исследователем самостоятельно вводится некоторое обобщающее определение типологии, которое, на самом деле, не встречается в ответах. Определение типологии является субъективной характеристикой, которую вводит исследователь в процессе анализа материалов исследований. Однако сходные высказывания существуют объективно. Опыт показывает, что на одних и тех же данных различные исследователи выделяют близкие по смыслу и количеству типологии. Между типологиями не всегда можно провести очень чёткие границы. Иногда встречаются высказывания, которые могут быть отнесены и к одной, и к другой типологии. В этом случае исследователь опирается либо на

Рис. 4. Типология мотивов выбора специальности студентами вузов Приморского края
Источник: [1].

свою интуицию, либо рассматривает в качестве дополнительной информации другие высказывания данного респондента.

В результате обработки данных ответов студентов по мотивам выбора специальности было выделено 16 типов ответов (рис. 4). При анализе отдельных типологий можно более подробно рассмотреть состав или структуру типологии.

Рис. 5. Типология проблем молодежи группы "внешние проблемы"

Источник: [1].

Иной подход к разработке и анализу типологий мотивации студентов представлен в работе [14].

Рассмотренную ситуацию типологии нельзя отнести к самой сложной, поскольку на одну анкету приходится в среднем менее двух высказываний. Примером более сложной ситуации является разработка типологии по проблемам, с которыми сталкивается молодежь в Приморском крае. Для исследования этой проблемы в анкете использовался следующий открытый вопрос: "Укажите не менее 3-х наиболее острых проблем, с которыми сталкивается молодежь в Приморском крае". Среднее количество высказываний на одну анкету в данном случае приближается к четырём. Здесь сама тема предполагает наличие более широкого спектра мнений.

Рис. 6. Типология проблем молодежи группы "вторичные проблемы"
Источник: [1].

В процессе обработки данных анкеты было выделено 44 варианта типичных ответов. Такое количество вариантов затрудняет анализ ситуации в целом. Для удобства анализа выделенные варианты были условно разделены на две большие группы. Первая группа получила условное название "внешние проблемы". В сущности, это проблемы, с которыми сталкиваются молодые люди в повседневной жизни и на которые они не могут оказать влияние.

Вторая группа — "вторичные проблемы", т.е. проблемы, обусловленные обстоятельствами, включёнными в список "внешние проблемы". Эти пробле-

мы возникают у конкретных людей и зависят от социализации личности. "Вторичные" проблемы являются следствием накопления негативных явлений при причине неэффективной молодёжной политики. Различные "внешние" причины указали в своих ответах 88% респондентов, а "вторичные" – 55% опрошенных студентов.

Всего было выделено 29 внешних проблем (рис. 5). Наиболее значимыми "внешними" проблемами молодёжи студенты считают "проблему трудоустройства" и "жилищную проблему". Все частоты рассчитывались в пределах группы "внешних" проблем.

Многие проблемы находятся в тесной взаимосвязи. Например, с "проблемой трудоустройства" связаны такие проблемы, как "проблема трудоустройства студентов" и "проблема безработицы", хотя эти схожие проблемы касаются одного направления, но все-таки несколько отличаются по своему содержанию. Важнейшей проблемой студенты считают неблагоприятную ситуацию с образованием в стране. С проблемой образования связаны и другие три проблемы: "отсутствие условий для самореализации", "коммерциализация образования", "низкий уровень образования".

К числу "вторичных" проблем были отнесены 15 проблем (рис. 6). Все частоты встречаемости ответов рассчитывались в пределах группы "вторичных" проблем.

Возможны и другие способы классификации всех 44 выделенных проблем. Например, проблемы молодёжи можно классифицировать на "экономические" и "социальные и образовательные".

Выделенные "вторичные" проблемы в совокупности являются проблемами всего общества, которые препятствуют развитию страны.

Частота встречаемости ответов, отнесённых к той или иной типологии, позволяет ранжировать проблемы по степени "важности" их влияния на социальное самочувствие молодёжи. Однако проблемы, которые имеют более низкую встречаемость, ни в коем случае не могут быть оставлены без внимания. "Высокочастотные" проблемы и так лежат на поверхности и учитываются при разработке управленческих решений. Типологии с меньшей частотой могут вообще быть незаслуженно недооценены. При выработке управленческих решений по преодолению проблем необходимо учитывать взаимное влияние различных типологий.

Основным механизмом управления социальным развитием молодёжи является молодёжная политика, которая должна обеспечить активное социальное включение молодёжи в созидательную деятельность на благо страны. Проблема социального самочувствия молодёжи является частью более общей проблемы качества жизни населения региона [7]. В работе [15] рассмотрены другие типобразующие признаки, основанные на оценках субъективного благополучия. По мнению В.А. Ядова, множественная интерпретация типологий позволяет глубже понять изучаемое явление [18].

Выводы

Разработка типологий – весьма трудоёмкий процесс. Компьютерные технологии позволяют автоматизировать работу исследователя по разработке типологий. Для выделения типологий, рассмотренных в данной статье, использовалось специализированное программное обеспечение, более подробно рассмотренное в работе [20]. Структурирование данных с помощью типологического анализа позволяет на основе качественных данных получить количественные оценки. Исползованные программные средства позволяют не только автоматизировать процесс разработки типологий, но и рассчитывать различные количественные характеристики по выделенным типологиям.

Основным преимуществом применяемой компьютерной технологии является относительная простота использования и доступность программного средства (распространяется бесплатно). Между тем, программное обеспечение обладает очень широкими дополнительными сервисными средствами, ориентированными на профессионалов, занимающихся мониторингом социальных явлений и процессов. В частности, программа содержит элементы интеллектуальной системы. Например, если опросы повторяются с определённой периодичностью, то при обработке новых данных встречавшиеся ранее ситуации могут быть обработаны автоматически. Все действия исследователя, осущест-

вляемые в процессе разработки типологии, запоминаются в специальной базе данных. Кроме того, исследователи имеют возможность разработки многоуровневых типологий. При обработке сложных предложений в ответах респондентов можно автоматически выделить и удалить эмоциональную составляющую и сочетания слов, не несущих смысловое значение, с точки зрения исследуемого процесса. Например, можно удалить такие фрагменты предложений, как "по моему мнению", "очевидно", "мне кажется", "а также" и другие.

Важным преимуществом рассмотренной компьютерной технологии является возможность передачи файлов с готовыми типологиями другим исследователям, что может на порядок сократить время на обработку новых данных. Наличие файлов, содержащих результаты работы исследователя по разработке типологий, подтверждает абсолютную достоверность результатов.

Компьютерная программа постоянно совершенствуется и дополняется новыми возможностями.

Рассмотренные программные средства могут быть использованы не только при обработке данных анкетных опросов, но и при обработке высказываний граждан по любым жизненно важным вопросам. Например, при обработке жалоб потребителей услуг и других задачах современной информационной экономики.

Литература

1. Бабич Н.С., Хоменко В.И. Типология уровней измерения в социологии: традиционные и альтернативные подходы // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2012. № 2 (82). С. 86–97.
2. Галицкий Е.Б., Мальцева П.В. Потенциальные источники ошибок в данных онлайн-опросов / Е.Б. Галицкий, П.В. Мальцева // Практический маркетинг. 2013. № 10 (200). С. 2–8.
3. Иванова В.А. Особенности проведения дистанционных опросов онлайн // Маркетинг в России и за рубежом. 2015. № 1. С. 11–16.
4. Каныгин Г.В. Анализ качественных данных как научный метод // Петербургская социология сегодня. 2013. Т. 1. С. 253–266.
5. Кученкова А.В., Татарова Г.Г. Стратегия применения логико-комбинаторных методов в процедурах типологического анализа // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2013. № 36. С. 007–035.
6. Мавлетова А.М. Социологические опросы в сети интернет: возможности построения типологии // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 31. С. 115–134.
7. Мартышенко С.Н. Концептуальные модели управления качеством жизни. Аналитический обзор // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2014. № 2. С. 80–92.
8. Мартышенко С.Н. Метод повышения достоверности данных онлайн-опросов // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 4 (39). С. 223–235.
9. Мартышенко С.Н., Мартышенко Н.С. Современные методы обработки маркетинговой информации: Монография: Издательство ВГУЭС, 2014. 148 с.
10. Некрасов С.И. Сравнение результатов онлайн- и оффлайн-опросов (на примере анкет разной сложности) // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2011. № 32. С. 53–74.
11. Олейник А.Н. Сбор агрегирование и обработка качественных данных // Социологические исследования. 2014. № 5 (361). С. 121–130.
12. Покровская И.В., Гольдовская М.Д., Дорофеюк Ю.А., Киселёва Н.Е. Методы интеллектуальной обработки качественных данных // Машинное обучение и анализ данных. 2014. Т. 1. № 10. С. 1396–1406.
13. Полин Я.А., Гордей Е.А., Ананченко И.В. Сравнительный обзор сервисов для создания онлайн опросов // Синергия Наук. 2017. № 15. С. 367–371.
14. Рочев К.В. Типологический анализ мотивации студентов // Высшее образование в России. 2014. № 2. С. 113–118.
15. Татарова Г.Г., Кученкова А.В. Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки // Социологические исследования. 2016. № 10 (390). С. 21–32.
16. Федоровский А.М. Качество онлайн-опросов. Методы проверок // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 3 (127). С. 28–35.
17. Шкурин Д.В. Сравнительная оценка качества данных офлайн и онлайн-опросов // Дискуссия. 2015. № 8. С. 101–105.

18. Ядов В.А. Стратегии и методы качественного анализа данных // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 1991. № 1. С. 014–031.
19. Levachkine S., Guzmán-Arenas A. Hierarchy as a new data type for qualitative variables // Expert Systems with Applications. 2007. Т. 32. № 3. С. 899–910.
20. Martyschenko S. N., Egorov E. A., 2011. Information Technology for Increasing Qualitative Journal of Modern Applied Statistical Methods. 2011. Т. 10. № 1. С. 207–213.
21. Rihoux B. Qualitative Comparative Analysis (QCA) and related techniques: recent advances and challenges // Methoden der vergleichenden Politik- und Sozialwissenschaft. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. С. 365–385.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Babich N.S., KHomenko V.I. Tipologiya urovnej izmereniya v sotsiologii: traditsionnye i al'ternativnye podkhody // Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvedenie. 2012. № 2 (82). S. 86–97.
2. Galitskij E.B., Mal'tseva P.V. Potentsial'nye istochniki oshibok v dannykh onlajn-oprosov / E.B. Galitskij, P.V. Mal'tseva // Prakticheskij marketing. 2013. № 10 (200). S. 2–8.
3. Ivanova V.A. Osobennosti provedeniya distantsionnykh oprosov onlajn // Marketing v Rossii i za rubezhom. 2015. № 1. S. 11–16.
4. Kanygin G.V. Analiz kachestvennykh dannykh kak nauchnyj metod // Peterburgskaya sotsiologiya segodnya. 2013. Т. 1. S. 253–266.
5. Kuchenkova A.V., Tatarova G.G. Strategiya primeneniya logiko-kombinatornykh metodov v protsedurakh tipologicheskogo analiza // Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie. 2013. № 36. S. 007–035.
6. Mavletova A.M. Sotsiologicheskie oprosy v seti internet: vozmozhnosti postroeniya tipologii // Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie. 2010. № 31. S. 115–134.
7. Martyschenko S.N. Kontseptual'nye modeli upravleniya kachestvom zhizni. Analiticheskij obzor // Regional'naya ehkonomika i upravlenie: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal. 2014. № 2. S. 80–92.
8. Martyschenko S.N. Metod povysheniya dostovernosti dannykh onlajn-oprosov // Territoriya novykh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ehkonomiki i servisa. 2017. Т. 9. № 4 (39). S. 223–235.
9. Martyschenko S.N., Martyschenko N.S. Sovremennye metody obrabotki marketingovoj informatsii: Monografiya: Izdatel'stvo VGUEHS, 2014. 148 s.
10. Nekrasov S.I. Sravnenie rezultatov onlajn- i offlajn-oprosov (na primere anket raznoj slozhnosti) // Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie. 2011. № 32. S. 53–74.
11. Olejnik A.N. Sbor agregirovanie i obrabotka kachestvennykh dannykh // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2014. № 5 (361). S. 121–130.
12. Pokrovskaya I.V., Gol'dovskaya M.D., Dorofeyuk YU.A., Kiselyova N.E. Metody intellektual'noj obrabotki kachestvennykh dannykh // Mashinnoe obuchenie i analiz dannykh. 2014. Т. 1. № 10. S. 1396–1406.
13. Polin YA.A., Gordej E.A., Ananchenko I.V. Sravnitel'nyj obzor servisov dlya sozdaniya onlajn oprosov // Sinergiya Nauk. 2017. № 15. S. 367–371.
14. Rochev K.V. Tipologicheskij analiz motivatsii studentov // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2014. № 2. S. 113–118.
15. Tatarova G.G., Kuchenkova A.V. Pokazateli sub'ektivnogo blagopoluchiya kak tipobrazuyushhie priznaki // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2016. № 10 (390). S. 21–32.
16. Fedorovskij A.M. Kachestvo onlajn-oprosov. Metody proverok // Monitoring obshhestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2015. № 3 (127). S. 28–35.
17. SHkurin D.V. Sravnitel'naya otsenka kachestva dannykh oflajn i onlajn-oprosov // Diskussiya. 2015. № 8. S. 101–105.
18. YAdov V.A. Strategii i metody kachestvennogo analiza dannykh // Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie. 1991. № 1. S. 014–031.
19. Levachkine S., Guzmán-Arenas A. Hierarchy as a new data type for qualitative variables // Expert Systems with Applications. 2007. Т. 32. № 3. S. 899–910.
20. Martyschenko S. N., Egorov E. A., 2011. Information Technology for Increasing Qualitative Journal of Modern Applied Statistical Methods. 2011. Т. 10. № 1. S. 207–213.
21. Rihoux B. Qualitative Comparative Analysis (QCA) and related techniques: recent advances and challenges // Methoden der vergleichenden Politik- und Sozialwissenschaft. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. S. 365–385.

Мартышенко Н.С. Разработка типологий по данным социологических исследований интернет-опросов.

В последние годы произошёл переход от традиционного опроса к электронной форме опроса. С развитием методов обработки качественной информации существенно расширяются возможности по исследованию социально-экономических процессов. Для получения количественных оценок на основе качественных данных необходимо осуществить переход от неструктурированных качественных данных к структурированным. Для анализа качественных данных используется типологический анализ. В работе рассматриваются методические подходы для построения типологий при исследовании социально-экономических процессов и явлений.

Ключевые слова: *онлайн опрос, типология, типологический анализ, качественные данные, компьютерная технология*

Martyshenko N.S. Development of typologies according to sociological surveys in Internet.

In recent years, there has been a shift from a traditional poll to an electronic survey. With the development of methods for processing qualitative information, the possibilities for studying socio-economic processes are greatly expanded. To obtain quantitative estimates based on qualitative data, it is necessary to transition from unstructured qualitative data to structured ones. For the analysis of qualitative data, a typological analysis is used. The paper considers methodological approaches for constructing typologies in the study of socio-economic processes and phenomena.

Key words: *online survey, typology, typological analysis, qualitative data, computer technology*

Для цитирования: Мартышенко Н.С. Разработка типологий по данным социологических исследований интернет-опросов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 113–123. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/113-123

For citation: Martyshenko N.S. Development of typologies according to sociological surveys in Internet // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 2. P. 113–123. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/113-123

Информационный образ приморского предпринимателя как фактор развития региона и продвижения бренда территории

На протяжении последних лет развитие Дальнего Востока и его интеграция в АТР рассматривается как задача государственного значения. Её реализация напрямую связана с тем, как воспринимается регион, его деловая сфера, насколько это восприятие однозначно с точки зрения своей "знаковости". Поэтому реализация концепции "Восточного вектора" в масштабах Дальнего Востока и Приморского края ставит на повестку дня вопрос о создании имиджей, связанных с регионом и ассоциирующихся с ним [5, с. 25–29]. К числу таковых можно отнести не только собственно брендинг территории как совокупное восприятие региона, но и такую ключевую имиджевую составляющую, как образ предпринимателя [4]. Данный вопрос для Владивостока, имеющего прошлое "порто-франко", имеет особое значение. Даже сегодня восприятие самого населённого крупнейшего незамерзающего порта на Дальнем Востоке связано с историческим прошлым, в том числе с образами предпринимателей: купцов, промышленников, торговцев. Многие из них были иностранцами по происхождению или даже гражданству и целенаправленно приехали на Дальний Восток вести дела. Анализ тех вопросов, которые поднимают сегодня азиатские инвесторы при принятии решения о развитии сотрудничества с Дальним Востоком России, показывает, что немаловажным фактором для них являются образы представителей бизнеса региона, которые не только являются предметом профессионального, делового оценивания, но и служат носителями разнообразных нематериальных ценностей как в профессиональном, так и в массовом восприятии [11]. К сожалению, на сегодняшний день образ предпринимателя как представителя делового профессионального сообщества оказался достаточно размытым, неявным, что соответственно снижает возможности формирования позитивного образа региона в целом и его "прорывного" развития. Это отмечают, в том числе, и зарубежные предприниматели [3].

Если сделать небольшой экскурс в новейшую историю освоения российского Дальнего Востока, то мы увидим, что предприниматели или руководители хозяйствующего звена всегда играли немаловажную роль в освоении региона и становлении его хозяйственных связей, в том числе и с зарубежными странами. С их именами был связан имидж региона в целом, его привлекательность.

Так, в конце XIX – начале XX вв. именно "деловое сословие" сыграло существенную роль не только в развитии режима "порто-франко" во Владивостоке, но и в становлении Владивостока как крупнейшего города и населённого пункта всего дальневосточного региона [1, с. 82]. Предприниматели того времени – в основном купцы и промышленники – строили здесь не только бизнес-инфраструктуру, но и многие здания и сооружения общественного назначения, активно участвовали в проектах развития территории. При их активном участии создавались школы и больницы, театры и приюты. Говоря современным языком, бизнес того времени был социально-ответственным. Такие имена, как Кунст и Альберс, Лангелитье, Пьянков, Бриннер и многие другие не просто сохранились в анналах истории региона, но и увековечены в его топонимике. Их имена носят исторические здания и сооружения, находящиеся в центре Владивостока и являющиеся основой исторической средовой

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: "Предпринимательская деятельность в нашей стране была разрешена около 30 лет назад. Как вы считаете, если говорить в целом, частное предпринимательство принесло России за эти годы больше пользы или больше вреда?" (в процентах)

	Население в целом	Возраст			
		18-30 лет	31-45 лет	46-60 лет	старше 60 лет
Доли групп	100	27	28	23	22
Больше пользы	42	47	45	44	32
Больше вреда	13	9	13	13	18
Пользы и вреда примерно поровну	23	22	25	23	24
Ни пользы, ни вреда	6	5	6	8	7
Затрудняюсь ответить	15	17	12	12	19

Источник: данные опроса "ФОМнибус".

застройки. Сегодня, в основном, это памятники истории и культуры регионального значения. Нередко они называются по имени создателя – "Домик Бриннера", "Особняк Лангелитье", "Доходный дом Пьянкова", "Торговый дом Кунста и Альберса" и так далее. Яков Семёнов, первый староста Владивостока и известный купец того времени, также оставил своё имя в топонимике города [1, с.76]. Поэтому не будет преувеличением сказать, что образ предпринимателя был значимым информационным элементом восприятия региона уже с начала его комплексного освоения во второй половине XIX в. Предприниматели, участвовавшие в развитии Дальнего Востока и активно взаимодействовавшие с иностранцами подданными, влияли как на внутренний, так и на внешний имидж региона. По времени это совпало с началом развития хозяйственных и экономических связей Дальнего Востока со странами АТР.

В советский период предпринимателей не было, однако образ хозяйственных руководителей, или, иными словами, директоров различных предприятий из сферы народного хозяйства, оставался значимым и сохранился в истории. Это имена директоров крупных пароходств, морских торговых и рыбных портов, крупных рыболовецких баз и рыбозаводов, жестяно-баночных фабрик и других хозяйствующих субъектов периода плановой экономики. Такие фамилии, как Бянкин, Москальцов, Нескоблинов, Дардыкин, Немчинов и многие другие сохранились в памяти жителей региона. Они присутствуют в региональной топонимике, правда, в большинстве случаев неофициальной. Например, в известных, особенно жителям старшего возраста, наименованиях микрорайонов ведомственной жилой застройки. Так, микрорайон БАМ во Владивостоке, который строился при активном участии ДВМП, в одной из расшифровок аббревиатуры имеет фамилию Бянкина, директора Дальневосточного морского пароходства 1970-х гг. Аналогично в Находке микрорайон, образованный улицами Пограничная и Советская, где строилось жилье для работников Приморского морского пароходства (ПМП), до сих пор неофициально называют "Немчиновкой" – новояз от фамилии первого легендарного директора этой известной судоходной компании советского периода.

Период новой российской истории на Дальнем Востоке также во многом связан с историей предпринимательства. Наиболее тяжёлый период – середина и конец 1990-х гг. – для региона был характерен тем, что многие жители занимались мелкой торговлей либо иными формами подобной коммерческой деятельности просто для того, чтобы выжить. Поэтому обсуждающиеся в обществе и сегодня идеи создания стилизованных памятников "челноку" или подобным характерным околкоммерческим профессиям того времени – абсолютно не удивляют.

Таблица 2. Сравнительная динамика понимания актуальности роли предпринимателя в современном обществе и государстве

Категория ответов	Основные пояснения респондентов, уточнения	% ответивших респондентов по отношению ко всей совокупности опрошенных
Не знаю ничего про современных предпринимателей	– Неинтересно – Не задумывался (лась)	31%
Про современных предпринимателей не знаю, но знаком с историческими личностями, такими как Бриннер, Семёнов и др.	– Знаю, потому что эти имена периодически упоминаются в средствах массовой информации и Интернете	15%
Не обладаю информацией о современных предпринимателях региона, но хотел бы знать о них больше	– Не отметил (ла) в медиа каких-то явных упоминаний предпринимателей современности – Приморские крупные компании и фирмы знаю, они упоминаются, а предприниматели нет	17%
Думаю, что на уровне региона нет известных предпринимателей, так как весь серьёзный бизнес связан с Москвой (федеральным центром)	– Мне не известны факты создания современными приморскими предпринимателями крупных значимых компаний	29%
Я сам бы хотел стать предпринимателем и получить такую профессиональную известность	– Интересно попробовать свои силы, заняться своим делом – Хочу сам (а) зарабатывать деньги и не зависеть от государства – Хочу быть богатым (ой) и известным (ой)	8%

Источник: данные опроса молодёжи Владивостока, проведённого сотрудниками департамента коммуникаций и медиа ШИГН ДВФУ

Современный период развития экономики края в условиях интеграции в АТР [14] вновь ставит на повестку дня вопрос о том, насколько важен образ предпринимателя для восприятия территории, которая имеет чёткие геоэкономические преимущества и "морскую" специфику [3].

К сожалению, на сегодняшний день образ "человека дела" как имиджевый объект в нашем регионе не сформирован. По-видимому, это задача ближайшего будущего, когда должен появиться образ, который будет органично связан с брендом территории и будет отражать суть происходящих здесь экономических процессов.

Для того, чтобы рассуждать о составляющих такого бренда, нужно ещё раз сконцентрировать внимание на характерных составляющих региональной экономики. По мнению автора, это следующие ключевые черты:

- ориентированность экономики региона на внешнюю торговлю со странами АТР, прежде всего с Северо-Восточной Азией [8], что, соответственно, накладывает отпечаток на восприятие экономики края в целом и его бизнес;

- существенное присутствие "морской" составляющей в экономике как в форме реально работающих проектов, так и стереотипного восприятия региона как субъекта федерации, связанного с морской торговлей, судоходством, портовой инфраструктурой и так далее [13];

- наличие в структуре экономики туристического компонента и проблематики приграничного сотрудничества, что также отражается на типологизированных образах, ассоциирующихся с деловой сферой Приморья [15, с. 108–109];

- имеющаяся достаточно чёткая транзитная и логистическая составляющая, прежде всего между странами Тихоокеанской Азии и западными регионами России, а также Европой [10], поскольку в силу объективно сложившейся во второй половине XX в. грузовой логистики определённый объём

грузов перевозится через регион транзитом по железной дороге, и их перевалка осуществляется через морские порты края [6].

Вместе с тем, реалии сегодняшнего дня и задачи, поставленные перед регионом в связи с политикой "Восточного вектора", в перспективе, в случае успешного воплощения соответствующих концептов, должны привести в региональную экономику и иные, пока ещё не типичные для неё черты [16]. К таковым, как минимум, можно отнести следующие:

– Технологическую, новаторскую направленность развития экономики, связанную с развитием современных стартапов и иных подобных капиталоемких проектов;

– Реализацию связанных с коммерческой составляющей масштабных проектов территорий опережающего развития, концепцию Свободного порта Владивосток и программу "Дальневосточный гектар". Хотя они пока не получили конкретного воплощения в виде ставших известными реализованных деловых инициатив, именно они могут стать новой имиджевой составляющей регионального предпринимательства. Это тем более важно, поскольку указанные проекты на сегодняшний день в масштабах страны уникальны и не имеют аналогов в других регионах;

– Туризм как сферу, для развития которой появляется всё больше возможностей, которая при грамотной организации может быть не просто значимым сектором экономики и хозяйства, но и достаточно эффективным инструментом создания бренда территории.

Развитие образа современного предпринимателя в масштабах региона должно осуществляться с учётом общероссийских трендов, которые оказывают влияние на подобные процессы. Прежде всего, речь идёт об отношении населения к предпринимательскому сообществу в России в целом, то есть о ключевых чертах восприятия указанного социального класса, которое может иметь и региональные особенности.

Социологические исследования показывают, что, в отличие от развитых западных и азиатских экономик, где образ бизнесмена и предпринимателя вполне сформирован в массовом сознании и не нуждается в каких-либо серьёзных трансформациях, имидж российского предпринимательства в целом не отличается целостностью и однозначностью восприятия. Без этого, по сути, нельзя сформировать полноценную рыночную экономику, так как в её основе всегда лежит работа конкретных людей – представителей предпринимательского сообщества.

Анализ отношения современного российского общества к предпринимателям как к социальной группе даёт понимание того, что в целом имидж представителей данной профессии остаётся достаточно противоречивым, размытым, его восприятие гражданами зачастую связано с множественными предрассудками и стереотипами, во многом негативными [7]. Причин этому несколько, и, прежде всего, разумеется, речь идёт о том, что в советский период индивидуальная трудовая деятельность и коммерция не поощрялась и даже преследовалась по закону, а в период "лихих 90-х" образ предпринимателя часто воспринимался негативно в контексте противопоставления "богатые–бедные" [4].

Как видно из результатов проводимых в современном российском обществе социологических исследований [8; 13], в настоящее время восприятие предпринимателей в существенной степени связано со следующими основными трендами.

– Размытость образа предпринимателя как представителя деловой профессии в массовом сознании. Зачастую к этой категории простые граждане склонны относить любого представителя бизнеса или негосударственного сектора, включая и наёмных работников управленческого звена, имеющих определённый ценз заработной платы.

– В восприятии большинства граждан понятия "предприниматель" и "бизнесмен" идентичны либо имеют лишь несущественные семантические отличия. Основой восприятия людьми опять же остаётся ассоциация с занятостью в реальном секторе экономики и определённый уровень дохода представителей профессии. Вместе с тем, в профессиональном понимании, бизнесмен – это любой представитель деловой сферы, в то время как предприниматель это тот, кто занимается инновациями, придумывает новые тех-

нологии или модели товарного продвижения и так далее – иными словами, это бизнесмен-новатор.

– Неочевидность для большей части населения миссии предпринимательского сообщества для общества в целом. Так, при проведении социологических исследований в российском обществе, как правило, около 50% респондентов в качестве основной цели предпринимателей указывают личную выгоду либо получение финансовой прибыли, при этом не выделяют такие возможности, как персональная либо творческая реализация, содействие развитию общества или территории и так далее [13].

– В силу сырьевого характера российской экономики и периодических кризисов, образ предпринимателя и бизнесмена зачастую ассоциируется со сферой торговли или бытовых услуг как крупнейшим сектором экономики и сферой занятости населения, что на практике далеко не так. Обычные граждане в крайне незначительной степени ассоциируют предпринимателей с такими прогрессивными сферами экономической деятельности, как промышленность и производство, сельское хозяйство, технологии и стартапы.

– Достаточной слабой в восприятии населения остаётся роль предпринимателей применительно к социальным аспектам жизни общества. Связано это, судя по всему, с двумя основными факторами: традиционным, как отмечено выше, восприятием представителей этой профессии как социального класса, стремящегося, прежде всего, к получению персональной выгоды, а также пока ещё слабым развитием социального предпринимательства в стране и её регионах. Использование социальных мотивов в социальном маркетинге и различных формах рекламы представителями бизнес-сообщества наряду с малой активностью в форматах социального предпринимательства в конечном итоге опять же попадают в "матрицу" восприятия такой деятельности, как имеющей исключительно коммерческий характер и нацеленной на извлечение прибыли.

Распределение общественного мнения по отношению к предпринимательскому сообществу ярко иллюстрирует сравнительная *таблица 1* (данные опроса "ФОМнибус") [12].

Необходимо также учитывать, что в целом в российском обществе потенциал предпринимательской активности достаточно высок – при опросах не менее 40% респондентов, в особенности молодых возрастных категорий, отмечают, что хотели бы заниматься предпринимательской деятельностью либо не исключают для себя такой возможности, однако на практике видят достаточно много барьеров для реализации этих намерений. То есть, по сути, в обществе заложен базис позитивного общественного мнения по отношению к коммерсантам, однако он окончательно не реализован по причине малого количества успешных примеров такой деятельности в публичном поле.

Иллюстрирующим примером могут служить результаты опроса молодёжи Владивостока, проведённого сотрудниками департамента коммуникаций и медиа ШИГН ДВФУ (*табл. 2*). Респондентам задавался вопрос о том, что они знают о предпринимателях и бизнесе современного Дальнего Востока и Приморского края.

Так, ничего не знают про современных предпринимателей 31% ответивших, с историческими представителями данной профессии знакомо 15% респондентов, хотели бы знать о современных предпринимателях региона 17%. При этом 29% полагают, что на уровне региона может и не быть известных личностей из деловой сферы, а 8% хотели бы сами стать предпринимателями и получить известность в будущем.

Ещё более контрастными представляются данные, полученные в рамках опроса жителей региона, проведённого КГАУ "Приморский научно-исследовательский центр социологии" в июле 2018 г. Он показал, что большинство приморцев считают, что не знают достаточно о прошлом региона [9]. 22,2% в этом уверены, 40% сомневаются. Количество тех, кто признался, что неплохо знаком с историей края, – 32,4%, а лишь 5,4% ответили, что знают о прошлом Приморья всё или практически всё. В рамках исследования гражданам также предложили назвать фамилии хотя бы трёх земляков, которые прославили Приморский край и ассоциируются с ним. 6,3% опрошенных не нашли, что сказать; 16,7% заявили о том, что нет таких фамилий. И только 3,7% назвали

путешественника и писателя, исследователя Уссурийского края Владимира Арсеньева.

Таким образом, собирательный образ дальневосточного и приморского предпринимателя современности ещё только предстоит сформировать, и чем быстрее это произойдёт, тем лучше. Образ предпринимателя применительно к современному Дальнему Востоку России необходимо формировать на основе нескольких ключевых имиджевых факторов.

♦ **Историческая преемственность деловой среды.** Необходимо учитывать имеющиеся традиции, обычаи и иные составляющие, которые присутствуют в бизнес-среде региона сегодня и которые появились здесь исторически. Это, безусловно, участие в международной торговле, логистике, освоении территории, благотворительности со стороны ведущих бизнесменов региона.

♦ **Учёт профильных отраслей хозяйства региона.** К таковым, вероятно, следует отнести деловую и бизнес-активность, связанную с морем и морской инфраструктурой, логистические услуги, строительство различной инфраструктуры, в том числе и технически сложной.

♦ **Использование составляющих инновационной экономики.** Это касается, прежде всего, развития в Приморском крае технологических и инновационных кластеров, стартапов и иных подобных деловых начинаний, имеющих существенную инновационную составляющую.

♦ **Демонстрация успешных кейсов и жизненных историй предпринимателей региона.** Это может быть сделано по широкому спектру тем, начиная от успешных кейсов, характеризующих успех конкретных бизнес-стартапов либо иных форм деловой активности конкретных предпринимателей, и заканчивая историей работы в регионе предпринимательских династий.

♦ **Учёт в имидже аспектов международного сотрудничества региона.** Речь, безусловно, о практической реализации бизнес-проектов, связанных с территориями опережающего развития, свободным портом Владивосток и "дальневосточным гектаром". Здесь примерами могут быть такие аспекты, как освоение предпринимателями ранее заброшенных земель, появление новых производств, фермерских хозяйств и агрохолдингов, другие подобные результаты, которые позитивно характеризуют развитие экономики края и показывают тренд развития территории. Чем скорее современные проекты получают реальное содержание, а такие примеры станут массово известными, тем выше будет инвестиционный потенциал региона в целом.

♦ **Демонстрация успехов как российских, так и зарубежных предпринимателей.** Нельзя забывать, что исторически важную роль в развитии экономики региона играли представители других государств. Учитывая современный тренд на развитие международного делового сотрудничества, появление примеров успешной работы на территории края представителей бизнеса из стран АТР также станет содержательным наполнением образа предпринимателя.

В итоге можно говорить о том, что формирование имиджа предпринимателя в Приморском крае является важной, системной задачей. От того, насколько успешно удастся её решить, будет зависеть и успех развития региона в целом. При этом необходимо сконцентрироваться на содержательном, смысловом наполнении данного имиджа, учитывая как черты, присущие известным предпринимателям Дальнего Востока и Приморского края в прошлом, так и современные их особенности. При таких условиях имидж будет целостным, в нём будет отражена историческая преемственность указанной социальной группы, он будет содействовать как внутреннему развитию региона, так и его внешнему позиционированию, в том числе в АТР.

Литература

1. Владеть востоком. Предприниматели Дальнего Востока. Просветители и меценаты. Владивосток: изд-во "Рубеж", 2016. 326 с.
2. Восточный вектор внешней политики России [Электронный ресурс]. URL: http://www.singapore.mid.ru/rus/asia/ros_asia_2.html (дата обращения: 31.07.2018).
3. ВЭФ: Россия на подъёме, но мир ждёт новый кризис [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/other/38005170/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. (дата обращения: 31.07.2018).
4. Горбулина И. Имидж как базовый ресурс либеральной бизнес-системы [Электронный ресурс]. URL: <http://рустрана.рф/483/Imidzh-kak-bazoviy-resurs-liberalnoy-biznes-sistemi> (дата обращения: 30.07.2018).
5. Дальний Восток: создавая новую реальность // Морские вести России [Электронный ресурс]. URL: http://www.morvesti.ru/analytics/detail.php?ID=70042&spphrase_id=689841 (дата обращения: 01.08.2018).
6. Дьяков В.И. Взаимодействие региональных таможенных администраций для обеспечения развития торговли в Северной Пацифике // Таможенная политика на Дальнем Востоке России. 2013. № 3. С. 52–61.
7. Дьяков В.И., Ерошенко С.С. Правовое и политическое положение России в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Развитие национального законодательства в условиях глобализации: опыт России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы международной научно-практической конференции. Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2011. С. 71–76.
8. Жирнов В.И. Социально-политические проблемы формирования позитивного имиджа российских предпринимателей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/polit-institut/socialno-politicheskie-problemy-formirovaniya-pozitivnogo-imidzha-rossijskih.html> (дата обращения: 25.07.2018).
9. Корнева Е.В., Корень А.В., Авраменко В.С., Штакал А.К. Свободный порт Владивосток как фактор динамичного развития Дальнего Востока // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–2. [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19969> (дата обращения 28.07.2018).
10. Маркина Ю.М. Имидж региона и региональная идентификация населения Дальнего Востока России [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/imidzh-regiona-i-regionalnaya-identifikatsiya-naseleniya-dalnego-vostoka-rossii> (дата обращения: 20.07.2018).
11. Особенности формирования имиджа Дальнего Востока России [Электронный ресурс]. URL: https://vuzlit.ru/220449/osobennosti_formirovaniya_imidzha_dalnego_vostoka_rossii (дата обращения: 20.06.2018).
12. Опрос инвесторов: Россия в 2015 году [Электронный ресурс]. URL: <http://detailcomms.com/ru/inostrannye-investory-vozprijatie-rossii-ekonomika-fondovyy-gupok-v-2015/> (дата обращения: 14.05.2018).
13. Отношение к предпринимателям в России: общественное мнение [Электронный ресурс]. URL: <http://porecon.ru/488-otnoshenie-k-predprinimateljam-v-rossii-obschestvennoe-mnenie.html> (дата обращения 27.07.2018).
14. "Поворот на Восток" ради будущего России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravda.ru/districts/foreast/19-07-2015/1267415-levintal-0/> (дата обращения: 29.07.2018).
15. Путин о ТОРах на Дальнем Востоке: "Нельзя делать вид, что мы что-то делаем, а на самом деле только пишем планы" [Электронный ресурс]. URL: <http://sesti.ru/news/2014/08/01/1692.html> (дата обращения: 17.06.2018).
16. Самойленко П.Ю. Стратегические интересы России в АТР: синергетический и информационно-имиджевый факторы в вопросах военной и экономической политики // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. № 2. С. 106–111.
17. 38% жителей Владивостока уехали бы из Приморья не задумываясь – социологи // Новости Владивостока на VL.RU [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2018/07/15/171923/#ixzz5LNu8UQOC> (дата обращения: 31.07.2018).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Vladet' vostokom. Predprinimateli Dal'nego Vostoka. Prosvetiteli i metsenaty. Vladivostok: izd-vo "Rubezh", 2016. 326 s.
2. Vostochnyj vektor vneshnej politiki Rossii [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.singapore.mid.ru/rus/asia/ros_asia_2.html (data obrashheniya: 31.07.2018).
3. VEHF: Rossiya na pod"yome, no mir zhdyot novyj krizis [EHlektronnyj resurs]. URL: https://news.rambler.ru/other/38005170/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. (data obrashheniya: 31.07.2018).
4. Gorbulina I. Imidzh kak bazovyy resurs liberal'noj biznes-sistemy [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://rustrana.rf/483/Imidzh-kak-bazoviy-resurs-liberalnoy-biznes-sistemy>(data obrashheniya: 30.07.2018).
5. Dal'nij Vostok: sozdavaya novuyu real'nost' // Morskie vesti Rossii [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.morvesti.ru/analytics/detail.php?ID=70042&sphrase_id=689841(data obrashheniya: 01.08.2018).
6. D'yakov V.I. Vzaimodejstvie regional'nykh tamozhennykh administratsij dlya obespecheniya razvitiya trgovli v Severnoj Patsifike // Tamozhennaya politika na Dal'nem Vostoke Rossii. 2013. № 3. S. 52–61.
7. D'yakov V.I., Eroshenko S.S. Pravovoe i politicheskoe polozhenie Rossii v Aziatsko-Tikhoookeanskom regione // Razvitie natsional'nogo zakonodatel'stva v usloviyakh globalizatsii: opyt Rossii i stran Aziatsko-Tikhoookeanskogo regiona: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. feder. un-ta, 2011. S. 71–76.
8. ZHirnov V.I. Sotsial'no-politicheskie problemy formirovaniya pozitivnogo imidzha rossijskikh predprinimatelej [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/socialno-politicheskie-problemy-formirovaniya-pozitivnogo-imidzha-rossijskih.html>(data obrashheniya: 25.07.2018).
9. Korneva E.V., Koren' A.V., Avramenko V.S., Shtakal A.K. Svobodnyj port Vladivostok kak faktor dinamichnogo razvitiya Dal'nego Vostoka // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. № 1–2. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19969> (data obrashheniya 28.07.2018).
10. Markina YU.M. Imidzh regiona i regional'naya identifikatsiya naseleniya Dal'nego Vostoka Rossii [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://cheloveknauka.com/imidzh-regiona-i-regionalnaya-identifikatsiya-naseleniya-dalnego-vostoka-rossii>(data obrashheniya: 20.07.2018).
11. Osobennosti formirovaniya imidzha Dal'nego Vostoka Rossii [EHlektronnyj resurs]. URL: https://vuzlit.ru/220449/osobennosti_formirovaniya_imidzha_dalnego_vostoka_rossii(data obrashheniya: 20.06.2018).
12. Opros investorov: Rossiya v 2015 godu [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://detailcomms.com/ru/inostrannye-investory-vosprijatie-rossii-ekonomika-fondovyj-rynok-v-2015/>(data obrashheniya: 14.05.2018).
13. Otnoshenie k predprinimateljam v Rossii: obshhestvennoe mnenie [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://popecon.ru/488-otnoshenie-k-predprinimateljam-v-rossii-obschestvennoe-mnenie.html>(data obrashheniya 27.07.2018).
14. "Povorot na Vostok" radi budushhego Rossii. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.pravda.ru/districts/foreast/19-07-2015/1267415-levintal-0/>(data obrashheniya: 29.07.2018).
15. Putin o TORakh na Dal'nem Vostoke: "Nel'zya delat' vid, chto my chto-to delaem, a na samom dele tol'ko pishem plany" [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://sesti.ru/news/2014/08/01/1692.html> (data obrashheniya: 17.06.2018).
16. Samojlenko P.YU. Strategicheskie interesy Rossii v ATR: sinergeticheskij i informatsionno-imidzhevyy faktory v voprosakh voennoj i ehkonomicheskoy politiki // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2014. № 2. S. 106–111.
17. 38% zhitelej Vladivostoka uekhali by iz Primor'ya ne zadumyvayas' – sotsio-logi // Novosti Vladivostoka na VL.RU [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2018/07/15/171923/#ixzz5LNU8UQC> (data obrashheniya: 31.07.2018).

Самойленко П.Ю. Информационный образ приморского предпринимателя как фактор развития региона и продвижения бренда территории.

Статья посвящена вопросам информационного продвижения Приморского края, обеспечения российских национальных интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе путём развития устойчивых имиджей в деловой сфере. Подобные действия позволят улучшить имидж России как крупной державы на Тихом океане и её влияние на многофакторные процессы в этом регионе, а также ускорить развитие внешнеэкономического сотрудничества со странами Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова: *АТР, средства массовой информации, Интернет, имидж Дальнего Востока России, Приморский край, образ предпринимателя, деловые имиджи*

Samojlenko P.Yu. Information image of a Primorsky businessman as a factor of regional development and territorial brand advancement.

The article is devoted to the issues of information promotion of the Primorsky Territory, ensuring Russian national interests in the Asia-Pacific region through the development of sustainable images in the business sphere. Such actions will improve the image of Russia as a major power in the Pacific and its influence on the multifactor processes in this region, as well as accelerate the development of foreign economic cooperation with the countries of North-East Asia and the Asia-Pacific Region.

Key words: *Asia-Pacific, mass-media, image of the Russian Far East, Primorsky Territory, Internet, image of businessman, business-images*

Для цитирования: Самойленко П.Ю. Информационный образ приморского предпринимателя как фактор развития региона и продвижения бренда территории // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 124–132. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/124-132

For citation: Samojlenko P.Yu. Information image of a Primorsky businessman as a factor of regional development and territorial brand advancement // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 2. P. 124–132. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/124-132

Арктика во внешней политике США

Соединённые Штаты Америки являются арктическим государством с 1867 г., с тех пор, как купили Аляску у России. Единственный арктический штат находится в пределах Северного полярного круга и омывается Северным Ледовитым океаном. Особенности стратегии Вашингтона в регионе во многом связаны с тем, что по сравнению с другими арктическими странами США обладают относительно небольшой полярной территорией. США – одно из арктических государств, которое долгое время проявляло наименьший интерес к проблемам Арктики. В силу суровых климатических условий, отдалённости и слаборазвитой инфраструктуры арктическое направление американской политики традиционно не находилось в приоритете у Вашингтона. Исключением являются 50–90-е гг. XX в., когда Арктика начала рассматриваться как один из возможных театров боевых действий.

Во время "холодной войны" Арктика для США представляла собой один из самых важных регионов с точки зрения гипотетического конфликта с СССР, в основном из-за близости советских вооружённых сил и возможности запуска как межконтинентальных баллистических ракет, так и баллистических ракет подводных лодок из Арктики. После окончания "холодной войны" и распада СССР военная угроза нападения через Арктику была снижена, что стало основной причиной постепенного угасания интересов США к этому региону. Тенденция снижения интереса к Арктике в американском истеблишменте проявилась в том, что правительство США переориентировало свою внешнюю политику на военное присутствие в других регионах. Северный Ледовитый океан и Атлантика медленно теряли стратегическую ценность, в то время как американское стратегическое развёртывание росло в Индийском и Тихом океанах.

После сокращения военных расходов в середине 2000-х были выведены американские военные мощности со многих позиций в Арктике: в 2006 г. 2000 американских солдат покинули Исландию, к общему недовольству исландцев переложив ответственность за оборону этой островной страны на Норвегию и Францию. В это же время произошло резкое сокращение численности военнослужащих на американской базе Туле в Гренландии с 6000 до 100 человек. Кроме того, было закрыто значительное количество радиолокационных станций ВВС США, функционирующих на Аляске в годы "холодной войны" [13].

Во многом, основу современной стратегии Вашингтона в Арктике сформировали положения директивы Б. Клинтона от 1994 г. Документ, подписанный президентом, определил приоритеты политики Соединённых Штатов в отношении Арктики и Антарктики. В соответствии с директивой 1994 г., США преследовали шесть основных целей в Арктике: 1) обеспечение безопасности и обороны страны; 2) защита окружающей среды Арктики и сохранение её биологических ресурсов; 3) обеспечение устойчивого экономического развития региона без оказания вреда на экологию; 4) укрепление международных институтов по вопросам сотрудничества между восемью арктическими государствами; 5) вовлечение коренных народов Севера в процессы управления; 6) расширение научно-исследовательской деятельности в области мониторинга экологических проблем [27].

В директиве отмечалось, что, несмотря на окончание "холодной войны", США должны поддерживать способность противостоять потенциальным атакам через Арктику. Вместе с тем новая атмосфера открытости и дружбы с РФ

создала беспрецедентные возможности для сотрудничества между всеми семью арктическими странами по вопросам защиты окружающей среды, устойчивого развития коренных народов региона. Из текста директивы следовало, что Арктика рассматривается как периферийный регион военной деятельности и не является приоритетом внешней политики США.

Переосмысление и обновление стратегии американского правительства в отношении Арктики произошло через 15 лет. Усиление давления общественности США на необходимость принятия стратегии и превращения США в "арктическую нацию" завершилось в 2009 г., под конец правления администрации Дж. Буша, когда была окончательно принята стратегия, озаглавленная "Директива президента по национальной безопасности" [24]. Новая директива 2009 г., не отменяя основных положений директивы 1994 г., более подробно описывала направления политики США в Арктике. Именно в 2009 г. стали в полной мере проявляться арктические амбиции Вашингтона и желание приобрести циркумполярную идентичность. Особенно важной составляющей директивы Дж. Буша стала часть, в которой было чётко обозначено, что США являются "Арктической нацией с разнообразными и неоспоримыми интересами в этом регионе".

В соответствии с директивой, основополагающие цели американской политики в отношении региона в первую очередь заключались в обеспечении национальной и внутренней безопасности, безопасности границ, а также морских районов, включая так называемые "свободные моря". Это положение тесно связано со спором США и Канады по вопросу контроля Северо-Западного прохода, который Вашингтон считает международным морским путём. Несмотря на то, что в Арктике многие вопросы согласованы, территориальные споры в этом регионе все ещё остаются актуальными. Соединённые Штаты не считают, что воды канадского Арктического архипелага, включая Северо-Западный проход, являются внутренними водами Канады. По давнему мнению руководства США, Северо-Западный проход является проливом, используемым для международного судоходства и подпадающим под режим транзитного прохода. У США есть ряд аналогичных проблем, связанных с системой регулирования Северного морского пути (СМП). Вашингтон не одобряет позицию России о необходимости получать разрешение за проход по СМП, а также платить взнос за использование транспортного коридора всем иностранным кораблям. В частности, командующий Береговой охраной США американский адмирал П. Цукунфт в мае 2018 г. заявил, что США не считают СМП внутренними водами РФ: "это международный пролив, и он является открытым для транзитного прохода" [19]. Американская сторона полагает, что ЕС и большинство стран мира поддерживают позицию США по этому вопросу, т.к. он важен для защиты принципов свободы судоходства во всем мире.

Существует множество аспектов, имеющих отношение к интересам США в Арктике, среди которых экономическое и инфраструктурное развитие, сохранение флоры и фауны, права коренных народов Севера, исследование климата. В директиве нашло отражение изменение официальной политики США после событий 11 сентября 2001 г. – часть директивы, касающаяся безопасности, связана с вопросами терроризма и преступности в регионе.

В документе также отмечается желание США присоединиться к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., которая не ратифицирована Вашингтоном по сей день. Согласно Конвенции ООН по морскому праву, прибрежное государство, подписавшее конвенцию, получает в ведение 12-мильную зону территориальных вод, а также исключительную экономическую зону шириной в 200 морских миль, отсчитываемую от берегов материка или острова. Государство, обладающее исключительной экономической зоной, имеет возможность разведывать и разрабатывать природные ресурсы, управлять этими ресурсами, а также осуществлять другие виды деятельности по использованию зоны в экономических целях. При этом данная экономическая зона не входит в состав государства, а на всей её протяжённости действует принцип свободного судоходства [5]. В том случае, если государство докажет, что его континентальный шельф выступает за 200-мильную границу, то оно получит возможность увеличить свои территориальные границы до 350 морских миль от берега.

Между странами арктического региона существует ряд разногласий и споров относительно способов проведения границы по дну Северного Ледовитого океана. Что касается официальной позиции Вашингтона, то традиционно представители исполнительной власти США выступали за ратификацию конвенции, однако сенаторы-республиканцы выступали против. По мнению противников ратификации конвенции, если США одобряют этот документ, то государству придётся переводить многомиллиардные отчисления от разработки газа и нефти в Международный орган ООН по морскому дну [7]. Кроме того, не подписывая Конвенцию ООН, США оставляют за собой большую свободу действий в арктическом регионе, а настаивая на соблюдении принципа свободного судоходства, США придётся учитывать определённые ограничения, накладываемые Конвенцией.

Помимо вышеперечисленных доводов, у противников ратификации Конвенции Вашингтоном существуют и другие аргументы:

- частичный обмен данными относительно технологий по добыче углеводородов;
- пересмотр условий рыболовства;
- введение ограничений на взаимодействие береговой охраны Канады и США;
- при невозможности нахождения компромисса с Канадой в двустороннем формате все спорные вопросы будут рассматривать в Международном трибунале по морскому праву;
- пока США последними из стран пятёрки не ратифицируют Конвенцию, Арктика не будет официально "общечеловеческим достоянием" [6].

Следующая важная задача директивы 2009 г. представляет собой укрепление приоритета экологически устойчивого управления природными ресурсами и экономического развития региона. Для реализации задачи руководству США представляется необходимым расширить международное сотрудничество в рамках Арктического Совета и других организаций. США участвуют в различных форумах, международных организациях и двусторонних контактах, способствующих продвижению интересов Соединённых Штатов в Арктике. К ним относятся Арктический Совет, Международная Морская Организация, соглашения об охране и рациональном использовании дикой природы и т.д. По мере изменений в Арктике и активизации человеческой деятельности в регионе Соединённым Штатам и другим государствам следует рассмотреть новые международные соглашения или усовершенствовать существующие.

В директиве 2009 г. окончательно прояснилась политика США в отношении Арктического совета. Арктический совет представляет собой международный форум, в котором происходит обсуждение актуальных вопросов обеспечения развития и координации сотрудничества арктических стран по проблемам Арктики. Главными целями форума являются охрана окружающей среды, а также развитие культурного, социального, демографического и экономического потенциала региона. Позиция Соединённых Штатов заключается в том, что Арктическому совету следует оставаться форумом высокого уровня, который не должен превращаться в официальную международную организацию, в особенности в организацию с обязательными членскими взносами. Вместе с тем США приветствуют инициативы по обновлению структуры совета и внесению оперативных изменений в работу его вспомогательных органов. Кроме того, в документе особо подчёркивается, что международное сотрудничество в регионе должно быть расширено через институты ООН.

Таким образом, несмотря на сокращение общего военного бюджета и расходов вследствие глобального экономического кризиса в 2009 г., США официально вернулись к геополитической игре на "арктической шахматной доске". В не самый благоприятный момент США решили, что все-таки должны принять участие в "битве за Арктику", посчитав необходимым рискнуть и срочно включиться в решение проблем этого региона. Во многом рост интереса к региону был вызван таянием льдов и, как следствие, активизацией человеческой деятельности в регионе, которая включает в себя расширение судоходства и разведку энергоресурсов. Очевидно, что ключевым фактором "возвращения" Америки в Арктику стала информация об обнаружении в этом районе

больших объёмов нефти и газа, а также восстановление России как державы и усиление её влияния в регионе.

Арктическая политика США при администрации Б. Обамы

На базе Директивы 2009 г. в мае 2013 г. в США впервые была опубликована Национальная стратегия по вопросам Арктики [26]. Стратегия 2013 г. строится на трёх основных направлениях деятельности. Первое направление – "продвижение интересов безопасности США" – включает в себя возможность свободных действий в Арктике в рамках международного законодательства. "Свободные действия" распространяются на перемещение американских самолётов и кораблей, развитие инфраструктуры, а также коммерческие и научные экспедиции. Второе направление – "ответственное руководство арктическим регионом" – включает в себя сохранение ресурсов региона и расширение научных исследований. Третье направление – "укрепление международного сотрудничества" – предполагает развитие двусторонних и многосторонних переговоров, участие в работе международных организаций, включая Арктический совет, с целью укрепления безопасности в регионе и общего процветания арктических государств. В рамках "укрепления международного сотрудничества" предусматривается реализация договорённостей, способствующих защите окружающей среды Арктики и укреплению безопасности, работа в Арктическом совете по продвижению интересов США в Арктическом регионе, присоединение к Конвенции по морскому праву, сотрудничество с другими заинтересованными сторонами. В стратегии также перечисляются четыре главных принципа: обеспечение мира и стабильности, принятие решений на основе лучшей и надёжной информации, применение новаторских механизмов, консультации с коренными жителями Аляски.

Примечательно, что в документе снова заходит речь о подписании Конвенции ООН по морскому праву. В стратегии говорится, что ратификация Конвенции позволила бы США эффективней защищать американские права в морском и воздушном пространстве Арктики, укреплять американские аргументы в спорах за свободу судоходства по Северному морскому пути и Северо-Западному морскому проходу. Кроме того, по задумке авторов стратегии, только присоединившись к Конвенции, США смогут обеспечить максимальную правовую определённость и наиболее надёжное международное признание суверенных прав в отношении расширенного континентального шельфа США в Арктике и других регионах, которые могут обладать огромными запасами нефти, газа и других ресурсов. В случае принятия и одобрения расширенной заявки Вашингтона континентальный шельф США в Арктическом регионе может простираться более чем на 600 морских миль от северного побережья Аляски.

В ноябре 2013 г. министр обороны США опубликовал Арктическую стратегию Министерства обороны [20], которая была направлена на поддержку двух целей из "Национальной стратегии" 2013 г.: 1) обеспечение безопасности и содействие сотрудничеству в области обороны; 2) подготовка к широкому кругу проблем и непредвиденных обстоятельств. В феврале 2014 г. в США была представлена "Арктическая дорожная карта ВМС 2014–2030" [28]. В стратегическом документе описываются перспективы вероятных конфликтов в регионе, а также ставятся конкретные задачи главного управления ВМС по обеспечиванию американского доминирования. В целях поддержки Арктической стратегии министерства обороны главное управление ВМС будет преследовать следующие стратегические задачи: 1) обеспечивать суверенитет США в Арктике и защиту родины; 2) обеспечивать готовность морских сил реагировать на кризис и непредвиденные обстоятельства; 3) сохранять свободу моря; 4) содействовать сотрудничеству правительства Соединённых Штатов с международными союзниками и партнёрами.

В январе 2014 г. Белый дом также опубликовал "План реализации национальной стратегии Арктического региона" [22]. В нем излагаются методология, процесс и подход к осуществлению стратегии, а также структура трёх основных направлений деятельности, изложенных выше. В плане реализации стратегии описываются многочисленные инициативы и перечисляются ведущие и вспомогательные учреждения, которые могут заняться их осуществлением. Многие американские агентства (например, Министерство обороны,

Министерство внутренних дел, Национальное Управление океанических и атмосферных исследований, Береговая охрана и Военно-морской флот) выпустили свои собственные арктические стратегии, которые разработаны в соответствии с Национальной стратегией.

В период правления Б. Обамы Вашингтон как в рамках Арктического совета и других международных организаций, так и на национальном уровне выступал за развитие и укрепление международного сотрудничества по борьбе с изменением климата и решению экологических проблем. В декабре 2016 г. президент Б. Обама с целью "защиты чувствительной, уникальной экосистемы, не похожей ни на одну другую на Земле" подписал совместно с премьер-министром Канады Дж. Трюдо запрет на добычу нефти и газа в водах Арктики [9]. Б. Обама полагал, что США не готовы осваивать углеводороды северного региона. Для начала добычи углеводородов Арктики потребуются десятилетия, т.к. в настоящее время даже при высоких стандартах безопасности сохраняется высокая вероятность разлива нефти, в то время как возможности устранения последствий катастрофы незначительны.

При администрации президента Б. Обамы в марте 2016 г. Соединённые Штаты и Канада призвали к заключению имеющего обязательную силу международного соглашения о предотвращении открытого нерегулируемого рыбного промысла в центральной части Северного Ледовитого океана и опоре на осторожный, научно обоснованный подход к коммерческому рыболовству, который обе страны применяют в своих арктических водах. Соединённые Штаты обязались поддерживать и укреплять существующие запреты промышленного рыболовства в море Бофорта и Чукотском море. Оба государства подтвердили свою приверженность юридически обязывающему соглашению о предотвращении нерегулируемого коммерческого рыболовства в открытых морях Арктики до тех пор, пока не будет создана общепризнанная арктическая организация по обеспечению эффективного управления рыбным промыслом.

Долгое время Вашингтон укреплял свой политический вес в регионе во многом именно благодаря экологическому компоненту своих арктических стратегий. В отношении своей внешней политики США настаивали на соблюдении жёстких экологических стандартов арктическими и неарктическими странами, а также укреплении роли международных организаций в арктических процессах, которые должны были выработать принципы устойчивого развития коренного населения, заниматься регулированием правил судоходства и рыболовства.

Защита экологии в Арктике являлась одним из трендов у полярных арктических исследователей. В период правления Б. Обамы одним из популярных направлений у американских экологов являлся вопрос международного управления рыболовством в Северном Ледовитом океане и создании "Арктической морской научной организации". Известные американские исследователи Арктики Г. Хантингтон, Р. Дэниэл, М. Робардси др. в ряде своих работ лоббируют идею международного контроля всех процессов, происходящих в регионе. В работе "Элемент неожиданности: зачем нужна осторожность в Северном Ледовитом океане" Г. Хантингтон пишет о том, что в обозримом будущем в Арктике может начаться нерегулируемый рыбный промысел [21]. По мнению исследователя, было бы очень опасно, если бы в Арктике повторился сценарий нерегулируемого рыбного промысла, как в Беринговом море, в результате которого запасы рыбы были сильно истощены. В связи с таянием льдов в Арктике создание международного арктического законодательства следует начать как можно скорее, пока это не привело к катастрофе. Г. Хантингтон не только обосновывает необходимость подписания превентивного международного соглашения, касающегося рыболовства в регионе, но и заявляет о необходимости предпринять более решительные действия: "Тот же принцип должен применяться ко всему, что происходит в Арктике, от управления рыбным промыслом до разработки правил судоходства, от планирования устойчивого развития коренных общин до регулирования нефтегазовой деятельности. Непредсказуемость арктической экосистемы должна побудить нас действовать сейчас" [21, с. 28].

В статье "Осторожный подход к рыболовству в центральной части Северного Ледовитого океана: политика, наука и Китай" Г. Хантингтон пишет о

необходимости привлечения как можно большего количества неарктических субъектов к подписанию "Декларации о предотвращении нерегулируемого рыбного промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана" [23]. После создания "Арктической морской организации" одной из её функций должно стать консультирование национальных и международных органов по вопросам морской политики и управления, а также развитие обмена информацией [29]. Таким образом, данная организация в перспективе сможет посредством экологических рычагов "мягко" воздействовать на главных арктических игроков и стать весомым игроком в регионе.

Арктическая политика США при администрации Д. Трампа

С приходом Д. Трампа к власти экологическое направление арктической стратегии США начало кардинально менять свои очертания. Так, 24 апреля 2017 г. Д. Трамп подписал указ, который развивал американскую энергетическую промышленность и снимал ограничения на бурение скважин для добычи нефти в Атлантике и Арктике. Новый указ Д. Трампа позволил добывать углеводороды на почти семи миллионах квадратных километров, на которых, по подсчётам учёных, может находиться до 9 триллионов кубометров газа и 90 миллиардов баррелей нефти [3]. По мнению Д. Трампа, запрет на добычу нефти и газа в Арктике лишил США тысячи рабочих мест и миллионов долларов [17]. Представители нефтяной промышленности Америки приветствовали указ Д. Трампа об отмене запрета на подводное разведывательное бурение в шельфе океана, а защитники экологии пообещали противостоять изменениям. Президентский указ полностью противоречил положениям действующей арктической стратегии США. Центральные аспекты действующей стратегии США, такие как изменение климата, необходимость исследования и сопутствующих процессов, а также адаптация к ним местных жителей для Д. Трампа не явились приоритетными.

С приходом в Белый дом администрации Д. Трампа среди американских политиков все чаще наблюдаются призывы к увеличению присутствия в регионе. В частности, в феврале 2017 г. конгрессмен от республиканской партии Д. Хантер написал письмо Д. Трампу с призывом укрепить береговую охрану США и начать строительство как минимум шести новых ледоколов [18]. Очевидно, что такое желание продиктовано несогласием с тем, что Северный морской путь де-факто находится под полным контролем России. Строительство новых ледоколов позволило бы Вашингтону оспорить контроль СМП Россией, а также сдержать российские арктические амбиции. В настоящее время ледокольный флот США имеет всего лишь 3 дизель-электрических корабля, в то время как флот России насчитывает более 40 ледоколов, 8 из которых атомные.

О росте интереса американского правительства к арктическому региону свидетельствует также обращение Д. Трампа к конгрессу от 7 ноября 2017 г. В обращении к конгрессу американский лидер попросил выделить дополнительные 5,9 млрд. долларов на нужды министерства обороны для укрепления сил противоракетной обороны на Аляске. По официальной версии 4 млрд. долларов США должны пойти на усиление противодействия угрозе со стороны Северной Кореи. В просьбе к законодателям предлагается выделить 200 млн. долл. США на строительство дополнительного наземного пункта перехвата ракет в Форт-Грилли на Аляске. Президент Д. Трамп также запросил 839 млн. долл. США для программы общего обнаружения ракет и их ликвидации [30].

Следствием проявления более пристального внимания Вашингтона к региону стала интенсификация крупномасштабных морских учений в Арктике, а также усиление военного контингента США на Аляске, в Гренландии, Норвегии и Исландии. Регион вновь, как в годы "холодной войны", стал иметь важное стратегическое значение для ВМС США. С боевых позиций в Баренцевом море американские субмарины способны поразить существенное количество важных объектов России. В связи с этим США возлагают большие надежды на военное сотрудничество с Норвегией. Норвежская Арктика является главным северным рубежом стран НАТО, регионом, в котором сходятся интересы внутренней и внешней политики альянса, а соответственно и США.

В 2017 г. стало известно, что руководство США планирует расконсервировать и модернизировать свою военную авиабазу "Кеблавик" в Исландии.

Главной причиной такого решения считается возросшая активность российского подводного флота в районе фареро-исландского рубежа. Расконсервация базы в Исландии позволит американским военным следить за перемещением российских подводных лодок подо льдами Северного Ледовитого океана [15]. 24 августа 2018 г. на военно-морской базе Норфолк прошла церемония воссоздания 2-го флота ВМС США, который был расформирован в сентябре 2011 г. Одной из главных задач вновь созданного флота будет контроль деятельности возросшей активности России на севере Атлантического океана [2].

О пересмотре значения Арктики в политике США свидетельствует также следующее заявление президента. 28 августа 2017 г. Д. Трамп, выступая на пресс-конференции совместно с президентом Финляндии С. Ниинистё, заявил, что Арктический регион имеет стратегическую и экономическую важность как для США, так и для Финляндии [16]. Интересно, что в своей предвыборной кампании Д. Трамп практически не касался вопросов арктической тематики. Во многом это было обусловлено тем фактом, что во время предвыборной гонки Аляска не являлась для кандидатов в президенты важным штатом, от голосов избирателей которого могли бы существенно зависеть результаты выборов в США. Кроме того, Арктический регион традиционно не имел для США такого большого значения, как, например, для Норвегии, Дании или Канады.

В стратегии национальной безопасности США от 2017 г. Арктика упоминается в главе "Продвижение американского влияния" [25]. В ней говорится о том, что Соединённые Штаты должны возглавить международные организации, которые формируют правила, затрагивающие интересы и ценности США. При этом отмечается недопустимость уступки руководства международными организациями каким-либо другим недружественным акторам. Там, где требуется модернизировать существующие институты и международные организации, США должны их обновлять. Подчёркивается, что для США "свободный доступ к морю остаётся центральным принципом национальной безопасности и экономического процветания". Вероятно, упоминание северного региона в главе, посвящённой продвижению американского влияния, можно связать с тем, что Вашингтон в "битве за Арктику" решил делать акцент не на военной силе, а на разнообразных способах информационно-политического воздействия, включающих в себя механизмы научной дипломатии и "мягкой силы" [25, с. 40].

Однако, реформы Д. Трампа притормозили развитие "мягкой силы" США в Арктике. Вашингтону в самой ближайшей перспективе будет проблематично использовать потенциал международных организаций и научного сообщества для достижения своих внешнеполитических целей. Правительство США не сможет снизить эффективность освоения Арктики Россией и другими субъектами за счёт укрепления значимости экологической повестки на международном уровне. Значительная часть академического сообщества, общественности и бизнеса внутри США не одобряет решения Д. Трампа об отмене климатических и экологических обязательств государства [12].

В целом стратегический курс США в арктическом регионе с 1994 г. претерпел минимальное количество изменений в экономической и военно-политической сферах. Кроме реформирования экологического направления администрации Д. Трампа, общая стратегия Вашингтона в отношении Арктики не претерпевала каких-либо значимых изменений. Во многом это связано с тем, что большинство американских должностных лиц, курирующих арктическую политику США, остались на своих местах при Д. Трампе. Фундаментом политики Вашингтона в Арктике на ближайшее десятилетие остаются экономические и военно-политические аспекты. Несмотря на наметившийся рост интереса США к Арктике, военно-политическая обстановка в регионе остаётся пока относительно предсказуемой и стабильной.

Однако вероятно, что уже в самое ближайшее время Вашингтон официально опубликует новую арктическую стратегию. По мнению американских конгрессменов, уже в 2019 г. американская арктическая стратегия должна быть подвергнута принципиальному обновлению. В частности, в законе о военных расходах 2018 г. сказано, что одной из задач США в Арктике на ближайшее десятилетие будет являться создание шести ледоколов полярного класса. Предположительно, в новом документе будет присутствовать краткое

изложение интересов национальной безопасности США в Арктике, а также угроз, создаваемых потенциальными недругами, действующими в арктическом регионе, – Китаем и Россией [1].

США будут и дальше постепенно укреплять своё влияние в Арктике. Если в ближайшем будущем вследствие значительного таяния ледников в Северном Ледовитом океане СМП превратится в реальную коммерчески выгодную альтернативу Суэцкому каналу, а добыча углеводородов с шельфа Арктики облегчится, то в этом случае, вероятно, Вашингтон ещё активнее включится в геополитическую игру в Арктике, используя богатый потенциал своих тактических и стратегических уловок, применяемых в разных регионах мира.

По нашему мнению, одними из главных угроз со стороны США в отношении России в ближайшее десятилетие могут стать усиление американского военного присутствия в регионе, а также возможное создание Вашингтоном коалиции стран с целью интернационализации Арктики и российского СМП. Руководству нашей страны следует уже сейчас начать разработку чёткой стратегии по противодействию возможному тактическим действиям США, направленным на оспаривание суверенитета России над водами СМП, а также подрыв лидерства России в освоении ресурсов Мирового океана и Арктики. Учитывая специфику геополитической ситуации в регионе и позиционирование Арктики как "территории диалога и мира", в целях защиты национально-государственных интересов в Арктике наша страна должна быть готова дать не только силовой отпор потенциальным агрессорам, но и суметь эффективно противодействовать разнообразным технологиям информационного противоборства и попыткам нейтрализации влияния России в регионе посредством международных организаций.

Литература

1. Арктика: место, где соревнование США и России будет усиливаться [Электронный ресурс]. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/russia-in-arctic-region/4873409.html> (дата обращения: 17.04.2019).
2. В США прошла церемония воссоздания 2-го флота для слежения за активностью РФ в Атлантике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/world/626514> (дата обращения: 25.12.2018).
3. Глава Минприроды РФ после указа Трампа предсказал конец сланцевой эры [Электронный ресурс]. URL: <http://rusnext.ru/news/1493730499> (дата обращения: 21.12.2018).
4. Загорский А.В. Нестратегические вопросы безопасности и сотрудничества в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 104 с.
5. Конвенция ООН по морскому праву [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml (дата обращения: 07.12.2018).
6. Конвенция ООН по морскому праву и американские интересы в Арктике [Электронный ресурс]. URL: <https://humanlaw.ru/easyblog/zapis/konventsiya-oon-po-morskomu-pravu-1982-cherez-prizmu-amerikanskikh-interesov-v-arktike.html> (дата обращения: 08.12.2018).
7. Конвенция ООН по морскому праву: почему США откладывают ратификацию? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/us-sea-law/940307.html> (дата обращения: 08.12.2018).
8. Матияк Л.А. Парадигмальный диссонанс политики США в Арктике // Вестник МГИМО-Университет. 2015. № 2. С. 108–119.
9. Обама назвал необходимостью запрет на бурение в Арктике [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/economy/20161221/1484176516.html> (дата обращения: 15.12.18).
10. От Трампа требуют показать Кремлю "арктический кулак" [Электронный ресурс]. URL: <http://svpressa.ru/war21/article/166329/> (дата обращения: 27.12.18).
11. Паскевич Н.В. Политико-правовые аспекты сырьевой стратегии РФ и США в Арктике // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 7. С. 97–110.
12. Сахаров А.Г. Изменения климатической политики США и повестка дня Арктического совета // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 66–79.
13. СМИ: Исландия и США подписали декларацию о возвращении на остров американских войск [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-novoragama/3420429> (дата обращения: 09.12.2018).
14. США готовы защищать интересы нацбезопасности в Арктике [Электронный ресурс]. URL: <http://vesti.kz/crime/1385/> (дата обращения: 27.12.18).

15. США расконсервируют авиабазу "Кеблавик" в Исландии [Электронный ресурс]. URL: [Электронный ресурс]. URL: <https://vostokmedia.com/news/politics/11-12-2017/ssha-raskonserviruyut-aviabazu-keblavik-v-islandii> (дата обращения: 19.12.18).
16. Трамп: Арктика важна для США [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2315039.html> (дата обращения: 30.11.18).
17. Трамп подписал указ о пересмотре запрета на добычу нефти в Арктике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/business/560506> (дата обращения: 15.08.2018).
18. Трампа сталкивают с Россией в Арктике [Электронный ресурс]. URL: <https://utro.ru/articles/2017/02/27/1317663.shtml> (дата обращения: 15.12.18).
19. Center for Strategic and International Studies "The Arctic of the Future: Strategic Pursuit or Great Power Miscalculation?" [Электронный ресурс]. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/event/180509_Arctic_Future_Keynote_Address.pdf?Q1_c9wTP8uM1eATuTGaYb1wE7JthG9VS (дата обращения: 17.04.19).
20. Department of Defence. Arctic Strategy [Электронный ресурс] URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2013_Arctic_Strategy.pdf (дата обращения: 21.12.2018).
21. Henry P. Huntington. The Element of Surprise: Why caution in the Arctic Ocean // Environment Science and Policy for Sustainable Development. 2015, Vol. 57 (4). P. 24–28.
22. Implementation Plan for The National Strategy for the Arctic Region [Электронный ресурс]. URL: <http://www.virginia.edu/colp/pdf/national-strategy-arctic-region.pdf> (дата обращения: 27.12.18).
23. Min Pan, Henry P. Huntington. A precautionary approach to fisheries in the Central Arctic Ocean: Policy, science, and China // Marine Policy. 2016, Vol. 63. p. 153–157.
24. National Security Presidential Directive and Homeland Security Presidential Directive [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-66.htm> (дата обращения: 27.12.18).
25. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 21.11.2018).
26. National Strategy for the Arctic Region [Электронный ресурс] URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf (дата обращения: 27.11.2018).
27. Presidential Decision Directive/NSC-26 [Электронный ресурс] URL: <https://fas.org/irp/offdocs/pdd/pdd-26.pdf> (дата обращения: 04.12.18).
28. The United States Navy Arctic Roadmap for 2014 to 2030 [Электронный ресурс]. URL: <https://info.publicintelligence.net/USNavy-ArcticRoadmap.pdf> (дата обращения: 21.12.2018).
29. Thomas Van Pelt, H. P. Huntington, O. V. Romanenko, Franz J. Mueter. The missing middle: Central Arctic Ocean gaps in fishery research and science coordination // Marine Policy. 2017, Vol. 85. 79–86.
30. Trump requests \$200M for new missile interceptor field in Alaska [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ktuu.com/content/news/Trump-requests-200M-for-new-missile-interceptor-field-in-Alaska-455948093.html> (дата обращения: 27.12.18).
31. United States–Canada Joint Arctic Leader's Statement [Электронный ресурс]. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/12/20/united-states-canada-joint-arctic-leaders-statement> (дата обращения: 21.12.18).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Arktika: mesto, gde sorevnovanie SSHA i Rossii budet usilivat'sya [Электронный ресурс]. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/russia-in-arctic-region/4873409.html> (дата обращения: 17.04.2019).
2. V SSHA proshla tseremoniya vossozdaniya 2-go flota dlya slezheniya za aktivnost'yu RF v Atlantike [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/world/626514> (дата обращения: 25.12.2018).
3. Glava Minprirody RF posle ukaza Trampa predskazal konets slantsevoj ehry [Электронный ресурс]. URL: <http://rusnext.ru/news/1493730499> (дата обращения: 21.12.2018).
4. Zagorskij A.V. Nestrategicheskie voprosy bezopasnosti i sotrudnichestva v Arktike. M.: IMEHO RAN, 2016. 104 s.
5. Konventsiya OON po morskomu pravu [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml (дата обращения: 07.12.2018).
6. Konventsiya OON po morskomu pravu i amerikanske interesy v Arktike [Электронный ресурс]. URL: <https://humanlaw.ru/easyblog/zapis/konventsiya-oon-po-morskomu-pravu-1982-cherez-prizmu-amerikanskikh-interesov-v-arktike.html> (дата обращения: 08.12.2018).

7. Konventsiya OON po morskomu pravu: pochemu SSHA otkladyvayut ratifikatsiyu? [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/us-sea-law/940307.html> (data obrashheniya: 08.12.2018).
8. Matiyak L.A. Paradigmal'nyj dissonans politiki SSHA v Arktike // Vestnik MGIMO-Universitet. 2015. № 2. S. 108–119.
9. Obama nazval neobkhodimost'yu zapret na burenie v Arktike [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://ria.ru/economy/20161221/1484176516.html> (data obrashheniya: 15.12.18).
10. Ot Trampa trebuyut pokazat' Kremlyu "arkticheskij kulak" [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://svpressa.ru/war21/article/166329/> (data obrashheniya: 27.12.18).
11. Paskevich N.V. Politiko-pravovye aspekty syr'evoy strategii RF i SSHA v Arktike // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. № 7. S. 97–110.
12. Sakharov A.G. Izmeneniya klimaticheskoy politiki SSHA i povestka dnya Arkticheskogo soveta // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsij. 2018. T. 13. № 1. С. 66–79.
13. SMI: Islandiya i SSHA podpisali deklaratsiyu o vozvrashhenii na ostrov amerikanskikh vojsk [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-paporama/3420429> (data obrashheniya: 09.12.2018).
14. SSHA gotovy zashhishhat' interesy natsbezopasnosti v Arktike [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://vesti.kz/crime/1385/> (data obrashheniya: 27.12.18).
15. SSHA raskonserviruet aviabazu "Keblavik" v Islandii [EHlektronnyj resurs]. URL: [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://vostokmedia.com/news/politics/11-12-2017/ssha-raskonserviruyut-aviabazu-keblavik-v-islandii> (data obrashheniya: 19.12.18).
16. Tramp: Arktika vazhna dlya SSHA [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://regnum.ru/news/2315039.html> (data obrashheniya: 30.11.18).
17. Tramp podpisal ukaz o presmotre zapreta na dobychu nefi v Arktike [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.interfax.ru/business/560506> (data obrashheniya: 15.08.2018).
18. Trampa stalkivayut s Rossiej v Arktike [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://utro.ru/articles/2017/02/27/1317663.shtml> (data obrashheniya: 15.12.18).
19. Center for Strategic and International Studies "The Arctic of the Future: Strategic Pursuit or Great Power Miscalculation?" [EHlektronnyj resurs]. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/event/180509_Arctic_Future_Keynote_Address.pdf?Q1_c9wTP8uM1eATuTGaYblwE7JthG9VS(data obrashheniya: 17.04.19).
20. Department of Defence. Arctic Strategy [EHlektronnyj resurs] URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2013_Arctic_Strategy.pdf (data obrashheniya: 21.12.2018).
21. Henry P. Huntington. The Element of Surprise: Why caution in the Arctic Ocean // Environment Science and Policy for Sustainable Development. 2015, Vol. 57 (4). P. 24–28.
22. Implementation Plan for The National Strategy for the Arctic Region [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.virginia.edu/colp/pdf/national-strategy-arctic-region.pdf> (data obrashheniya: 27.12.18).
23. Min Pan, Henry P. Huntington. A precautionary approach to fisheries in the Central Arctic Ocean: Policy, science, and China // Marine Policy. 2016, Vol. 63. p. 153–157.
24. National Security Presidential Directive and Homeland Security Presidential Directive [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-66.htm> (data obrashheniya: 27.12.18).
25. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (data obrashheniya: 21.11.2018).
26. National Strategy for the Arctic Region [EHlektronnyj resurs] URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf (data obrashheniya: 27.11.2018).
27. Presidential Decision Directive/NSC-26 [EHlektronnyj resurs] URL: <https://fas.org/irp/offdocs/pdd/pdd-26.pdf> (data obrashheniya: 04.12.18).
28. The United States Navy Arctic Roadmap for 2014 to 2030 [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://info.publicintelligence.net/USNavy-ArcticRoadmap.pdf> (data obrashheniya: 21.12.2018).
29. Thomas Van Pelt, H. P. Huntington, O. V. Romanenko, Franz J. Mueter. The missing middle: Central Arctic Ocean gaps in fishery research and science coordination // Marine Policy. 2017, Vol. 85. 79–86.
30. Trump requests \$200M for new missile interceptor field in Alaska [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.ktuu.com/content/news/Trump-requests-200M-for-new-missile-interceptor-field-in-Alaska-455948093.html> (data obrashheniya: 27.12.18).
31. United States–Canada Joint Arctic Leader's Statement [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/12/20/united-states-canada-joint-arctic-leaders-statement> (data obrashheniya: 21.12.18).

Гутенев М.Ю. Арктика во внешней политике США.

В статье рассматривается появление и развитие арктической стратегии США. Анализируются ключевые исторические моменты, повлиявшие на возникновение современной арктической политики страны. В силу суровых климатических условий, отдалённости, слаборазвитой инфраструктуры арктическое направление американской политики традиционно находилось не в приоритете у Вашингтона. Усиление давления общественности США на необходимость принятия стратегии и превращения США в "арктическую нацию" завершилось в 2009 г., под конец правления администрации Дж. Буша, когда была окончательно принята стратегия, озаглавленная "Директива президента по национальной безопасности". Стратегический курс США в арктическом регионе с 1994 г. претерпел минимальное количество изменений. Во многом фундаментом политики Вашингтона в Арктике остаются экономические и военно-политические интересы. Если говорить о ближайшей перспективе, то, кроме экологического направления, общая стратегия Вашингтона в отношении Арктики не должна претерпеть каких-либо значимых изменений. Во многом это связано с тем, что большинство американских должностных лиц, курирующих арктическую политику США, остались на своих местах при Д. Трампе. Несмотря на наметившийся рост интереса США к Арктике, военно-политическая обстановка в регионе остаётся пока довольно предсказуемой и стабильной.

Ключевые слова: *Арктика, США, Россия, Арктический совет, Северный морской путь, континентальный шельф, нефть, мягкая сила, научная дипломатия*

Gutenev M.Yu. The Arctic in us Foreign Policy.

The article deals with the emergence and development of the us Arctic strategy. The key historical moments that influenced the emergence of the modern Arctic policy of the country are analyzed. Due to the harsh climatic conditions, remoteness, underdeveloped infrastructure, the Arctic direction of American policy has traditionally been not a priority for Washington. The growing pressure of the US public on the need to adopt the strategy and turn the US into an "Arctic nation" was completed in 2009, at the end of the administration of J. Bush, when the strategy entitled "presidential Directive on national security" was finally adopted. The us strategic course in the Arctic region has undergone minimal changes since 1994. In many ways, economic, military, political and environmental interests remain the Foundation of Washington's policy in the Arctic. In many ways, economic and military-political interests remain the Foundation of Washington's policy in the Arctic. If we talk about the near future, in addition to the environmental direction, Washington's overall strategy for the Arctic should not undergo any significant changes. This is largely due to the fact that the majority of American officials in charge of the us Arctic policy remained in their places under D. Trump. Despite the emerging growth of us interest in the Arctic, the military-political situation in the region remains quite predictable and stable.

Key words: *Arctic, USA, Russia, Arctic Council, Northern sea route, continental shelf, oil, soft power, science diplomacy*

Для цитирования: Гутенев М.Ю. Арктика во внешней политике США // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 133–143. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/133-143

For citation: Gutenev M.Yu. The Arctic in us Foreign Policy // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 2. P. 133–143. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/133-143

**Всероссийский научно-практический семинар "Центр и периферия: диалог или неиспользованные возможности?"
(Владивосток, 18–19 апреля 2019 г.)**

18–19 апреля 2019 г. на базе Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток) состоялся всероссийский научно-практический семинар "Центр и периферия: диалог или неиспользованные возможности?". В мероприятии, которое было реализовано в рамках одноимённого проекта при содействии и финансовой поддержке филиала Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в Российской Федерации, приняли участие 30 учёных-специалистов в области регионального развития, в том числе 12 иногородних участников из Москвы, Екатеринбурга, Новосибирска, Уфы, Курска, Сыктывкара, Махачкалы, Улан-Удэ, Барнаула, Биробиджана и др., а также представители СМИ, экспертного сообщества, общественных объединений.

Основная цель встречи заключалась в обсуждении текущего социально-экономического, демографического и пространственно-территориального развития периферийных российских регионов. Ключевые доклады семинара опубликованы в сборнике материалов [1].

В своих вступительных докладах и обращениях директор ШИГН ДВФУ, д.ф.н., проф. Ф.Е. Ажимов, директор департамента социальных наук ШИГН ДВФУ к.и.н., проф. И.Г. Кузина и руководитель проекта, к.с.н., доцент департамента социальных наук ШИГН ДВФУ А.В. Винокурова отметили, что социальное неравенство в системе отношений "центр – периферия" и потребность регионов в справедливом распределении материальных и нематериальных благ являются двумя сторонами противоречия, которое требует разрешения путём принятия научно обоснованных управленческих решений в социальной сфере. Наблюдаемая на сегодняшний день высокая степень социального неравенства имеет крайне отрицательные последствия: социальную напряжённость, ухудшение образовательного и профессионального потенциала, уменьшение социокультурного капитала и т.д. Анализ причин возникновения социального неравенства, тенденций углубления или ослабления социальной дифференциации, опыта государственного и общественного реагирования на негативные социальные индикаторы, региональных практик преодоления проявлений неравенства как локального, так и глобального характера участниками мероприятия позволил обобщить существующие и оценить возможные вызовы российскому обществу, выявить потенциальные возможности для эффективного диалога между центром и периферией.

Проблематика исследований, докладов, сообщений, представленных участниками семинара, была сформирована по нескольким основным тематическим направлениям и в некоторой степени стала логическим продолжением нашего прошлогоднего семинара "Жизнь на чемоданах": мобильность семьи и социальное благополучие", проведённого ДВФУ при поддержке Филиала Фонда Розы Люксембург в РФ [2].

© Винокурова А.В., Костина Е.Ю., 2019

ВИНОКУРОВА Анна Викторовна, канд. социол. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** vinokurova77@mail.ru

КОСТИНА Елена Юрьевна, канд. социол. наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** kostina.eyu@dvfu.ru

Вопросы пространственно-территориального развития российских регионов были представлены в докладах И.В. Купряшкина (ДВФУ), К.С. Гончаровой (Институт экономики УрО РАН), Д. Д. Бадараева (ИМБТ СО РАН), Е.А. Ерохиной (ИФИПР СО РАН). Основное внимание было сосредоточено на проблемах модернизации, самоколонизации, занятости и дифференциации уровня жизни населения Дальнего Востока и Сибири. В свою очередь, эффективное развитие периферийных территорий во многом зависит от демографических и миграционных процессов, что детально анализируется в докладах, подготовленных научными коллективами под руководством А. Г. Шеломенцева (Институт экономики УрО РАН), В.В. Фаузера (Коми научный центр УрО РАН), Д.А. Гайнанова (УФИЦ РАН) на материалах регионов Урало-Поволжья, а также северных (арктических) регионов. Тренды и перспективы пространственно-территориального развития Северного Кавказа были представлены в сообщениях А.З. Адиева (РЦЭИ ДНЦ РАН), Т.Н. Литвиновой (МГИМО).

Также участники мероприятия в своих докладах остановились на проблемах, соотносящихся с социокультурным и образовательным потенциалом российских регионов в системе центр-периферийных отношений и ролью молодёжи и подростков в этом процессе. В частности, воспроизводство и сохранение человеческого капитала, образовательные стратегии студенчества с позиций различных теоретических подходов и эмпирических исследований были представлены в соавторских докладах Е.Ю. Костиной и Н.А. Орловой (ДВФУ); И.Г. Актамова и Т.Б. Бадмацыренова (БГУ). К этому следует добавить, что жизненные стратегии подростков связаны с различными формами мобильности. В этой связи в своих сообщениях А.Г. Филипова (ДВФУ) и О.Г. Зубова (МГУ) акцентировали внимание на географической мобильности подростков, а Е.Е. Абросимова (ВГУЭС) и А.Ю. Ардальянова (ДВФУ) – на возможностях сети Интернет как канала социальной мобильности.

Институциональные трансформации и центр-периферийные процессы в региональном российском приграничье были рассмотрены в докладах Л.И. Попковой (КГУ), Э.К. Бийжановой (ФНИСЦ РАН), И.В. Калинина (ИКАРП ДВО РАН) и А.В. Винокурова (ДВФУ) проанализировали основные характеристики инфраструктуры и социально-демографических процессов в регионах дальневосточного приграничья. С.Г. Максимова (АлтГУ) представила доклад, в котором рассматриваются вопросы миграции и безопасности в азиатских приграничных регионах России.

Во второй день в рамках семинара была организована работа круглого стола "Социальная справедливость и социальное неравенство: региональное измерение", который был ориентирован на специалистов-практиков. Особо хотелось бы отметить активное участие экспертов ДВФУ – Д.А. Шелест и Я.А. Барбенко и ДВО РАН – Г.В. Кондратенко и З.И. Сидоркиной; руководителей и представителей НКО – С.К. Баженовой, С.В. Каня, С.В. Нападий, а также сотрудников Приморского отделения Союза журналистов России. Проблемное поле докладов и дискуссий, в основном, было сосредоточено на следующих вопросах: масштабы и источники региональных процессов социальной интеграции и дифференциации, эксклюзии и неполной инклюзии; основные контуры решения проблем различных групп и общностей, находящихся в ситуации социального риска; развитие теоретических и эмпирических методов исследования социально-экономических и социально-демографических региональных процессов.

Также в рамках семинара была представлена фотовыставка "Социальный портрет современного города" и проведена подиумная дискуссия – обсуждение студенческих социальных инициатив и проектов, направленных на улучшение качества жизни людей в регионах. Такой формат позволил начинающим исследователям продуктивно обсудить и презентовать результаты своих научных и социально ориентированных изысканий и наработок.

Исключительно важно то, что проблема центр-периферийных отношений в условиях развития современного общества выступила как междисциплинарная и межрегиональная. Семинар позволил обозначить и прояснить значимые тренды текущего пространственно-территориального развития РФ, вариативность этих тенденций, закрепил новые и уже сформировавшиеся на-

учные связи между представителями академического и вузовского сообщества из различных российских регионов.

В целом, все участники семинара отметили высокий научный и профессиональный уровень представленных и обсуждённых докладов. По отзывам слушателей и посетителей, прошедшее мероприятие вызвало большой резонанс, уровень организации и проведения также был признан высоким.

В свою очередь, мы выражаем свою искреннюю признательность руководству и сотрудникам Филиала Фонда Розы Люксембург в Российской Федерации за всестороннее содействие и оказанную финансовую поддержку в процессе организации и проведения всероссийского научно-практического семинара "Центр и периферия: диалог или неиспользованные возможности?", а также благодарим за оказанную помощь в издании сборника материалов по его итогам.

Литература

1. Центр и периферия: диалог или неиспользованные возможности?: сб. науч. ст. по итогам Всерос. научно-практич. семинара (Владивосток, 18-19 апреля 2019 г.) / отв. ред. И.Г. Кузина, А.В. Винокурова. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2019. 228 с.

2. "Жизнь на чемоданах": мобильность семьи и социальное благополучие: сб. науч. ст. по итогам Всерос. научно-практич. семинара (Владивосток, 26-27 апреля 2018 г.) / отв. ред. И.Г. Кузина, А.В. Винокурова. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. 198 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. TSentr i periferiya: dialog ili neispol'zovannye vozmozhnosti?: sb. nauch. st. po itogam Vseros. nauchno-praktich. seminar (Vladivostok, 18-19 aprelya 2019 g.) / otv. red. I.G. Kuzina, A.V. Vinokurova. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta, 2019. 228 s.

2. "ZHizn' na chemodanakh": mobil'nost' sem'i i sotsial'noe blagopoluchie: sb. nauch. st. po itogam Vseros. nauchno-praktich. seminar (Vladivostok, 26-27 aprelya 2018 g.) / otv. red. I.G. Kuzina, A.V. Vinokurova. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta, 2018. 198 s.

Винокурова А.В., Костина Е.Ю. Всероссийский научно-практический семинар "Центр и периферия: диалог или неиспользованные возможности?" (Владивосток, 18–19 апреля 2019 г.).

Vinokurova A.V., Kostina E.Yu. All-Russian scientific and practical seminar "Centre and periphery: dialogue or untapped opportunities?" (Vladivostok, 18-19 April 2019).

Для цитирования: Винокурова А.В., Костина Е.Ю. Всероссийский научно-практический семинар "Центр и периферия: диалог или неиспользованные возможности?" (Владивосток, 18–19 апреля 2019 г.). // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 144–146. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/144-146

For citation: Vinokurova A.V., Kostina E.Yu. All-Russian scientific and practical seminar "Centre and periphery: dialogue or untapped opportunities?" (Vladivostok, 18-19 April 2019) // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 2. P. 144–146. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/144-146

**Анатолий Александрович Щербина
(1949–2019 гг.)**

27 апреля 2019 года ушел из жизни старший преподаватель Департамента истории и археологии, председатель Профсоюзной организации Дальневосточного федерального университета, учитель многих из членов редколлегии нашего журнала Анатолий Александрович Щербина.

Более 40 лет продолжалась преподавательская деятельность А.А. Щербины сначала в стенах Дальневосточного государственного университета, а затем ДВФУ. Все эти годы его главным предметом, его призванием была история Древнего мира. С курсом Анатолия Александровича многие поколения студентов-историков знакомились, едва переступив порог университета, в самом начале своего пути к преподаванию и науке.

Учившимся у А.А. Щербины, конечно, хорошо известна его строгость, его педантичная требовательность к своим подопечным. На фактические ошибки, "мелкие" оговорки в ответах, легковесные суждения, почерпнутые из популярной литературы, он реагировал молниеносно и резко. Те, кому доводилось писать у него курсовые и дипломы и получать их тексты, буквально испестренные красными чернилами, знают с какими вниманием и тщательностью он подходил к этой повседневной, рутинной работе. Эта взыскательность к студентам была точным отражением его ревностной преданности своему предмету и досконального владения им.

Удивительная профессиональная эрудиция сочеталась у А.А. Щербины со способностью артистически свободно оперировать своими обширными зна-

Анатолий Александрович Щербина

ниями. Он мог непринужденно, между прочим, цитировать наизусть "Эпос о Гильгамеше", статьи законов Хаммурапи или сочинения Тацита. Произносимые с неизменно четко размеренной, внушительной, почти декламаторской интонацией самые причудливые для слуха шумерские, вавилонские, ассирийские и иные термины и имена прочно впечатывались в сознание слушателей. Погруженность в письменную традицию, литературность его преподавательской манеры, античный лаконизм и риторическая правильность речи были наглядным, живым примером тесного родства истории и филологии, которые еще не так давно (в середине XX в.) изучались на одном факультете.

Анатолий Александрович воплощал все более редкий сегодня тип преподавателя университета в его классическом, просветительском смысле. Миссия классического университета состояла не в обучении какому-либо специальному ремеслу или передаче набора компетенций. Она заключалась в возвышении человека до широкого, универсального взгляда на вещи. Каждый раз вставая за кафедру с невозмутимой олимпийской серьезностью, он умел *sine ira et studio* в немногих словах придать своему предмету значимость и, вернув далекой древности силу и свежесть, приподнять ее над обыденностью настоящего. И это возвышенное отношение к прошлому, к жизнеутверждающему труду историка было, быть может, самым важным уроком, который он оставил своим студентам.

Светлая память нашему учителю, коллеге, замечательному человеку!

Редколлегия

Сведения о членах редакционной коллегии

- Римская Татьяна Григорьевна** (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Барбенко Ярослав Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Винокурова Анна Викторовна** – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)
- Григоричев Константин Вадимович** – доктор социологических наук, доцент, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (*г. Иркутск*)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Дударёнок Светлана Михайловна** – доктор исторических наук, кандидат философских наук, профессор департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Журбей Евгений Викторович** (*ответственный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, зав. библиотекой Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кристофферсен Гаёе** – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (*г. Нанкин, КНР*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лебедева Марина Михайловна** – доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (*г. Москва*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин юридического факультета Морской академии Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Рыжова Наталья Петровна** – доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, профессор Академического департамента Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Филипова Александра Геннадьевна** – доктор социологических наук, профессор департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Шестак Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, доцент, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (*г. Владивосток*)
- Шин Беом-Шик** – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеулского национального университета (*г. Сеул, Республика Корея*)
- Широ Сасаки** – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (*г. Сираой, Япония*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.ojkum.ru) и перейти по ссылке в раздел "Редакция журнала".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редакция журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также всех заинтересованных исследователей публиковать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Историческое регионоведение
- ◆ Экономика и природопользование
- ◆ Социальные и демографические структуры
- ◆ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ◆ Политические отношения и управление регионом
- ◆ Мировая система и международные регионы
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Науковедение
- ◆ Дискуссия
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Научная жизнь

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в **Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

- 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки)
- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
- 22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки)
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки)
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки)
- 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки)

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: txt, doc, docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (Рукопись Иванова А.К. Из архива автора).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после в других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2018).**
9. Объем статьи – от 0,5 до 0,8 п.л. (от 20 до 32 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
10. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow. Указание источника иллюстраций – обязательно.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2019 № 2 (49)

Подписано к печати 03. 06. 2019 г. Вышло в свет 24. 06. 2019 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 13,30. Уч. -изд. л. 15,50. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

